

4.20
Анри де Ренье
собрание сочинений

ЭСКАПАДА

• A C A D E M I A •

Анри де Ренье — ЭСКАПАДА

127

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Перевод с французского
под общей редакцией
М. А. Кузмина, А. А. Смирнова
и Фед. Сологуба

XIX

«ACADEMIA»

ЛЕНИНГРАД

1926

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

ЭСКАПАДА

(L'ESCAPADE)

РОМАН

Перевод и предисловие
А. А. ФРАНКОВСКОГО

«АКАДЕМІА»

ЛЕНИНГРАД

1926

Иллюстрации
на обложке и в тексте
Н. П. Акимова

Ленинградский Гублит № 23184. Заказ № 5723. Тир. 4100.

Тип. „Красн. Газеты“ им. Володарского, Ленингр., Фонтанка, 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Круг тем, трактуемых Анри де Ренье в своих романах, довольно ограничен. Все эти романы в сущности сводятся к иллюстрации положения, что жизненная роль человека предопределена судьбой, что люди являются в некотором роде марионетками, более или менее забавными, более или менее красочными, и что наилучшее, что может сделать человек, наивысшая его свобода, заключается в безропотном покорении своей участи. Всякая попытка к бунту, к самоутверждению, всякая попытка играть роль Прометея, неизменно кончается крахом. Страсти сильнее человека, и в какие бы прекрасные и героические личины они не рядились, под этими личинами всегда скрывается грозный лик отвратительной, неумолимой и всесокрушающей стихии. Любовь не только не составляет исключение, но, напротив, является страстью самой разрушительной, самой коварной, самой манящей, самой прельстительной, а потому самой опасной. Рассказанная в «Эскападе» повесть Анны-Клавдии де Фреваль является вариантом повести Апулея о печальных последствиях попытки прекрасной Психей взглянуть, со светильником в руке, лицо своего возлюбленного Амура. «Разве», говорит Ренье, «не является она повестью, увы! всех душ, устремляющихся в поиски за любовью, и ее эскапада разве не является вечным похождением всех страстных сердец?»

Фоном для своего романа Ренье избирает с такой гениальной интуицией угаданную им обстановку XVIII века; в изображении этой эпохи — конца XVII и XVIII века — в которой разыгрывается действие его лучших романов: «Дважды Любимая», «По прихоти короля», «Встречи г-на де Брео», он — можно смело утверждать — не знает себе равных. Особенностью «Эскапады» является мастерское подражание эпистолярному стилю того времени, стилю писем мадам де Севинье. Письма маркизы де Мораंबर — шедевр.

В «Эскападе» Анри де Ренье отдает некоторую дань времени, именно: увлечению своего рода романтизмом, характерному для французской литературы последних лет. Несмотря на то, что действие «Эскапады» разыгрывается в 30-х годах XVIII века, герой его — романтический разбойник, разновидность Карла Мора. Фактически такие герои появились в европейской литературе несколько позже. Впрочем, если мы пороемся в английской литературе начала XVIII века, то, вероятно, найдем предтеч шиллеровских «Разбойников». Этот романтизм является, однако, для Ренье довольно поверхностным и внешним, по существу он — писатель классический, писатель строгих линий, четкой и ясной формы.

А. Ф.

6:Х—1926.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I

Лошади перестали тащить. С самого начала подъема они трудились, натянув постромки, и от усилия у них проступал пот на лоснящихся крупах и мускулистых ляжках. За ними колыхалась тяжелая карета на широких колесах, которые то двигались по впадинам колеи, то плющили их неровные края. Иногда, наехав на препятствие в виде большого камня, приподнятый кузов на мгновение накренился, но тотчас снова продолжался медленный подъем, который с трудом совершала запряжка под щелканье бича кучера и ругань форейтора. Наконец, достигнув вершины косогора, лошади остановились. Всадник, обогнавший было их, подъехал к дверцам кареты.

Это был здоровяк, уже немного на возрасте, но плотный и с приветливым лицом. Он был одет в ливрею, состоявшую из коричневого кафтана с голубыми отворотами и обшлагами,

плаща цвета древесной коры и дорожной меховой шапки. Еще только начинался февраль и мороз давал себя знать. Руками в длинных перчатках всадник держал поводья своей лошади, крепкого иноходца, к седлу которого были прикреплены кобуры, откуда виднелись рукоятки двух кавалерийских пистолетов. Эта предосторожность могла оказаться нелишней, так как на дорогах королевства происходили иногда нежелательные встречи, и неплохо иметь при себе вещь, способную заставить относиться к вам с уважением, когда местность пустынна, вечеряющий день возвещает о приближении ночи, и вы конвоируете по горам и долам карету с женщинами.

А таково как раз и было положение нашего героя. Когда карета въехала на косогор, сумерки начинали заметно сгущаться. Было должно быть около пяти часов вечера, что в это время года означает конец дня. Истекающий день был скорее хорошим, лошади бежали мерной рысью, и с утра карета без приключений катилась по дороге то ровной, то гористой, то покатой, тянувшейся то мимо лугов, то мимо полей, вспаханных или под паром, то мимо перелесков из молодняка или старых деревьев. Довольно долго ехали по берегу реки, которую в заключение пересекли по горбатому мосту. По мере продвижения вперед путники замечали деревни

и хутора, проезжали села и местечки, видели шпицы колоколен, но в последние часы характер местности изменился. Дорога стала более трудной и более каменистой; на всем окружающем лежала печать дикости и запустения. Наконец, карета подъехала к тяжелому подъему, который и одолела благодаря крепости ободьев, прочности колес и кузова, искусству кучера и форейтора, силе лошадей и покровительству богов. О если бы они продолжали и впредь оказывать его путешественникам, и все шло бы хорошо до самого конца; однако становилось поздно, место было на редкость глухое, и давно уже пора было добраться до ночлега!

Между тем не было впечатления, что жилье близко. С гребня, на котором остановилась карета, открывался вид на пустынное пространство, которое вскоре будет окутано ночным мраком и которое выглядело далеко не приветливо, скорее неприязненно. Покуда хватал взгляд не видно было и признаков жилья. Дорога спускалась в довольно глубокую лощину, всю покрытую перелесками и густым кустарником, устлавшим также противоположные склоны. Дорога эта была пересечена оврагами, вокруг которых делала многочисленные извивы, прежде чем достигнуть глубины лощины; чтобы взобраться оттуда на вершину холма, замыкавшего лощину

с противоположной стороны, лошадям необходимо будет проявить много выдержки и затратить большие усилия. Карете тоже необходимо будет подвигаться с осторожностью, как вследствие плохой дороги, так и по причине надвигающейся темноты. Что же касается всадника, то ему придется быть на чеку, чтобы не оступилась его лошадь. Эта мысль очень способна была привести его в беспокойство, поскольку он считал делом чести, чтобы поездка совершилась без приключений, и чтобы лица, вверенные его попечению, благополучно прибыли к цели. До сих пор все шло хорошо, но запоздание и пустынность места, в котором они находились, наполняли нашего всадника тревогой. На последнем ночлеге в харчевне от глаз его не укрылось несколько странных и подозрительных фигур, которые были словно посажены там для наблюдения, и о которых он не проронил ни слова из боязни без нужды напугать путешественниц. Пока лошади переводили дух, а кучер и форейтор наскоро подкреплялись, всадник, погруженный в такие размышления, подъехал к карете, окно которой только что опустилось и в нем показалось женское лицо.

Обладательница его не могла внушить много чувства, кроме почтения, ибо оно было широкое, с довольно мясистым носом и ма-

ленькими глазками, выглядывавшими из под высоко поднятых бровей. Под верхней губой, покрытой легкой растительностью, обрисовывался маленький рот, цвет лица был еще свежий, и все оно дышало крепостью и здоровьем. Голова с этим лицом была водружена на туловище, весьма щедро одаренном природой, позаботившейся не столько об украшении его мощными пропорциями, сколько о солидности постройки. Эта степенная матрона одета была просто, и вся ее осанка выражала мудрую осмотрительность и большую серьезность. Чувствовалось, что она принадлежит к числу людей с положением, и что достоинством своих манер и благопристойностью поведения она старается показать, что сознает всю честь этого. Тон ее голоса был поэтому солиден и учтив, когда она обратилась ко всаднику в коричневой ливрее со следующим вопросом:

— Ну что, мсье Аркнэн, скоро мы приедем? Признаюсь, что я начинаю чувствовать некоторое нетерпение, тем более что мне не очень нравится разъезжать ночью по глухим дорогам, а барышня начинает уже дремать. Это свойственно ее возрасту, мсье Аркнэн, как нашему возрасту свойственно, напротив, проявлять бдительность. Счастье еще, что г-н барон выслал вас нам навстречу, иначе я не чувствовала бы себя особенно

спокойно среди этих полей, где нам не придет на помощь ни бог, ни чорт!

При этих словах г-н Аркнэн, доверенный слуга г-на барона де Вердло, гордо выпрямился и, хлопнув рукой по кобурам пистолетов, ответил:

— Вы совершенно правы, что не боитесь, мадемуазель Гогота, ибо у меня есть чем внушить почтение любому встречному, и уверяю вас, что, в защиту чести барышни и вашей, я ни секунды не поколеблюсь всадить две пули в тело первого, кто посмеет отнестись к вам недостаточно почтительно. Эти игрушки знают, что находятся в руках такого старого солдата, как я, и они заряжены на славу, глядите ка!

И г-н Аркнэн вытащил из кобур два прекрасных пистолета с нарезными дулами и замками и очень удобными рукоятками. При виде их м-ль Гогота с ужасом вскричала:

— Боже мой! Мсье Аркнэн, вы видно хотите застрелить меня! Спрячьте эти смертоносные орудия. Ну кому придет в голову оскорбить двух слабых женщин? Нужно быть в конце испорченным, чтобы пожелать им зла, честное слово! Однакоже, благодарю вас, мсье Аркнэн, за вашу готовность защищать нас. Ах, если бы все мужчины были подобны вам, мсье Аркнэн, как трудно было бы остаться девушкой.

И м-ль Гогота Бишлон, — иначе Маргарита или Марго Бишлон, — камеристка г-жи маркизы де Морамбер, жеманно вздохнула: в каждой харчевне, на каждой станции, на каждом привале, м-ль Гогота Бишлон благосклонно принимала легкое ухаживание мсье Николая Аркнэна. Очевидно, что эта Гогота и этот Николай нравились друг другу; впрочем оба они были исполнены самых честных намерений. М-ль Гогота любовалась представительной внешностью мсье Николая Аркнэна, очень стройного в своей коричневой ливрее, молодежато сидящего в седле на большой гнедой лошади, опираясь на стремяна подошвами высоких ботфорт и с пистолетами у седельной луки. Мсье Аркнэн, с своей стороны, с интересом рассматривал м-ль Гоготу, комфортно расположившую на подушках кареты свою внушительную и дородную персону, но не забывал поглядывать также и на другую путешественницу, которая во время этого разговора оставалась безмолвной.

Тоненькая и деликатная, она совсем почти исчезала за телесами изобильной м-ль Маргариты Бишлон. В это время м-ль Анне-Клавдии де Фреваль шел семнадцатый год: она являла взору все красы прелестной и здоровой молодости. Единственный упрек, который можно было бы сделать ей, заключался

в том, что, с первого взгляда, ее молодость немного слишком внушала представление о хрупкости. Хотелось бы быть более спокойным за будущее такой красы. М-ль де Фреваль была среднего роста и безукоризненного сложения. Все ее движения были живые и порою даже немного резкие, но несмотря на это они сообщали ей бесконечную пленительность, которой не уменьшала даже некоторая худоба ее, объяснявшаяся скорее возрастом, чем природными данными. Так что, при более внимательном рассмотрении ее создавалось впечатление, что со временем она станет сильной и крепкой, но и в крепости своей сохранит нечто от теперешней деликатности. В настоящий же момент м-ль де Фреваль была сама грация. Лицо ее отличалось необычайной приятностью. Темные глаза под красивыми черными бровями оживляли его нежный и безупречно свежий румянец. Маленький тонкий нос, смелый подбородок, полные губы, дополняли впечатление. Темноглазая, чернобровая, блондинка по цвету кожи, мадемуазель де Фреваль была светлой блондинкой также и по цвету волос. Без пудры они окружили бы ее лицо широким золотым ореолом, пышность которого составила бы резкий контраст со скромностью ее костюма; однако, несмотря на кажущуюся бедность платья, она всем

своим видом производила впечатление девушки знатной. Об этом свидетельствовали также карета, в которой она ехала, и сопровождавшие ее люди, ибо м-ль Гогота Бишлон, равно как и г-н Николай Аркнэн находились очевидно в ее распоряжении и были обязаны присматривать за ней. Впрочем, м-ль Анна-Клавдия де Фреваль была создана для того, чтобы быть окруженной повиновением. Это чувствовалось по звуку ее голоса и по фамильярному тону, которым она обратилась к г-ну Аркнэну, смягчая его очаровательной улыбкой:

— Что же, Аркнэн, мы собираемся заночевать здесь? Сколько еще лье осталось нам до Вернонса.

Г-н Аркнэн почтительно поднес руку к шапке:

— Вернонс, сударыня, находится по ту сторону долины. Мы увидим его с высоты лежащего перед нами пригорка, который здесь обыкновенно называют Рэдон. Если я говорю, что мы увидим его, то это только оборот речи, так как скоро наступит ночь, а подъем на Рэдон не из легких. Не говоря уже о том, что начиная отсюда и до глубины долины дорога очень неважная. Но это пустяки! У нас есть отличные фонари, да и луна скоро взойдет. А когда мы приедем в Вернонс, то самая трудная часть до-

роги будет сделана, и нам останется только выехать пораньше утром, чтобы еще за-светло приехать в замок, где г-н барон сто-рает от нетерпения видеть нас.

Произнеся эти слова, г-н Аркнэн поплот-нее уселся в седло и подал знак кучеру и форейтору. Лошади достаточно передох-нули. М-ль Гогота Бишлон с сухим шумом захлопнула окно кареты. Бичи защелкали, колеса завертелись, и карета начала спу-скается, скрипя рессорами и осями.

Г-н Аркнэн был прав: дорога, действи-тельно, была неважная и даже скверная, так что, когда спустились в лошину, стало совсем темно. Правда, мрак не был очень густым. Слабое сияние на горизонте возвещало о близком восходе луны. Дорога была видна довольно отчетливо, но окрестности все больше и больше тонули во мраке. Дальше дорогу обступили деревья, и она потянулась под их ветвями. Так доехали до места, где она суживалась, огибая овраг. В этот момент на небе появилась почти пол-ная луна, которую до тех пор скрывали облака. Вся дорога осветилась. Но тут вдруг лошади резко рванули в сторону и сразу остановились, так что карета чуть было опрокинулась, раздались крики и ружейные выстрелы, на которые г-н Аркнэн стал было отвечать выстрелами из своих пистолетов,

но чья то сильная рука уже схватила его за сапог и заставила выпустить стремяна. Все же, падая с лошади, он успел разглядеть полтора десятка людей, одни из которых возлились около него, другие хватали под уздцы лошадей упряжки, третьи окружали карету. Все эти люди, вооруженные мушкетами, были в черных масках. Лишь у одного из них, который производил впечатление главаря шайки, лицо было открыто. Высокий ростом и статный, он был одет с некоторой изысканностью.

Это он приблизился к карете, неподвижно стоявшей поперек дороги. При шуме выстрелов кучер соскользнул с козел, а форейтор спрятался под брюхо лошади. Единственное сопротивление было оказано сыером Аркнэном, разрядившим свои пистолеты, пули которых, впрочем, никому не причинили вреда. Поэтому стычка быстро закончилась, тем более что большое облако вдруг снова закрыло лунный диск. Разглядеть что нибудь можно было лишь после того, как разбойники зажгли факелы, которые были у них, и при свете которых главарь постучал пальцем в окно кареты, в котором можно было различить перепуганное лицо м-ль Гоготы Бишлон. При виде его главарь звучно выругался и расхохотался:

— Чорт побери, сударыня, как ни велико почтение, питаемое мною к полу, к которому

вы принадлежите, вы вовсе не являетесь тем, на кого я рассчитывал, устраивая здесь засаду; и если бы бедные люди, которыми я команду, не были кротки, как барашки, то можно было бы опасаться, что, из досады, они наделают вам неприятностей, но я ручаюсь за них, и вы не пострадаете от их разочарования. О величине его вы можете судить, если я сообщу вам, что, вместо двух почтенных дам, мы рассчитывали найти в этой карете финансовую особу г-на генерального откупщика Ле Рон д'Эстернэ, кошелек которого наверное набит гораздо туже, чем ваш. Мне дали знать о проезде этого откупщика, но я не могу поверить, чтобы прелестное личико, которое я замечаю в глубине этой кареты, получало иные дани, кроме тех, что воздаются красоте восхищением, которое она внушает.

При этих словах атаман разбойников галантно поклонился м-ль де Фреваль и продолжал, держа шляпу в руке:

— Поэтому великодушно извините меня, сударыни, за то, что я побеспокоил вас в вашем чинном путешествии, но прежде, чем вы снова тронетесь в путь, разрешите мне спросить вас, нет ли при вас чегонибудь, чем вы могли бы немножко вознаградить этих храбрых людей, потерявших понапрасну день, поджидая вас?

М-ль Гогота Бишлон зашарила под юбками в поисках за жиденским кошельком, который доверила ей при отъезде г-жа маркиза де Морамбер; слушая речь атамана она дрожала всем телом перед господами разбойниками, между тем как м-ль де Фреваль при виде их не проявляла ни малейшего волнения. Она спокойно рассматривала человека, командовавшего ими, который готов уже был швырнуть полученное им подаяние в руки одного из бандитов, как вдруг этот бандит круто повернулся и повалился ничком на землю, сраженный пулею, и в тот же момент мушкетная стрельба перемешалась со стуком копыт, бряцаньем сабель и криками, среди которых можно было различить: «драгуны, драгуны».

Вокруг кареты завязалась очень горячая схватка. Дрались грудь с грудью. Разбойники, настигнутые отрядом драгун, защищались храбро. Королевская кавалерия пыталась использовать преимущества, проистекавшие от внезапности нападения, а также свое численное превосходство. Обе стороны яростно бросались в атаку. В карете, одно из стекол которой разбилось вдребезги, м-ль Гогота Бишлон лишилась чувств. М-ль де Фреваль, заботливо поддерживая ее, не упускала ничего из открывавшегося перед ней зрелища. Освещенные луной, которая снова показалась

во всем своем блеске, группы сражающихся нападали друг на друга. Воздух был наполнен криками, руганью, стонами. Полупогасшие факелы дымились на земле. Иногда раздавалось ржанье лошади, которая лишившись своего седока, натыкалась грудью на сражающихся, вставала на дыбы и гарцевала под деревьями. В течение всей этой свалки м-ль де Фреваль не спускала глаз с атамана разбойников. Прислонясь к дереву и забаррикадировавшись трупом павшей лошади, он защищался против четырех или пяти драгун, которые наседали на него, и которых он держал на почтительном расстоянии точными движениями своей шпаги. Он потерял шляпу, и лицо его было прекрасно от ярости и отваги. Вдруг м-ль де Фреваль увидела, что он нанес страшный удар шпагой одному из нападавших на него, одним прыжком вскочил в седло лошади, с которой только что сшиб седока, напугал лошадь другого своего противника, ранил третьего выстрелом из пистолета, перепрыгнул через ров, окаймлявший дорогу, и исчез в кустарнике. Увидя это, разбойники, стойко державшиеся до тех пор, прекратили сопротивление. Они пустились удирать кто куда может, и вскоре на поле битвы остались одни только мертвые и раненые, так как драгуны пустились в погоню за беглецами. Между тем офицер, командо-

вавший отрядом, считая, что сражение выиграно, соскочил с лошади и направился к карете, где м-ль де Фреваль растирала виски м-ль Гоготы Бишлон, чтобы привести ее в чувство. Что касается кучера и форейтора, спрятавшихся под кузов кареты, то они вылезли оттуда лишь после того, как поднялся на ноги г-н Аркиэн, не рискнувший сделать это во время стычки.

Тот же Аркиэн объяснил офицеру общественное положение путешественниц, на выручку которых так кстати подоспели королевские драгуны. Г-н Аркиэн, кроме того, похвалялся тем, что он первый пустил в ход пистолеты. Разве не его выстрел повлек за собой мушкетный огонь разбойников, и разве не эта стрельба послужила драгунам сигналом к вмешательству? Поздравляя их с тем, что они явились так своевременно, г-н Аркиэн не в меньшей степени поздравлял самого себя с тем, что послужил причиной их появления, радуясь не столько своему собственному избавлению, сколько избавлению особ слабого пола, сидевших в карете. Бог знает, чему подверглись бы эти женщины со стороны этих гнусных рож, какие грязные оскорбления пришлось бы им претерпеть от них! Ведь столько рассказывают о дерзких нападениях на большой дороге. М-ль Гогота Бишлон могла еще, пожалуй, дешево отде-

латься, поскольку она, наверное, не является больше девственницей, но м-ль де Фреваль находится в совсем другом положении, и подобный ущерб мог бы иметь для нее самые прискорбные последствия. Что сказали бы г-жа маркиза де Морамбер и г-н барон де Вердло, если бы в дороге стряслось несчастье над молодой барышней, вверенной его, Аркнэна, попечению? Да и ему, Аркнэну, какую мину пришлось бы скорчить, если бы он доставил в замок одну только пустую карету, так как подчас случается, что господа разбойники не только обещивают девушек, но уводят их с собою пленницами в свои берлоги и вертепы, чтобы пользоваться ими для своего удовольствия и заставлять их служить себе. А разве молодость м-ль де Фреваль не является приманкой для этих несчастных? Каким только опасностям не способны были подвергнуть ее прелести ее слабого тела и очаровательного личика!

Это мнение, впрочем, всецело разделял также и офицер, который, слушая г-на Аркнэна, внимательно смотрел внутрь кареты. Луна в то время достигла полного блеска, и то, что он увидел при ее свете, являлось наимприятнейшим зрелищем, какое только можно вообразить. М-ль де Фреваль, повидимому, не обнаруживала никакого беспокойства в опасной обстановке, в которой она

только что находилась. Она казалась всецело погруженной в глубокую задумчивость, и производила такое впечатление, точно она витает где то за тысячу лье от происходящего вокруг нее. Уши ее оставались глухими к словам, глаза явно не видели предметов, на которые смотрели, и все ее внимание было направлено на мысли, очень далекие от окружающего. Эта рассеянность м-ль де Фреваль позволяла офицеру разглядывать ее с почтительным восхищением. Разумеется, если бы он был разбойником, он не пренебрег бы такой свеженькой добычей, но он был дворянином, а не бродягой с большой дороги. Армейский офицер короля Людовика XV, лейтенант одного из его полков, он, как таковой, умеет быть галантным с барышнями, но в то же время он должен быть почтителен к тем, кто заслуживают почтения. М-ль де Фреваль принадлежала как раз к числу последних, свидетельством чему был интерес, проявляемый к ней г-жей маркизой де Морамбер и г-ном бароном де Вердло. Поэтому офицер обратился к ней с почтительной речью:

— Разрешите, сударыня, представиться вам: Жан-Филипп де Шазо, лейтенант королевских драгун, из роты Дурадура, и поздравить себя со случаем, позволившим мне быть вам полезным; но не свои почтительные чув-

ства желал бы принести я к вашим ногам, — я желал бы сложить у них голову вожака этих бандитов, которые осмелились потревожить ваш путь, и дерзость которых заслуживала бы примерного наказания. Увы, какое рвение мы ни прилагаем для их преследования и для очищения от них королевства, они наводняют его своими преступлениями! Да что я говорю? Их наглость растет с каждым днем и переходит все границы. Они не только без всякого зазрения совести очищают карманы путешественников, но, при случае, не останавливаются даже перед убийством. Наши провинции и наши города кишат ворами, карманниками, грабителями, мошенниками, контрабандистами. Вдобавок, они всюду находят каких то таинственных потакателей и соучастников. Всюду они поддерживают полезные сношения, обеспечивающие им безнаказанность и поощряющие их постыдное ремесло. Вследствие этого они создают во многих местах настоящие шайки, умело организованные и возглавляемые отважными вожаками, разрушающими наши планы преследования либо при помощи стратегических хитростей, либо при помощи открытого вооруженного сопротивления, как это было сделано шайкой, только что счастливо рассеянной моими драгунами. Мы, впрочем, уже не первый раз схватываемся с этой шайкой.

Я твердо надеюсь, что в один прекрасный день мы уничтожим ее начисто, и что нам удастся захватить в плен ее главаря. Это отчаянная голова, и он способен стать знаменитостью, если мы не примем против этого меры. Говорят, что он человек благородного происхождения и служил в армии, но на этот счет у нас нет достоверных сведений. Как бы там ни было, он храбрец. В то время, как его люди маскируются, чтобы их нельзя было узнать, он сражается с открытым лицом, и оно обладает той замечательной особенностью, что черты его каждый раз кажутся различными, как если бы этот чорт имел в своем распоряжении природные маски и последовательно надевал бы их в силу какой-то исключительной привилегии, которой он обязан прозвищем «Столикий атаман». Но сейчас он обезврежен. Шайка его сильно потрепана в многочисленных стычках с королевскими войсками, и я не буду удивлен, если она окажется надолго парализованной после сегодняшнего дерзкого выступления. Так что это вы, сударыня, будете очаровательным поводом счастливой новости, которую я возведу по нашему прибытии в Вернонс, до которого, для большей безопасности, я буду иметь честь эскортировать вас с частью моих ребят, тогда как другие останутся здесь, чтобы предать земле павших и оказать помощь раненым.

Во время этой речи, на которую м-ль де Фреваль ответила краткой благодарностью, кучер взобрался на козлы, а фореитор сел верхом на одну из лошадей упряжки. Г-ну Аркнэну была дана лошадь одного из убитых в стычке драгун, и карета снова тронулась в путь. Г-н де Шазо ехал верхом у дверцы кареты; по временам он наклонялся в надежде увидеть профиль м-ль де Фреваль, от которой он ожидал ответного взгляда, но не встречал его. М-ль де Фреваль снова погрузилась в рассеянность и задумчивость. Г-н де Шазо, видя, что от нее ничего не добьешься, намотал это себе на ус. Пожав плечами, он пришпорил лошадь и поехал во главе отряда, все время глядя в серебряное лицо месяца, которое прикрывалось иногда скользящею черною маскою легкой тучки.

II

Не принадлежа ни к очень древнему, ни к славному роду, г-да де Вердло, де Морамбер и де Шомюзи были все же очень почтенного происхождения. Во время произведенной в 1666 году Ревизии узурпаторов дворянского звания провинциальный интендант, г-н де Премартэн, которому королем было поручено произвести перепись благородных фамилий королевства и составить Гербовник после проверки документов, предъявленных претендентами, признал дворянство Жана Ла Эрод, сьера де Вердло и де Шомюзи, законным. Многим лицам пришлось пострадать от строгостей г-на интенданта и не удалось добиться от него утверждения в их звании. Одни были исключены из списка вследствие недостойных дворянина занятий, другие благодаря недостаточности представленных ими доказательств. Некоторые были присуждены к штрафу за предъявление подложных или сомнительных документов. Жан Ла Эрод принадлежал к числу тех, кто

могли бесспорно доказать свое благородное происхождение. При помощи доброкачественных и законных бумаг он доказал свое происхождение от Луи Ла Эрода, командира пятидесяти вооруженных людей отряда г-на маршала де Куржево, пожалованного дворянством в 1573 году за военные заслуги. С тех пор, и даже раньше, как об этом свидетельствовала жалованная грамота, Ла Эроды жили всегда благородно. Один из них путем женитьбы приобрел поместье Морамбер, маркизат, который сделался с тех пор титулом старшего члена семьи, между тем как второй удержал поместье Вердло, возведенное в баронию. Что касается третьего Ла Эрода, то он удевлотворился тем, чтобы его величали г-н де Шомюзи. В 1739 году эта тройная фамилия принадлежала троим братья Ла Эрод: Жану Этьену, маркизу де Морамбер, Шарлю Жозефу, барону де Вердло, и Люку Франсуа де Шомюзи.

Жан Этьен, маркиз де Морамбер, родившийся в 1679 году, служил, — служил хотя и без блеска, но с честью. Впрочем, выражение «без блеска» не совсем правильно, ибо, во время осады Доллингена, он был довольно тяжело ранен осколком гранаты при атаке прикрытого пути, что не способствовало приобретению им особого вкуса к военной службе, и он обладал им ровно в такой сте-

пени, в какой это полагается для каждого человека знатного происхождения. Поэтому г-н де Морамбер воспользовался легкой хромотой, оставшейся у него после раны, чтобы бросить ремесло, при занятии которым подвигаешься вперед лишь ценою потери одной ноги, причем, того и гляди, что лишишься обеих. Но если г-н де Морамбер питал лишь весьма посредственную любовь к войне, зато он неумеренно любил жизнь и не пренебрегал ее приятностями. Между тем бивуачное существование не слишком благоприятствует доставлению их нам. Оно держит нас в зависимости от своих превратностей и взваливает на нас тяготы, которые по доброй воле мы не взяли бы на себя. Г-н де Морамбер решил, что с него довольно, и что пора предоставить другим испытать превратности военной карьеры.

Эти соображения не мешали г-ну де Морамбер держаться благородного образа мыслей и быть твердо преданным королю и государству. Он горячо желал их преуспевания и почтения к ним от всей вселенной. Это почтение следовало обеспечивать дипломатическим искусством и, в случае надобности, силой оружия. Г-н де Морамбер в тем большей степени склонялся к мнению о спасительности этого последнего средства, что сам принял решение не прибегать больше к нему.

Он очень любил рассуждать о завоевательных войнах, которые вынужден бывал предпринимать король, и выказывал крайне нетерпимое отношение ко всему, что считал упущением по службе его величеству государю. Послушать его, так наши армии должны непрерывно быть в походе. Г-н де Морамбер не только горячо желал королевству славы и могущества: он находил, кроме того, что в нем всегда было мало порядка и власти. Народ создан для повиновения, и никакие требования к нему нельзя считать чрезмерными. Он должен не только проливать кровь, но также жертвовать своим богатством, и не в праве отказываться от уплаты налагаемых на него податей. Хвастая своими познаниями в области финансов и политики, г-н де Морамбер был весьма плодовит по части проектов реформ. Он охотно излагал свои взгляды и мероприятия, необходимые для проведения их в жизнь, подробно рассуждал о них, обосновывал их доказательствами и цифрами, подкреплял солидными доводами, сообщал им широту и размах, заботясь в то же время об изгнании из них всякой химеричности.

Эти проекты составили ему репутацию человека умного. Считалось, что в его кабинете хранится множество записок, посвященных славе и благоденствию королевства. Он разрабатывал там планы войн и походов, наме-

чал на картах движение войск, а равным образом составлял обширные проекты, касающиеся учреждений и законов. Эти работы и эти широкие замыслы гармонировали у г-на де Морамбер с выражением его лица, которое было у него самонадеянно, серьезно и глубокомысленно. Несмотря на свою хромоту, маркиз де Морамбер был красивым мужчиной, с правильными чертами лица, полный и представительный. Костюмы его всегда были элегантно и опрятно. Дом его содержался прекрасно, по военному. Состояние его, не являясь исключительным, было в то же время не маленьким. Вообще Ла Эроды были люди не бедные, благодаря средствам деда по матери Нодэна, откупщика, от которого г-н де Морамбер, по всей вероятности, и унаследовал свои финансовые способности. На правах старшего в семье он получил наиболее значительную часть материнского наследства, но твердо решил не довольствоваться ею и присоединить к ней экую приличного приданого женщины, которая согласится разделить с ним постель и блестящее будущее, к которому он считал себя призванным. Такая женщина и была послана ему судьбою в лице Жюстины Филомены де Воберси и в условиях, соответствовавших всем заветным его желаниям. Впрочем, для достижения успеха г-н де Морамбер не пощадил

стараний, и в браке его нашли счастливое сочетание интересы и вкусы.

Первым условием, которому удовлетворяла м-ль де Воберси, было внесение ею в хозяйство приличных средств. Г-н и г-жа де Воберси, у которых она была единственной дочерью, сочли благоразумным так обеспечить ее, чтобы муж смотрел на нее не как на обузу, а как на поддержку. Счастливое обстоятельство, делавшее ее прекрасной партией, не слишком обесценивалось у м-ль де Воберси обладанием, в противовес ему, некрасивой наружностью. М-ль де Воберси, не будучи красавицей, могла нравиться глазам, не требовавшим от женщины, чтобы она ослепляла их. Это была высокая девица, крепкая с виду, хорошо сложенная и не слишком дурная лицом. Немножко костлявая и жилистая, она не была лишена, в осанке и в походке, ни изысканности, ни достоинства. У нее были довольно красивые глаза и довольно красивый цвет кожи, хотя черты лица были слишком резкими. Она говорила хорошо, немножко хриплым голосом и немножко властным тоном, в тоне этом чувствовалась уверенность ума трезвого и уравновешенного, широта и тонкость которого обнаруживалась в самых незначительных ее суждениях. М-ль де Воберси получила хорошее образование, и это обстоятельство сообщало разговору ее

разнообразии, несколько не делая его педантичным. Она была начитана и имела познания в истории, географии и даже математике, что являлось совсем необычным для девушки. Сюда присоединялись еще кое какие сведения в области естественных наук и изящных искусств. Все это предвещало в ней прекрасную супругу. М-ль де Воберси сумела бы держать в порядке дом и устраивать приемы; и г-н де Морамбер очень рассчитывал развить в ней эти качества. Не будучи безумно влюбленным в м-ль де Воберси, г-н де Морамбер чувствовал, однако, к ней некоторое влечение. Мысль спать с ней в одной кровати не возносила его на седьмое небо, но он считал себя способным честно исполнять супружеские обязанности и даже получать от этого подобающее удовольствие, которое будут дополнять другие удовольствия, иного порядка, в том числе удовольствие тесного и искреннего единодушия в области взглядов и суждений.

На этот счет у г-на де Морамбер были свои собственные мысли, и он считал брак связью длительной, где чувства должны принимать участие в интимной близости, но эта близость основывается не на них одних. Брак построен на соблюдении выгод обеих сторон, и совместное пользование ими составляет основу супружества. Поэтому необ-

ходимо самое тщательное соблюдение его условий, даже таких, на которые чаще всего обращается мало внимания. И вот г-нде Морамбер твердо решил быть примерным мужем. Он поклялся не быть ветренником, соответственно моде времени, и хвалился, что встретил такие же склонности у м-ль де Воберси, которую он с самого же начала посвятил в свои намерения. На этот счет между ними было достигнуто полное согласие. Г-нде Морамбер никогда не нарушал его. Впрочем, эту верность нельзя было вменить ему в особенно большую заслугу. Не будучи особенно падким до женщин, он охотно пожертвовал всеми ими ради собственной жены. Таким то образом г-нде Морамбер подготовил себе скромный и солидный семейный очаг и безмятежное супружеское счастье.

Он не ошибся в своих расчетах. Г-н и г-жа де Морамбер, поселившись после свадьбы в особняке, приобретенном ими на улице Таран, в квартале Сен Жермен, вели там жизнь приличную во всех отношениях, т. е. самую рассудительную и самую размеренную, какую только можно себе представить. Расходы были строго согласованы с доходами, в доме отличный порядок, прекрасный, но не роскошный стол, одежда в соответствии с их положением, никакого излишества и никакой скарденности. Они выбрали себе об-

щество по своему вкусу. Г-жа де Морамбер принимала в своем салоне почтенных мужчин и уважаемых женщин, не считаясь с увлечениями момента и прихотями моды. Два раза в неделю в особняке Морамбер устраивались ужины, и приглашение на эти ужины считалось большой честью. Там можно было встретить лучшее общество двора и города. Г-н де Морамбер привлекал к себе репутацией человека, подготовлявшего большой труд относительно необходимых для государства реформ, а г-жа де-Морамбер стяжала известность как женщина здравомыслящая и умная. Поэтому в салоне ее охотно собирались и прощали ей некоторую резкость манер и безапелляционность суждений. С возрастом эти склонности у нее усилились, но все привыкли применяться к ним. Она нашла, к тому же, и другой объект для своей склонности к властвованию, подарив г-ну де Морамбер двоих сыновей, которым она могла внушать свои принципы и на которых могла применять свои методы.

Разница в возрасте между двумя мальчиками сводилась к одному году, ибо г-н де Морамбер действовал быстро и добросовестно, считая, что мужчина должен производить потомство лишь в расцвете своих сил, почему Луи и Жан де Морамбер были юношами крепкого телосложения. Незначительная разница в возрасте

позволила им иметь общих учителей, и родители не жалели средств на то, чтобы приглашать наставников первоклассных. Эти наставники могли только гордиться молодыми Морамберами. Юноши подавали большие надежды и вполне удовлетворяли родителей по части успехов в науках и доброго поведения. Впрочем, перед их глазами всегда были одни только прекрасные примеры. Таким образом, они выказали себя с самой лучшей стороны, но можно ли быть вполне спокойным за чье бы то ни было будущее? Оно всегда таит в себе неизвестность, ибо в сердцах человеческих заключено много тайного зла и темной порочности, и никто не поручится, что они неожиданно не проявятся в один злосчастный день!

Так именно говорил себе иногда маркиз де Морамбер, принимаясь думать о своем младшем брате, называвшемся г-н де Шомюзи. Вкусы и поведение этого г-на Шомюзи были таковы, что он постоянно причинял хлопоты и беспокойство семье, не покрывая ее, однако, позором и бесчестьем, ибо чрезмерная любовь к женщинам, которой отличался г-н де Шомюзи, не является делом постыдным. Склонность эта, которую годы нисколько не умерили, обнаружилась у г-на де Шомюзи уже в ранней юности с пылом и буйностью невероятными. Правда, что природа как будто

нарочно создала его для подвигов на этом поприще, наделив его соответствующей наружностью и телесными качествами. Обладая исключительными данными для любви, г-н де Шомюзи питал особенно сильное пристрастие к ее физической стороне. Страшная сила темперамента толкала его к этому, и г-н де Шомюзи не пытался бороться с нею. В оправдание его нужно заметить, что дамы охотно шли навстречу его посягательствам. За свою уступчивость они бывали вознаграждаемы продолжительностью и частотой наслаждения, которое он им давал, получая его при этом и сам. Г-ну де Шомюзи редко приходилось сталкиваться с жестокими, тем более, что его сильный аппетит оставлял его довольно равнодушным к качеству чувственных яств, которыми он лакомился. Будуар и мансарда казались ему местами одинаково пригодными для любовных утех. Он был одинаково снисходителен к одежде и к наружности. Женщины были ценны для него, если можно так выразиться, только некоторой своей частью, которой он подчинял все другие. Известна была его странная неразборчивость, необъяснимое внимание, оказываемое безобразным замарашкам, и переход от самой низкой похоти к самым утонченным желаниям.

В самом деле, г-н де Шомюзи изведal все случайности и познал удовлетворения самые

разнообразные. Соломенный матрац и роскошная софа являлись последовательно местом его любовных развлечений. Довольно скоро приобретя некоторую полноту, он сохранил однако всю свою телесную живость, соединяющуюся у него с живостью ума, необычайно тонкого и игривого, способного иногда на выходы самые забавные, почти граничащие с гениальностью. Поэтому его очень ценили, и особенное удовольствие ему доставляло общество женщин, причастных театру, оперных актрис и всякого рода статисток и фигуранток. Ни одна из них никогда не отказывала этому сластолюбивому и веселому толстяку, который просил у них только минутной благосклонности и не требовал длительной связи. Г-н де Шомюзи жил, поэтому, непрестанно меняя женщин, и покатился бы со смеху, если бы кто заикнулся перед ним о браке. Мысль довольствоваться законными сношениями с одной женщиной показалась бы ему непонятной и даже отвратительной. В самом деле, рано или поздно наступает пресыщение друг другом, — во что же превратится совместная жизнь в мгновения, когда желание взаимно не украшает вас больше своими приманками и своим очарованием? На эту тему г-н де Шомюзи был неистощим, ибо он умел приводить доводы в оправдание своего беспутства

и философствовать о любви. У него бывали иногда большие споры с братом Морамбером и с невесткой, которая, глядя на него и возражая ему надменно и уверенно, все время, казалось, кипела от негодования, скорее напускного, чем подлинного, и являвшегося, вероятно, выражением той тайной и глухой зависти, которую добродетель питает к пороку.

По удовлетворении своего ненасытного любовного голода г-н де Шомюзи становился безупречным светским человеком наилучшего тона. В разговоре он проявлял оживление и здравый смысл и умел, когда нужно было, воздержаться от всяких вольных и непристойных тем, не строя при этом благочестивой физиономии. Он довольствовался тем, что втайне смотрел с некоторым удивлением и пренебрежением на людей, тративших свое время не на любовь и не на плотские наслаждения, а на какоенибудь другое занятие. Он поражался, как можно находить интерес в чемнибудь другом, а не в том, чтобы прижиматься губами к чьимнибудь чужим прекрасным губам, не в том, чтобы сжимать в объятиях чьелибо приятное и вкусное тело, предварительно совлеки с него все, что скрывает его от наших глаз. Его не переставал восхищать способ, каким женщины удовлетворяют любопытство, возбуждаемое ими

у нас, и готовность, с какою они соглашаются предоставить нам развлечение, доставляемое нам их грудью, их бедрами, их ляжками, их ногами и самыми секретными частями своего тела. Существует чудесное разнообразие приемов, применяемых ими при этих обстоятельствах, и равным образом они в такой степени различаются между собою своими формами, движениями, цветом кожи и запахом, что г-н де Шомюзи не понимал, как можно не отдаться изучению всего этого и не сделать из него постоянного и исключительного занятия. Люди, отказывавшиеся от него по религиозным или моральным соображениям, казались ему совершенно безрассудными и достойными сожаления.

Такого рода сожаление он питал к своему брату Морамберу, которого несмотря на все его достоинства, считал большим дураком. Что, в самом деле, смыслил в любви этот несчастный Морамбер? Кое какие мимолетные гарнизонные связи да несколько изнасилований во взятых неприятельских городах, вскоре после чего он перешел к суровым прелестям своей супруги и ими одними удовольствовался. Разумеется, г-н де Шомюзи отдавал должное г-же де Морамбер и уважению, которым она была окружена, но он сомневался, чтобы она была способна, одной своей особой, удовлетворять все желания, все прихоти любви.

Ему казалось невероятным, чтобы в ней заключалось такое обаяние, что порядочный муж не мог бы мечтать ни о чем лучшем. Напрасно г-н де Шомюзи мысленно наделял свою невестку самым чудовищным распутством, он не мог убедить себя, что ему доставит удовольствие разделять его с нею. Все эти картины воображения оставляли его холодным и нисколько не изменяли его мнения. Настоящим местом г-жи де Морамбер была не постель со смятыми простынями и продавленными подушками, но скорее ее гостиная, где, нарядно одетая и причесанная, она восседала в каком нибудь кресле и вела умные речи со знатными гостями. Таким образом он отводил ей роль интересной собеседницы, после того, как его воображение вдоволь насыщалось любовными картинами, к которым увлекало его любопытство, питаемое им ко всему, касающемуся любви.

Г-жа де Морамбер очень изумилась бы, если бы узнала, каким мечтам предавался подле нее ее деверь Шомюзи в моменты задумчивости, в которую он погружался иногда в ее присутствии, и которая, она льстила себя мыслью, вызывалась у него видом честной женщины. Разве не могло случиться, чтобы ее достойная особа внушила г-ну де Шомюзи сокрушение в развратной жизни, которую он вел, и в грязных привычках,

выработанных у него этой жизнью? У самых закоренелых грешников бывают такие минуты просветления и раскаяния, и ими нужно пользоваться для попыток возвращения их на путь истины. Г-жа де Морамбер иногда и прибегала к ним, делая представления г-ну де Шомюзи по поводу образа жизни, которого он упорно держался, и скандальность которого увеличивалась с возрастом, к которому он приближался, и который не был больше возрастом малчишеских походов. Конечно, до сих пор г-ну де Шомюзи благоприятствовало изумительное здоровье, но если слишком напрягать тетиву и чрезмерно сгибать лук, то может случиться, что он сломается... Пусть г-н де Шомюзи не почувствовал еще приближения опасности, слава богу, но опасность от этого все же не стала меньшей, и она может оказаться гибельной благодаря своей силе и стремительности! Существует множество примеров таких внезапных крушений, которые вызываются злоупотреблением наслаждениями скорее, нежели какими либо другими обстоятельствами, и во время которых видишь, как развратник тыкается носом в тарелку или вдруг тяжело валится на землю, сраженный мстительным апоплектическим ударом. В самом деле, не пришел ли час образумиться? Разве г-н де Шомюзи не достиг уже возраста воспоминаний, долженствующего

прийти на смену поре экспериментов? Разве он сделал их недостаточно? Не следует переполнять чашу, иначе она прольется через край!

Г-н де Шомюзи слушал эти увещания с улыбкой. Если бы все женщины были похожи на его достойную невестку, он охотно воздержался бы от сношения с ними, но, пока она говорила, прелестные образы проносились перед глазами г-на де Шомюзи. Смеющиеся и свежие лица дразнили его нежными и лукавыми взорами, коварные голоса обращались с приветливыми словами... Они вставали из времен его юности, поры зрелости, из всех периодов его жизни. И дело не ограничивалось лицами, голосами, взглядами. Другие прелести возбуждали его. Женские тела вставали перед ним, вытягивались, сладострастно извивались. Г-н де Шомюзи чувствовал себя окруженным ими, чувствовал их прикосновение, ласки, и все это сообщало изрядную пикантность его мысли, что вот сейчас, прослушав нравоучение г-жи де Морамбер, он отправится в какой-нибудь кабачек развлечься за бутылочкой хорошего вина и помечтать над любовными воспоминаниями, если только не представится случай перейти от воспоминаний к действию. Г-н де Шомюзи чувствовал себя способным на это, так что если бы г-жа де Морамбер была более вни-

мательна к внешним проявлениям такого рода желаний, она отлично могла бы заметить, что слова ее произвели совсем не такое действие, как ей хотелось бы.

Эти неудачи не препятствовали г-же де Морамбер возобновлять свои попытки. Они распространялись также на грязную среду, в которой вращался г-н де Шомюзи. Если некоторые приключения ввели его в довольно высокие общественные круги, то он вскоре стал искать обстановки более подходившей к его вкусам, отличавшихся буржуазным характером, чтобы не сказать вульгарностью. Вследствие этого он очень любил бывать в обществе публичных женщин. Многие из них вышли из средних сословий, а то и просто из народа, откуда они легко выбиваются в свет, хотя под наружным лоском, быстро приобретаемым ими, достаточно ясно видно их происхождение, низменность которого очень дает себя чувствовать. От него у них остается прямота и непосредственность, которые бывают не лишены прелести, и г-н де Шомюзи был в достаточной степени чувствителен к этому безыскусственному и крепкому аромату. Он ощущал в себе большую склонность к самым простым и вульгарным связям. Эта склонность все увеличивалась у него с возрастом, и ничего не давало г-ну де Шомюзи более полного удовлетворения, чем све-

жая, здоровая и бойкая на язык девушка из народа. Поэтому он с увлечением разыскивал их. Часто можно было видеть, как он расхаживает по улицам и рыночным площадям, заходит в лавочки и запросто болтает там у конторки, поджидая окончания работ в магазинах и мастерских и подхватывая понравившуюся ему продавщицу или работницу.

Эти привычки сделали г-на де Шомюзи завсегдаем самых неподходящих для него мест; он был своим человеком в Куртиле и у Рампоно ¹⁾. Он не гнушался ни садиками предместий ни деревенскими кабаками. Сколько раз его можно было видеть по воскресеньям в Шарантоне или в Бисетре в обществе какогонибудь хорошенького и свеженького личика, если только он не отправлялся в Монморанси или в Гонес рвать вишни или пить молоко с черным хлебом! Ах, как он любил бегать по ярмаркам, суетиться на сельских балах, то срывая косынку, то развязывая подвязку! Эти народные увеселения бесконечно нравились г-ну де Шомюзи, и он не гнушался даже гораздо более компрометирую-

¹⁾ Куртиль—старинный квартал в Париже, славившийся своими кабачками; Рампоно—знаменитый ресторатор того времени.

щего общества. Любопытный ко всему, он забирался подчас в такие трущобы, появляться в которых небезопасно. Как то раз он даже взял там себе в любовницы некую Жанету Фортье, красивую девушку, которая была замешана в одном воровстве, и он так неосторожно оказывал ей покровительство, что г-н лейтенант полиции уведомил маркиза де Морамбер о неприятностях, могущих возникнуть для г-на де Шомюзи от подобных знакомств. Г-н де Шомюзи не слишком был взволнован этим вмешательством полиции, говоря, что наслаждение заботится только о самом себе, и что женское тело всегда является женским телом, поскольку, по крайней мере, оно не отмечено на плече знаком королевской лилии, и прибавляя, что честный мужчина вправе наслаждаться им, если оно красиво, и не предъявлять к нему никаких других требований, кроме того, чтобы оно было хорошо устроено для любви. Поэтому г-н де Шомюзи продолжал действовать в духе своих привычек, несмотря на то, что его предупредили о неприятных последствиях, к которым может привести его поведение. Эти предупреждения были вовсе не такими неосновательными, ибо в одно прекрасное утро г-н де Шомюзи был подобран полуживой у порога подозрительного кабака на набережной Рапэ, при чем от него так ни-

когда и не удалось добиться, кто устроил ему эту засаду.

Как ни неприятно было это приключение, оно не умерило сердечного пыла г-на де Шомюзи, и он продолжал расточать все свои силы на любовные похождения. За исключением обладания женщинами у г-на де Шомюзи было мало потребностей. Они сводились у него к тому, чтобы быть прилично и опрятно одетым и принимать пищу и питье в количестве, необходимом для поддержания телесных сил в таком состоянии, чтобы они могли служить любовным утехам. Удовлетворив эти потребности, он охотно раздавал свои средства особам, выразившим готовность получить часть их в обмен на удовольствие, которое они давали ему. Г-н де Шомюзи был превосходнейшим человеком и самым щедрым любовником. Он был вовсе лишен честолюбивого желания быть любимым за присущие ему самому качества, находя вполне естественным, чтобы женщины стремились извлечь выгоду из его пристрастия к любви, и не усматривая в этом никакой неблагодарности или неделикатности. Он охотно предоставлял свой кошелек в распоряжение своих подружек и удерживал из него для себя лишь на удовлетворение самых насущных потребностей. У него никогда не было ни кареты, ни лакеев, ни поставленного

на широкую ногу дома; он довольствовался наемными комнатами и случайной прислужкой. Он мирился с жизнью в гостинице или харчевне и менял их, чтобы находиться поближе к кварталу, где жил предмет его страсти. Он выбирал себе там помещение и перевозил в него свои скромные пожитки. Ему было достаточно одной хорошей комнаты и маленькой уборной. Такому образу жизни он обязан был полнейшей свободой и привольем, почему объявлял содержателей парижских гостиниц самыми приятными людьми в мире. Впрочем, он сидел у себя дома чрезвычайно редко, будучи по природе ротозеем и зевакой. Он любил все парижские зрелища, заявляя, что нет лучшего поля для охоты, и что нигде в другом месте он не встречал в подобном изобилии и разнообразии дичь, до которой был лаком. Однажды, когда его невестка Морамбер упрекала его в ротозейничанье и беспутстве и предсказывала, что в один прекрасный день его найдут на тротуаре без признаков жизни в результате какогонибудь любовного безрассудства, он ответил ей, «что нет ничего смешного в такой смерти на улице, лишь бы только она не была умышленной». Г-жа де Морамбер пожала плечами, но г-н де Шомюзи ни в чем не изменил своего поведения. Он жил счастливо, неизменно предаваясь своему излюб-

ленному наслаждению, и достиг таким образом пятидесяти лет, не заметив, чтобы природа советовала ему беречь себя в игре.

Если г-н де Шомюзи избрал этот странный образ жизни вследствие своего вкуса к женщинам, то его другой брат, барон де Вердло, в силу столь же основательных соображений, вел себя совсем иначе. Холостяк как и г-н Шомюзи, г-н де Вердло остался таким по причинам, которые заслуживают быть изложенными. Не столь высокий и представительный, как г-н де Морамбер, не столь дородный и крепко сшитый, как г-н де Шомюзи, г-н де Вердло являл взорам приятную округлость. Пухленькое тело и немножко кукольное лицо делали его благообразным на вид. Руки у него были полные и красивые, ноги немножко короткие. Выражение доброты и учтивости, разлитое по его лицу, располагало в его пользу. Благодаря свежему румянцу, заливавшему его щеки, он в молодости был красивым малым, и эта приятная наружность решила его участь. В восемнадцать лет он привлек к себе внимание жены Дю Вернона, банковского деятеля, который впоследствии с таким треском разорился. Эта г-жа Дю Вернон, особа изобильная и темнокожая, с жгучими глазами и ослепительно белыми зубами, делавшими ее похожею на людоедку, воспылала безумной страстью к «ма-

ленькому Вердло». Барон де Вердло, скромный и простодушный, был польщен внушенным им чувством и из тщеславия ответил на него почтительным согласием. Начиная с этого момента, жизнь рассудительного и робкого мальчика сделалась ужасной. Г-жа Дю Вернон прямо таки бешено привязалась и пристрастилась к нему, обратила его в свою вещь, свою собственность, свою игрушку, и распоряжалась малейшими его действиями. Бедный мальчик Вердло не мог пальца поднять, не мог вздохнуть, без согласия этого деспота. Она одевала его, кормила, опрыскивала духами по своему вкусу, требовала, в зависимости от настроения, то воздержания, то излишеств, и доходила до того, что заставляла его принимать в надлежащий час слабительное и непременно хотела присутствовать в момент, когда оно оказывало свое действие; словом, угнетала несчастного самой жестокой и самой страстной тиранией.

Четыре года, прожитые неудачливым Вердло в положении любовника, были четырьмя годами непрерывного рабства и непрерывных любовных подвигов, для которых он вовсе не был создан. Ему приходилось не только отдать себя — все свои помыслы и все действия — в полное распоряжение этой требовательной и ненасытной любовницы, но еще и пускаться в самые разнообразные и самые

рискованные похождения. Бедняга Вердло изведal множество страхов. Он должен был карабкаться по приставным лестницам, пробираться по потайным лазейкам, взлезать на балконы, отпирать замки поддельными ключами, подвергаться опасности быть искусаным собаками или избитым алебардами швейцаров, прятаться под кроватями, хорониться в шкафах, питаясь хлебом и водой, совершать поступки, вызывавшие у него колику и заставлявшие обливаться холодным потом. Он чах от такого режима, не осмеливаясь восстать против него и вырваться на свободу, ибо он трепетал от страха перед этой надменной Зиновией, которая запрягла его в свою триумфальную колесницу. Наш Вердло в заключение, вероятно, совершенно обессилел бы, если бы одно неожиданное обстоятельство не освободило его от рабства, в котором он пребывал. Однажды утром, придя по приказу своей повелительницы в особняк Дю Вернон, он застал там большую суматоху. Воздух был наполнен пронзительными криками г-жи Дю Вернон, которую муж подвергал порке, принимая в этом деле личное участие. Неожиданно возвратясь из поездки, Дю Вернон застал жену в объятиях юного поваренка, который, сохранив из всего поварского наряда один только белый колпак, во всю трудился над почтенной да-

мой, так что та, упоенная пятнадцатью годами поваренка, совсем позабыла об уже хладеющем пыле г-на де Вердло. Вот эта то неверность и была причиной порки, от которой голосила, разложенная на полу, г-жа Дю Вернон, меж тем как ее юный любовник, уже получивший должное наказание, с плачем натягивал на себя штаны.

При этом зрелище г-н де Вердло тотчас же дал тягу. Возвратясь домой только для того, чтобы захватить кошелек с лундорами, он не оглядываясь и щедро давая на чай на каждой станции, во всю прыть помчался в свое поместье Эспиньоли, и прибыв туда, в изнеможении и запыхавшись, он тотчас же повалился в постель и пролежал в ней целых четыре недели, питаясь одним только гоголь-моголем и куриным бульоном. От этого бегства и испытания, которому он подвергся, толстошеекое лицо г-на де Вердло навсегда приобрело какое то испуганное выражение. У него остались также после этого болезненный страх к женщинам и непреодолимое отвращение к любви. Лежа в постели и весь содрогаюсь от ужаса, он дал себе клятву, что никогда не разделит своего ложа ни с одной женщиной. Он навсегда отказался от плотских наслаждений и от огня страстей. Он был сыг ими по горло и больше не попадетя на эту удочку, даже при условии за-

конного брака. Хотя бы даже сама Венера, три грации и девять муз стали просить его об этом, никогда больше он не согласится выбрать себе подругу среди представительниц этого страшного пола, с нравом которого он познакомился на собственном опыте. Чтобы избежать всякой опасности с этой стороны, он твердо решил впредь вовсе не подпускать к себе проклятых самок. Отныне ни одной из них, будь она раскрасавицей, не удастся одолеть его предубеждение. Впрочем, убегая таким образом от любви, он не испытывал никакого сожаления. Мысль чувствовать рядом с собой женское тело и вступать с ним в малейшее соприкосновение была до тошноты отвратительна ему. Что может быть безобразнее грудей и животов и места, которое называют аппаратом наслаждения? Что может быть противнее ласк и объятий, служащих приготовлением к нему, поцелуев, горячащих нашу кровь? Каким образом два разумных существа могут соединяться и сливаться подобным способом? Если рассуждать здраво, то разве выносима́ какаянибудь женщина, кроме старухи, нагота которой прикрыта приличными одеждами, и разве не являются единственным приемлемым ее украшением усики и пучок волос на подбородке?

Он и нанял себе в услужение двоих обладательниц этого успокоительного и почтен-

ного качества, когда поселился в Эспиньялах, ибо, наравне с женщинами, он возненавидел также Париж, и ничто больше не в силах было завлечь его туда, даже свадьба брата Морамбера. Г-н де Вердло извинился, что не может присутствовать на ней. Он ограничился тем, что поздравил г-на де Морамбера с совершением семейного долга, и послал ему еще более горячие пожелания, когда г-жа де Морамбер произвела на свет двух сыновей, которые должны были обеспечить дальнейшее существование рода. Г-н де Вердло считал себя таким образом вдвойне освобожденным от брака: благодаря отвращению, которое он питал к нему, и вследствие того, что брат его взял на себя заботу о продолжении их дома. Г-н де Вердло будет содействовать его материальному благополучию, сохранив свое состояние для племянников, ибо было мало шансов надеяться, чтобы им досталось что либо от г-на де Шомюзи. К тому же, поведение этого последнего внушало отвращение г-ну де Вердло.

Уходящие годы несколько не изменили умонастроения г-на де Вердло. Если с течением времени г-н де Вердло перестал испытывать тошноту при мысли о непристойном поведении г-на де Шомюзи, то он все же остался решительным и убежденным холо-

стяком. Его антипатия к любви и к женщинам выражалась в сдержанности, так что даже дружба с женщиной показалась бы ему неблагоприятным. Эта недоверчивость не мешала, однако, г-ну де Вердло проявлять при всех обстоятельствах крайнюю учтивость и любезность, несвободную, впрочем, от некоторого замешательства. Присутствие особ другого пола, правда, не причиняло ему больше неприятного чувства, но все же наполняло его некоторою робостью. Даже в обществе своей невестки он не мог избавиться от этой робости. Г-н де Вердло оставался настороже. Вытеснив таким образом любовь из своей жизни, он заменил ее религией и чревоугодием. Г-н де Вердло был набожен и в мыслях и на деле, и исполнение предписаний религии составляло одно из главных его занятий. Стол тоже был предметом больших его забот. Наконец, г-н де Вердло очень любил заниматься садом. Он был искусен по части выведения некоторых культур, и особенно удачными выходили у него прививки. Его отвращение к женщинам не сделало его ни саркастическим ни неприязненным к ним. Он только чувствовал предубеждение к ним благодаря своим воспоминаниям, которые время умирало, но не изгладило. Находясь вдали от них, и огражденный от их посягательств одиночеством,

в котором он пребывал, г-н де Вердло вел жизнь спокойную и размеренную, весь поглощенный заботами о здоровье, соблюдением своих привычек и управлением домом. Несколько раз он принимал в нем брата своего Морамбера и свою невестку, неоднократно приезжавших к нему в гости. Когда старшему сыну г-на де Морамбер пошел девятый год, а младшему восьмой, маркиз почел своим долгом представить мальчиков г-ну де Вердло в качестве будущих его наследников. Г-н де Вердло принял своих племянников с удовольствием и наполнился жалостью к ним. Разве эти дети, находящиеся сейчас в невинном возрасте, не должны будут впоследствии почувствовать в себе плотские вожделения? Как и другим юношам, им придется подвергнуться атакам бесстыдниц и распутниц. Любовь захочет сделать из них любовников. Хватит ли у них силы защититься от нее, достанет ли разума устоять против ее коварных прельщений? Демон любви бесконечно изобретателен, и г-н де Вердло с жалостью поглядывал на молодых Морамберов, которым модные костюмы сообщали уже вид маленьких мужчин, несмотря на то, что щеки их были вымазаны кремом, а рот набит пирожными. Но будут ли они довольствоваться и впредь невинными удовольствиями в таком роде или развлечениями, которые

они находили в настоящий момент в Эспиньялях: ужением рыбы в пруду или игрой в шары на аллеях сада.

Хотя г-н де Вердло смотрел на отъезд мальчиков не без сожаления, он однако не чувствовал никакого расположения последовать за ними в Париж, чтобы вернуть их родителям сделанный ему визит. Мысль снова увидеть шумную столицу наполняла его страхом. Ему казалось, что похотливый призрак г-жи Дю Вернон схватит там его за горло, чтобы заживо уложить на постели пыток, на которой некогда она укладывала его подле себя. От этой мысли мороз шел по коже у г-на де Вердло.

Париж представлялся ему проклятым местом, погибельной бездной. Разве женщины дерзко не занимают в нем первого места? Они наполняют его улицы, бульвары, театры, выставляя на показ румяна своих щек и белизну своей груди. Приманки их бесстыдно красуются у всех на виду, и они еще более подчеркивают их всевозможными ухищрениями кокетства и всем искусством моды. Они торжествуют там во всем великолепии своего могущества. Они пропитывают воздух своими духами, наполняют его своим стрекотаньем, отравляют своим важничаньем, своими манерами, своими ужимками. Они язва и отравы Парижа. Любовь, во всех ее формах, является

их непрерывным дьявольским занятием. Непрестанно они расставляют там свои сети, чтобы уловлять в них несчастных, неразумно попадающих на их гнусные уловки. Все это соединялось в воображении бедного г-на де Вердло в ужасную картину, перед которой корчилось его пухлое лицо, причем его парижские страхи не ограничивались только что перечисленными!

Не мало страха внушал ему брат, г-н де Шомюзи. Г-ну де Вердло казалось, что достаточно ему прикоснуться к руке этого распутника, и к сердцу его подступит смертельный холод. Разве г-н де Шомюзи не был весь пропитан любовью и сладострастием, и разве не являлся он распространителем заразы? Разве не отдавал он любви все свои силы и не был покорным рабом самых грубых и самых низменных своих желаний? Он удовлетворял их, не взирая ни на что, с чудовищным цинизмом и с полным презрением к их изменности. Любовь была в его мыслях, в его жестах, в его действиях, в его теле, в его крови, во всем его существе и наверное даже в его сновидениях. Г-н де Шомюзи был для г-на де Вердло каким то зачумленным, одно присутствие которого наполняло воздух заразой. Г-н де Вердло не мог себе представить его иначе, чем в самых циничных, самых похотливых позах, позах

самых необыкновенных, внушаемых телу жаждой наслаждения. Эти образы наполняли ужасом бедного Вердло, повергали его в замешательство и обдавали жгучим и страстным дыханием демона плоти. Чтобы освободиться от его власти, он заказывал обедни за исправление этого брата, так погрязшего в пороке и беспутстве, что одна мысль о нем приносила с собой смятение и замешательство. Что же случилось бы, если бы пришлось столкнуться лицом к лицу с этим сообщником дьявола? Г-н де Вердло в ужасе крестился и, чтобы рассеять этот кошмар, шел в сад подышать воздухом.

III

Эспиньольский замок, в котором поселился г-н барон де Вердло, перешел к семье Ла Эрод от их тетки Жанны-Марии дез Эспиньоль. Г-н де Вердло не был знаком с этой теткой, память о которой была окружена почтением в округе. Вспоминали добрую барышню дез Эспиньоль, оставившую репутацию женщины отзывчивой и расположенной к благотворительности. После ее смерти замок оставался необитаемым вплоть до дня, когда г-н де Вердло бежал в него от плутократической Венеры, которой он был обязан таким прекрасным уроком любви. Прибыв в замок, г-н де Вердло нашел постройки в довольно запущенном состоянии, и первый проведенный в нем вечер показался ему весьма меланхолическим. Когда он встал с постели, в которую повалился, весь разбитый только что пережитым им приключением, ему пришлось обедать за колченогим столом, при свете двух сальных свечек, в большом зале нижнего этажа, заставленном старомодной

мебелью и увешанном коврами, которых не пощадили крысы; но все же кушая крестьянский суп, тощего каплуна и жесткие овощи, приготовленные женою управителя, он испытал чувство удовлетворения, избавления и безопасности. Ужасная любовь, в образе любовницы властной и падкой к поваренкам, не придет на поиски за ним в этом глухом углу, и он спокойно и одиноко будет спать здесь в широкой кровати, под охраной больших замков и основательных задвижек. Это ощущение безопасности еще более укрепилось в нем после осмотра замка. Он лежал на порядочном расстоянии от двух дереvушек, Верхние Эспиньоли и Нижние Эспиньоли, каждая из которых состояла всего лишь из нескольких дворов, и чтобы попасть в него, необходимо было проехать через Нижние Эспиньоли. В месте, носившем название Ле Гранжет, от большой дороги сворачивала аллея, приводившая к замку. Двойной ряд вязов, окаймлявших ее, заканчивался у площадки в форме полумесяца, окруженной цепями, протянутыми с одного конца до другого; у края этой площадки, в довольно высокой каменной ограде были ворота с колоннами, увенчанными большими полированными шарами. Эти ворота открывали доступ во двор замка. Справа были расположены службы: конюшни, каретные сараи, прачеш-

ные. Налево ограда примыкала к большой угловой башне, в непосредственном соседстве с которой была расположена довольно старая низкая постройка, образовывавшая прямой угол со зданием, возвышавшимся в глубине двора, напротив ворот, и являвшимся главной и самой новой частью замка, построенной из камня и кирпича, с крутой кровлей и высокими трубами. Другую свою стороною это здание выходило на терасу, спускавшуюся к обширным садам; налево от них тянулся пруд, омывавший фундамент старинной части замка, в котором отражалась большая угловая башня. Все эти постройки были красивы с виду, и их легко можно было восстановить. Сады точно так же без особого труда могли быть приведены в добрый порядок. Фруктовые деревья росли там в изобилии, и чтобы придать им правильную форму, достаточно было подстричь их. Пруд по желанию можно было сделать рыбным. Все необходимое приобреталось в городке Вернонс, расположенном в шести лье и служившем местопребыванием нотариуса, жандармерии и президиального суда. Внутренние помещения замка в большей степени пострадали от царившего в нем запустения. В здании, выходявшем к пруду, от сырости подгнили обои, и каменный пол низких и сводчатых комнат покрылся мохом, но в камен-

ном доме с грехом пополам можно было устроиться. Этим и занялся прежде всего г-н де Вердло. Затем постепенно он отремонтировал дом и тщательно омеблировал его, используя для этой цели обстановку, которая была там, и добавив к ней все недостающее. В результате этих хозяйственных мероприятий Эспиньоли обратились в довольно приличное жилище, окруженное садами, приносящими пользу и удовольствие, хорошо содержимыми и доходными. В части их, предназначенной для прогулок, г-н де Вердло велел выкопать бассейны, куда был отведен избыток воды из пруда, и вся перспектива была замкнута зеленой лужайкой. Там можно было видеть искусно разбитые цветники, посыпанные песком дорожки, подстриженные тисы, небольшой лабиринт и площадку для игры в шары. В центре солнечные часы показывали время. Справа сад замыкался грабиновой аллеей, за которой был выкопан ров. По другую сторону служб тянулся огород, на котором произрастали самые разнообразные овощи. В этом распорядке г-ну де Вердло нравилось то, что все было согласовано с его удобствами. После своего обращения, отвратившего его от того, что является обыкновенно предметом человеческого желания, г-н де Вердло отказался от всего, исключая самого себя, и стал для

себя единственным занятием и единственным развлечением, что облегчило для него тяжесть лет и ускорило течение времени. Он заменил любовь к женщинам любовью к самому себе, не замечая ее, впрочем, потому что эгоизм принимает самые разнообразные формы, в том числе и такую, которая вводит в обман насчет его собственной природы. Г-н де Вердло, несколько чрезмерно доброжелательный к самому себе, был доброжелателен и к другим, вследствие природной мягкости характера, так что в день, о котором мы рассказываем, он проявил лишь некоторое нетерпение, не больше, когда казачек замешкал явиться на его звонок и принести требуемое им полено.

Действительно, зима была в самом разгаре, а г-н де Вердло любил тепло и боялся сквозняков и простуды. Он продолжал кутаться, носить меховую шапку и подбитый мехом плащ, даже когда это совсем не соответствовало времени года. Когда казачек, мальчик лет двенадцати, проворный и краснощекий, утирал нос рукавом камзола, кладя полено на горячие головни, г-н де Вердло спросил его:

— Жано, натопил ты в комнате во флигеле, как я приказал тебе?

— Так точно, г-н барон, сейчас только я положил в печку два большие круглые полена и три пенька.

Жано встал, держа в руке кочергу. У г-на де Вердло служило трое или четверо таких мальчишек, одетых в коломянковые камзолы, и, несмотря на свой возраст, допущенных к исполнению обязанностей лакеев. Г-н де Вердло выбирал их из честных семей деревни Эспиньоли. Вид этих простофиль, еще не помышлявших о зле, и для которых юбка еще не служила приманкой, успокаивал его. Впрочем, нужно сказать, что для них было бы очень затруднительно дать ход своим дурным инстинктам. Женской прислуге из кухон и бельевых могли бы позавидовать Парки. Самая юная из них обратила бы в бегство наиболее предприимчивого лове-ласа, да и прочие не уступили бы ей в этом отношении. Кроме того, г-н де Вердло сам следил за тем, чтобы они были святошами. И все же, как только мальчишкам исполнялось пятнадцать лет, г-н де Вердло рассчитывал их, прилично экипировав и снабдив небольшими деньгами. Пусть они отправляются исполнять обязанности мужчин, куда им угодно, лишь бы только это произошло не в замке! Скоро Жано достигнет возраста, когда ему придется покинуть службу. Иногда г-н де Вердло подмечал у него румянец на щеках и огонь в глазах. Это служило признаком, что кровь начинает играть, и что вскоре нужно будет разлучиться с ним.

Пока длилось молчание, Жано подтянул штаны и засунул палец в нос. Г-н де Вердло снова обратился к нему с вопросом:

— Что же, Любэн сидит, согласно моему приказанию, на башне, чтобы наблюдать за появлением кареты и известить меня, как только она покажется в аллее на повороте Гравжет? Да? Отлично, пусть он продолжает караулить.

И г-н де Вердло вытащил из карманчика большие часы и посмотрел на них. На лице у него показалась гримаска, и он пробормотал:

— Хорошо, что Аркнэн с ними.

Этот Аркнэн был доверенным человеком барона де Вердло и исполнял в Эспиньолях самые разнообразные обязанности. Он был родом из Бурвуазэна, большой деревни, находившейся в пятнадцати лье от Эспиньолей, и в молодости служил сержантом в роте, которою командовал г-н де Морамбер; по выходе в отставку, Аркнэн поступил на службу к г-ну де Вердло и служил у него уже более двенадцати лет. Аркнэн был человек удивительный и мастер на все руки: цырюльник, камердинер, управляющий, а при случае также столяр, кузнец, обойщик, маляр, оружейник и даже, если нужно было, ветеринар и костоправ. Он лечил одинаково и животных и людей. Единственной областью, в которой он

ничего не смыслил, было садоводство. Он неспособен был отличить яблоко от груши, порей от спаржи, зеленый горошек от дыни. Кроме того, он обладал тысячею полезных и разнообразных сведений, полученных им неизвестно где и при каких обстоятельствах. Он знал наизусть календарь и праздники в честь всех святых и с уверенностью предсказывал погоду. Превосходный кавалерист, способный объездить самую упрямую лошадь, он считал себя также искусным фехтовальщиком и с гордостью показывал на висевший на стене его комнаты диплом, выданный ему фехтмейстером. Из ружья он стрелял метко и снабжал замок дичью. В ужение у него не было соперников, и рыба клевала на его удочку словно привороженная. Аркнэн был парень лет сорока пяти и — качество, которое больше всего нравилось г-ну де Вердло — терпеть не мог женщин. Он говорил о них не иначе, как презрительно сплевывая на пол, что не мешало ему, в их присутствии, выказывать себя учтивым и услужливым. Он был женат, но от женитьбы остались у него плохие воспоминания. Его жена, как говорили, была жива, но он совсем не интересовался, что случилось с этой дурой, после того как покинул ее и поступил на военную службу. Аркнэн был в Эспиньолях лицом значительным и гордился почтением, которое ему там

оказывали. Он был пригож собой, хвостун и фанфарон, но, впрочем, славный малый.

Продолжая мысленно обозреть достоинства несравненного Аркнэна, г-н де Вердло покинул свое место у камина и направился к той части замка, которая называлась «старым флигелем» или «запасными комнатами». Г-н де Вердло отремонтировал ее и привел в порядок, как и остальные постройки. В нескольких комнатах были сделаны панели и паркетные полы: эти то комнаты и получили название «запасного помещения». Все эти работы были приурочены к посещению Эспиньолей г-ном и г-жей де Морамбер с двумя сыновьями. Здесь помещались мальчики со своим гувернером. Открыв дверь из темного вестибюля, вы входили в обширную и довольно красивую комнату. Г-н де Вердло велел поставить в ней вместо двух кроватей, на которых спали мальчики Морамбер, одну, задрапированную узорным пологом, снабженную подушками и покрытую стеганым одеялом. Комната эта была заботливо меблирована. На стене, покрытой расписными панелями, как раз против окна, висело большое зеркало. В окно видна была гладь пруда и отражавшееся в ней небо. Гладь эта рассекалась иногда внезапным и коротким прыжком карпа. Отблеск воды освещал комнату зеленоватым светом. В камине пылал огонь, наблюдение

за которым было поручено юному Жано; огонь этот, действительно, жадно пожирал сучья и поленья, положенные в камин казачком. Г-н де Вердло помешал дрова щипцами и некоторое время погрел у огня свои пухлые руки, прежде чем продолжать осмотр приготовленного помещения. Рядом с этой комнатой находилась большая туалетная, которая через крытые сени сообщалась со двором замка. Таким образом флигель имел отдельный черный ход, позволявший приносить из кухон горячую воду для ванны, так как в только что упомянутой туалетной была ванна, стояли различные комоды и гардеробные шкафы. Рядом была еще одна комната, не такая большая, как первая, и обставленная менее изысканно, но очень чистенькая. В этой комнате тоже был затоплен камин.

Г-н де Вердло остался, казалось, доволен результатами своего осмотра. Вместо того, чтобы возвратиться в замок по коридору, соединявшему его со «старым флигелем», он вышел во двор через крытые сени. Мороз пощипывал кожу. Он надвинул на уши меховую шапку, плотнее запахнулся в плащ и пробормотал:

— Чорт побери! Моему bravому Арквэну должно быть не очень тепло на большой дороге!

Затем, повернувшись к большой угловой башне с остроконечной кровлей, еще более

подчеркивавшей ее уродливую толщину, он поднес ко рту руки, сложенные рупором, и громко крикнул:

— Голà, Любэн, Любэн!

В слуховом окне, проделанном в крыше башни, показалась длинная желтая голова с гладкими волосами и оттопыренными ушами.

— Ну, что, Любэн, ты попрежнему ничего не видишь на горизонте?

Любэн высунулся из слухового окна всем туловищем и облокотился о подоконник:

— Нет, господин барон, да и трудно чтонибудь разобрать в этот час, так как Гранжет весь окутан туманом.

Любэн лгал, ибо погода была свежая и ясная. Этот Любэн был лицемером, скрытником, пакостником и хитрецом. Остальные казачки ненавидили его, потому что он постоянно устраивал им какие-нибудь подвохи. Его длинное желтое лицо мало располагало в его пользу. Г-н де Вердло подмечал у него нехорошие взгляды, свидетельствовавшие о чрезмерном любопытстве юноши, и решил не держать его больше у себя на службе. Как только возвратится Аркнэн он обдумает этот вопрос, но Аркнэн все не показывался. Г-н де Вердло высчитывал время, необходимое для поездки, и находил, что оно давно уже прошло. Это обстоятельство не столько беспокоило г-на де Вердло, сколько раздражало его.

Это видно было по тому, как он открыл табакерку, затаился здоровой понюшкой и щелкнул себя по жабо. Табак у него был контрабандный. Действительно, иногда по округу проходили коробейники и распаковывали свои товары. Впрочем, эти господа были не единственными, показывавшимися в окрестностях. Ходили тревожные слухи о дерзких грабежах и даже о вооруженных нападениях. Эти грабежи и нападения, как передавали, происходили довольно далеко от Вернонса, на самой границе провинции, но злоумышленники легко передвигаются с места на место. Такие мысли не были приятны для г-на де Вердло. В отсутствие Аркнэна замок, по его мнению, охранялся недостаточно хорошо, и г-н де Вердло очень желал скорого возвращения этого незаменимого слуги, одно присутствие которого являлось в его глазах надежной охраной против всякой случайности.

Между тем г-н де Вердло возвратился в большую комнату, в которой он обыкновенно пребывал, и откуда можно было наблюдать разбитые в стройном порядке сады. В этот момент там работало под руководством сьера Филиппа Куафара, своего начальника, которого г-н де Вердло ценил за его опытность во взращивании цветов и фруктовых деревьев, пятеро садовников, служивших в замке. Этот Куафар появился в Эспиньолях сравнительно

недавно. Что касается четырех других, то г-н де Вердло выбрал вдовцов, достигших того возраста, когда человек перестает думать о чем либо, кроме своего дела. Продолжая наблюдать за ними, г-н де Вердло вытащил из выдвижного ящика пачку писем. Проверив дату, он развернул одно из них, надел очки и стал читать, все время чутко прислушиваясь, не идут ли докладывать ему о прибытии Аркнэна и кареты.

IV

Письма, которые читал или, вернее, перечитывал г-н де Вердло, хотя и знал почти наизусть их содержание, были присланы ему его невесткой, маркизой де Морамбер, и вот о чем они ему сообщали:

Париж, 9 декабря 1738 г.

Мне было бы очень приятно писать Вам, дорогой братец, если бы письмо мое ограничивалось сведениями о поездке, предпринятой маркизом ко двору владетельного герцога. Князь этот, прослышав о взглядах г-на де Морамбера на вопросы финансовые и политические, выразил желание поговорить с ним по поводу некоторых реформ, которые он собирается ввести в своем государстве. Г-н де Морамбер не счел себя в праве уклониться от столь почетного совещания, тем более что эта поездка предоставляла случай показать сыновьям свет. Он увез их с собой, так как владетельный герцог дал ему понять, что ему доставит большое удовольствие поглядеть на этих молодых людей, и он несомненно согласится взять когонибудь из них себе на службу,

в зависимости от их способностей. Итак, все это устроилось прекрасно, г-н де Морамбер с сыновьями отправились в путь уже около трех недель тому назад, и из писем я знаю, что они беспрепятственно достигли цели своего путешествия. Герцог, вероятно, дал уже им аудиенцию. Это событие очень лестно для нашей семьи и увеличит ее блеск. Я не сомневаюсь, что и Вы получите свою долю в чести, которой удостаивается таким образом наша семья, и от которой все мы вырастаем, хотя Вы и ничем не содействовали нашему счастью, кроме только того, что всегда жили жизнью честного человека.

В самом деле, я охотно признаю, дорогой братец, что Вы человек рассудительный и порядочный, и что, несмотря на свое удаление от света и затворнический образ жизни, Вы не относитесь безразлично к своим родственникам, и вот почему я уверена, что Вы почувствуете неподдельное сокрушение при известии о смерти Вашего брата Шомюзи. Мне прекрасно известно, что различие в ваших характерах и вашем поведении сделало вас до некоторой степени чужими друг другу, но природа создает при помощи крови узы, которые ничто не в силах порвать окончательно, как бы ни были они ослаблены. Такой случай как раз имел место в отношениях между г-ном де Шомюзи и Вами. И г-н де Морамбер равным образом имел очень мало общего со своим братом по части вкусов и симпатий, что не помешает ему почувствовать большое сокрушение при вести о его гибели, какое почувствуете

также и Вы. В семьях часто бывают личности вроде г-на де Шомюзи, которые приносят не столько славу, сколько мучения, и образ жизни которых грозил бы опорочить доброе имя семьи, если бы честное поведение остальных ее членов не служило противовесом осуждению, внушаемому прискорбным беспутством одного из них. У многих домов есть своя тайная забота, и г-н де Шомюзи, нужно откровенно признать это, являлся постоянной угрозой позора и скандала и причинял нам вполне справедливый страх своим беспорядочным поведением и грязными любовными похождениями. Каким образом человек такого положения дошел до такой степени невоздержности и разгула, и это при его уме и природных дарованиях? Г-н де Морамбер и я часто задавали себе этот вопрос, когда, не без удовольствия проведя в его обществе несколько минут, мы видели, что он вслед затем возвращался к своим позорным и грязным делам. Его толкала, должно быть, какая-то непреодолимая и тайная сила, пребывавшая в самых темных частях его существа и отравлявшая там самые лучшие его склонности. Оправданием его служило разве только то, что с самого рождения он был наделен пылкостью чувств и сластолюбивыми желаниями, увлекавшими его к женщинам с какой-то неудержимой силой. Он устремлялся к ним всем своим существом, не ища в них того, что могло бы объяснить эту склонность, ставшую в нем своего рода слепой и деспотической потребностью, за которой он следовал, куда бы ни заводила его эта не-

обузданная власть, подвергавшая его опасности самых постыдных знакомств, вовлекавшая в самые сомнительные и презренные компании. Увы! Ваш бедный брат дорого поплатился за свои распутные и грязные похождения. Насильственная смерть, выпавшая на его долю, не дала ему возможности примириться с небом, и я очень боюсь, что он удалится в иной мир весь наполненный и весь пропитанный грехом.

Не болезнь положила конец жизни г-на де Шомюзи, ибо ничто не в силах было изнурить телесную его крепость.

В день отъезда г-на де Морамбер ко двору владетельного герцога г-н де Шомюзи пришел попрощаться с уезжающими. Я присутствовала при этом прощании, ибо мне не очень нравится оставлять моих сыновей в обществе их дяди. Я постоянно боялась, как бы какие нибудь неосторожные его слова не внушили им непристойных мыслей. Я пришла бы в сильное негодование, если бы г-н де Шомюзи возымел на них малейшее влияние, но я должна признать, что г-н де Шомюзи всегда воздерживался от каких бы то ни было попыток в этом направлении. В тот день г-н де Шомюзи был чем то озабочен и повидимому хотел получить возможность переговорить со мною наедине. Я ожидала, что он отведет меня в сторону, но он не сделал этого и ушел, не поговорив со мною. Вскоре после этого я получила от него коротенькую записочку, где он спрашивал меня, в котором часу он мог бы посе-

тить меня в один из дней будущей недели. Я назвала ему несколько дней, исключая дней, когда у меня бывают ужины или собираются кое какие гости, ибо он желал иметь со мной свидание с глазу на глаз. Мой ответ был отправлен ему в гостиницу Польский герб, куда он переселился в то время из гостиницы Шпага, в которой жил раньше. Такого рода переселения были для него достаточно привычным делом. В назначенные дни Г-н де Шомюзи не появлялся. Погода была скверная, шел снег, сменившийся затем сильным ветром. Улицы были неприглядны. Зима нынче стоит холодная.

Ненастье оказалось затяжным и продолжалось и на следующей неделе. В среду — это один из тех дней, когда у меня бывает званый ужин, — буря перешла в шквал. Яростно завывал ветер, шел ледяной дождь. Слышно было, как он хлещет в оконные стекла, и несмотря на то, что щели всюду были законопачены, пламя свеч колебалось при каждом порыве ветра. Я думала, что в этот вечер никто не придет ко мне, и что я буду ужинать в обществе одного только президента де Рувиль. Такая перспектива не была мне неприятна. Г-н де Рувиль человек остроумный, и после ужина мы сыграли бы партию в реверси; однако, несмотря на непогоду, мои опасения оказались ложными. Когда мы сели за стол, нас оказалось четыре женщины и семеро мужчин. Это усердие наших друзей очень меня тронуло. Я горячо поблагодарила их за такую готовность

прийти развлечь меня в моем одиночестве. Так что я была в отличном настроении, и ужин вышел очень веселым. Четыре женщины были: г-жи де Блезе, де Вардон, графиня д'Антили и я; мужчины: Антили, Блезе, кавалер де Валантон, граф д'Эстрак, англичанин г-н Смитсон, г-н де Бридо и президент, который был весь осыпан комплиментами за то, что, несмотря на свою подагру, он не побоялся неистовств Борея. Отсюда было сделано галантное заключение, что президент влюблен в меня и пользуется отсутствием г-на де Морамбера, чтобы поухаживать за мною... Не соглашаясь с этим, президент признал, что с его стороны действительно было некоторой заслугой приехать ко мне в такой ветер, тем более что, сходя с кареты, он чуть не был сбит с ног какими то женщиной и мужчиной крайне подозрительного вида, которые словно сидели в засаде у подъезда в особняк. Президент добавил, что эти разбойничьи рожи не удивляют его, что в настоящее время на улицах небезопасно, что они кишат охотниками за чужими кошельками, и что в Париже наблюдается большое количество необычайных грабежей. Впрочем, и в провинции дело обстоит не лучше, так как и там отмечается целый ряд разбойничьих нападений, совершенных с неслыханной дерзостью.

Разговор на эту тему продолжался еще некоторое время. Было рассказано несколько историй о фальшивомонетчиках и контрабандистах, разбойниках и людях в масках, затем мы сели за карточные столы. Моими партнерами были г-н де Блезе, г-н де Бридо

и г-жа Антили, и я только что назначила игру, как вдруг крик, донесшийся с улицы, заставил нас вздрогнуть перед розданными нам картами. В это мгновение ветер подул с удвоенной силой, так что зазвенели все стекла. Мы, однако, собирались продолжать начатую партию, но тут к нам донесся из вестибюля шум голосов и шагов. При этом шуме каждый из нас насторожился. Я увидела, что г-н д'Эстрак направляется к дверям, к которым голоса и шаги все приближались, как вдруг эти двери распахнулись, в комнату проникла струя воздуха, пламя свеч заколебалось, а на пороге, подхваченный под мышки и почти несомый двумя слугами, в шляпе, съехавшей на затылок, и в разорванном плаще, показался г-н де Шомюзи, с бледным как воск лицом и рукою, прижатою к груди. При этом зрелище все мы повскакивали с мест, опрокидывая стулья и роняя на пол металлические жетоны. Опередив меня, кавалер де Валантон одновременно с г-ном Смитсоном бросились к г-ну де Шомюзи, но когда они подбежали к нему, у г-на де Шомюзи вырвалась изо рта струя крови, которая обрызгала лица последивших к нему на помощь; несмотря на поддержку слуг, он тяжело рухнул на пол, при чем его шляпа докатилась до ног г-жи де Вардон.

Тут все беспорядочно засуетились вокруг вытянувшегося на полу г-на де Шомюзи, который продолжал обильно рвать кровью. Г-н Смитсон, хвастающийся познаниями в области медицины, склонился перед ним на колени. Г-да д'Эстрак и де Бридо

стояли рядом, держа в руках свечи. Г-н де Блезе закрыл глаза, чтобы не видеть, а президент стал подбирать рассыпавшиеся жетоны, меж тем как г-н Смитсон расстегивал кафтан и жилет г-на де Шомюзи и поднимал у него на груди рубашку. Показалась рана, красневшая на белой коже. Во время этой процедуры г-н де Шомюзи стал еще более бледен. Все тело его было неподвижно, и только в глазах как будто еще теплилась жизнь. Он смотрел на меня, словно хотел сказать мне что то. Я наклонилась к нему. Губы его задвигались. Он пытался пролепетать несколько слов, произнести, казалось мне, какое то имя, но тут новая струя крови пресекла ему дыхание, зрачки его потускнели, и все тело свело судорогой, столь сильной, что у него отскочила пуговица от штанов. Он сделал еще несколько слабых движений, затем перестал шевелиться. Он был мертв. Г-н Смитсон встал. Он объяснил на своем жаргоне, что легкое пробито насквозь. Удар был нанесен с необычайной силой каким то очень острым оружием. Тем временем Ла Люзерн, который является в некотором роде нашим Аркнэном, спустился вниз и стал расспрашивать кучеров карет. Они ничего не видели, так как все сидели за бутылками в кабачке напротив. Г-н де Шомюзи получил удар должно быть в тот момент, когда, позвонившись, открывал двери особняка. Виновниками убийства были, несомненно, те подозрительные мужчина и женщина, которые едва не сбили с ног президента де Рувиль. Один из кучеров, именно кучер г-на де Бридо, на-

правлявшийся в кабачек к товарищам, обернулся на крик, изданный г-ном де Шомюзи, и увидел убежавших со всех ног мужчину и женщину, но не уделил этому обстоятельству много внимания и продолжал свой путь. Следствие, произведенное на основании этих показаний г-ном лейтенантом полиции, не дало никаких результатов. Все, что удалось узнать, сводилось к тому, что г-на де Шомюзи несколько дней тому назад посетила в гостинице Польшский герб одна женщина, не принадлежавшая к числу обычных его посетительниц. Г-н де Шомюзи пригласил ее в свою комнату, и служанка слышала, как там произошла шумная ссора. Женщина вышла ночью, так что служанка не могла разглядеть ее лица.

Это тяжелое событие, происшедшее в отсутствие г-на де Морамбер, не заставит его однако прервать свое путешествие, ибо между ним и его братом никогда не существовало близких отношений. У меня давно уже составилось такое впечатление, и я поэтому не сочла нужным уведомить мужа об этой смерти. По возвращении в Париж он узнает об обстоятельствах, при которых она произошла, потому что вряд ли до него дойдет слух о них. Г-н де Шомюзи жил в стороне от общества, от которого его давно уже отделяло его поведение, так что смерть его пройдет незамеченной, и г-н де Морамбер узнает о ней в то время, когда она будет уже предана забвению, тем более что благодаря ходатайству президента де Рувиль перед г-ном лейтенантом полиции, являющимся одним из его близких друзей, похороны

г-на де Шомюзи удалось устроить так скромно, что они не привлекли ничего внимания. Вся эта история не дала никакой пищи для болтовни газетчиков и для любопытства сплетников. Мы похоронили г-на де Шомюзи на маленьком кладбище Пикпюс. Там будет он покоиться в ожидании страшного суда. Да простятся ему небесным милосердием его прегрешения. Я послала к хозяйке гостиницы за оставшимися после него вещами. Если среди них удастся найти что либо интересное, я извещу Вас. От этой самой хозяйки, которая считает, что он отправился в путешествие, и с которой он был в достаточной степени откровенен, стало известно, что г-н де Шомюзи был очень стеснен в средствах и даже, как говорят, дошел до последней крайности, истратив все, что у него было. Как передают, он говорил, что отправляется на Острова, и в день, когда та женщина приходила в гостиницу и ссорилась с ним — из за денег, должно быть — он собирался продать довольно красивый бриллиант, который у него еще оставался. Не этот ли бриллиант послужил причиной смерти г-на де Шомюзи? Не из за желанья ли похитить этот камень злоумышленники убили его, устроив засаду возле моего подъезда? Как бы то ни было, смерть эта является трагическим завершением эпикурейского существования, которое вел г-н де Шомюзи. Я уверена, дражайший мой братец, что Ваше доброе сердце почувствует горечь от этой утраты; к тому же, смерть — всегда смерть, и смерть наших близких навевает нам грустные размышления о том,

что и нашей жизни рано или поздно наступить конец. От всей души желаю, чтобы это письмо застало Вас в добром здравии, и чтобы упомянутые мною размышления не приняли у Вас грустного оборота. Я буду сообщать Вам, немедленно по получении, все известия о славном путешествии г-на де Морамбер ко двору владетельного герцога. Я буду делать это с большей охотой и большим удовольствием, чем я сообщаю Вам о путешествии г-на де Шомюзи из этого мира в мир иной, только что совершенном им при описанных мною обстоятельствах. Примите уверение, дорогой братец, что я исполнена подобающих чувств и остаюсь преданнейшей Вам родственницей и сестрой.

Маркиза де Морамбер.

Париж, 17 декабря, 1738.

Ну, вот я снова пишу Вам, дорогой братец. Я думала было, что все кончено с этим Шомюзи, а между тем мне приходится снова беседовать с Вами о нем! Если при своей жизни этот ужасный человек принес нам не мало хлопот, то он угрожает причинить их еще больше теперь, когда его уже нет в живых. Представьте, в самом деле, мое изумление, когда вчера, в мой дом является сестра привратница из монастыря Вандмон, что в предместье Руль, и просит меня разрешить ей поговорить со мной. Так как я не люблю такого рода посещений, которые кончаются обыкновенно просьбами о пожертво-

ваниях, то моим первым движением было уклониться от свидания с монахиней, но она настаивала, заявляя, что ей необходимо передать мне письмо от игуменьи, г-жи де Грамадек; тогда я передумала и решила принять ее. Эти монастыри, в которых получают воспитание благородные девицы являются иногда рассадниками невест, и хотя мой старший сын еще слишком юн, нет ничего невозможного, что какая нибудь особа наслышалась о его достоинствах и приняла его во внимание при построении своих планов будущего. Итак, когда привратницу ввели в мою комнату, та вручила мне только что упомянутое письмо и попросила меня вскрыть его в ее присутствии на тот случай, если я пожелаю передать ответ устно. Я так и поступила, и вот Вам точная выписка того, что я прочла.

«Милостивая Государыня,

Пусть Ваше родство с г-ном де Шомюзи послужит извинением той свободы, с которой я завожу речь о нем. Я обращалась к нему несколько раз с письмами, которые посылала по указанному им адресу в гостиницу Шп а г а, что на Болоте. Так как ответа не последовало, то одно из своих писем я отправила с нашей привратницей, которой было сказано, что г-н де Шомюзи больше не живет там и уехал неизвестно куда. И вот, не зная, где его искать, я вынуждена уведомить Вас о положении, в котором он оставляет нас. Согласно принятому в нашей Общине порядку, плата за наших пансио-

нерок вносится каждый триместр, и вот уже прошло три с тех пор, как к нам поступил от г-на де Шомюзи последний взнос за содержание и воспитание девочки, которую он поместил у нас еще шесть лет тому назад, и за пансион которой он до сих пор расплачивался очень аккуратно. Этой молодой особой, которой сейчас около шестнадцати лет, мы вполне довольны, и нам причинила бы большое огорчение необходимость расстаться с нею, тем более, что г-н де Шомюзи представил нам ее как сироту, и что она достойна внимания во всех отношениях. Поэтому мы были бы очень признательны Вам, если бы Вы попросили г-на де Шомюзи поторопиться с уплатой своего долга, возникновение которого мы можем объяснить только каким нибудь важным делом, отвлекшим его от исполнения своей обязанности, что он делал до сих пор с похвальной точностью. Такие же похвалы мы воздадим и Вам, Милостивая Государыня, если Вы соблагovolите взять в свои руки это дело, смело и почтительно вручаемое Вам Вашей рабой в божьей

Грамадек».

Можете себе представить, как широко раскрыл я глаза по прочтении этого письма? Что означают этот монастырь и эта воспитанница, которую г-н де Шомюзи содержал там на свои скудные средства? Откуда раздобыл он эту голубку, из какого гнезда выпала она? Что мы будем делать с этой импровизированной родственницей, свалившейся в наши объятия? Все эти вопросы теснились у меня на

устах, и ум мой работал чрезвычайно деятельно. На этот раз Шомюзи переходил все границы; что то слишком уже смелая фантазия выступить неожиданно в роли опекуна. У меня создавалось впечатление комедии дурного тона. Тут, наверное, скрывалось тайное отцовство, и, несмотря на все свое беспутство, г-н де Шомюзи не считал себя вправе отказаться от исполнения вытекающих из него обязанностей. Кому обязан он был этой незаконной дочкой, которая так неожиданно обнаруживалась? Не было ли у него, при всей его беспорядочной жизни, какойнибудь более возвышенной связи, в которой участвовало чувство, и напоминанием о которой служила эта девочка? Являлась ли заботливость, которую он выказывал по отношению к ней, средством успокоить угрызения совести, или же в ней следует видеть предусмотрительность развратного ума? Не предназначалась ли эта воспитываемая с такой заботливостью малютка для его старческих наслаждений, не была ли это отложенная им про запас, в качестве изысканной пищи для его сластолюбия, какаянибудь невинная девочка, купленная у недостойной матери путем одной из тех недостойных сделок, которые одинаково позорят и лиц, предлагающих их, и лиц, соглашающихся их принять? На кого могла бы быть похожей эта шестнадцатилетняя загадка, и чье имя носила она? Я была до такой степени поражена, взбешена и охвачена любопытством, что привратница, испуганная впечатлением, которое произвело ее письмо, рассыпалась в реверансах и от

страха перебирала зерна своих четок. Правда, благодаря достоинству, с каким я держусь, и благородным чертам лица, я внушаю большое почтение людям, и почтение это легко переходит в трепет, когда я начинаю выказывать нетерпение и раздражение. Бедная привратница не знала, куда деваться, и я думала, что она обратится в бегство. Однако, я сдержалась. Важно было пролить свет на это дело, и я сказала посланной, что завтра же я приеду в монастырь Вандмон и лично поговорю с матерью де Грамадек. Мне кажется, что это будет самым благоразумным поведением в данном случае. Г-жа де Грамадек должна быть в курсе множества вещей, и лишь с полным знанием дела она могла принять эту новенькую в число благородных девиц, которым дает воспитание монастырь Вандмон. Она даст мне необходимые сведения об этой барышне, которую Шомюзи оставляет нам как память по себе, и без которой мы прекрасно могли бы обойтись. Негодование, вызванное у меня всей этой историей, как раз и побуждает меня взяться за перо, чтобы и Вы были посвящены в мои неприятности. Я ощущала бы их с еще большей силой, если бы отсутствие г-на де Морамбер не давало бы мне свободу действовать по собственному усмотрению. Я буду иметь, по крайней мере, то удовлетворение, что избавляю его от всех хлопот по этому делу. Я все время буду держать Вас в курсе его; это будет наилучшим свидетельством дружеских чувств, которые питает к Вам

Маркиза де Морамбер.

Париж, 21 декабря 1738.

Монастырь Вандмон, что в Руле, является, дорогой братец, прекрасной постройкой, расположенной на окраине предместья. Правда, фасад его невзрачен, но корпус вполне соответствует своему назначению. Г-жа де Грамадек любезно приняла меня и показала мне все помещения. Спальни там просторны, классные комнаты проветриваются, дворы обширны, домовая церковь убрана с большим вкусом. Монахини носят сероголубые рясы, белые нагрудники, наплечники и клобук. Это особы почтенные, и некоторые из них, напр., г-жа де Грамадек, знатного происхождения. Среди них есть даже женщины образованные и способные обучать девиц. Что касается прочих, то пусть бог помогает им! На их попечении находится около шестидесяти пансионеров, частью дворянок, частью из буржуазии, между которыми не допускается другого неравенства, кроме неравенства в успехах и добродетельном поведении. Их обучают правописанию, грамматике, истории, счету, обстоятельно — катехизису, шитью, немного — литературе, рисованию и музыке. Во время учения возбраняется всякое нерадение, на рекреациях допускается как можно меньше частных разговоров. Все должны принимать участие в играх. В известные дни воспитанницы могут принимать посетителей в особой комнате. Для преподавания танцев и манер у них есть приходящие учителя. Воспитание, которое дается им, превосходно, дисциплина суровая, хотя и проникнутая духом сердеч-

ности. Они не отделены от внешнего мира. Слухи о том, что делается в обществе, постоянно доходят до них, и они с удовольствием думают о том, что займут в нем со временем подобающее место. Воспитанницы Вандмона удачно выходят замуж, и г-жа де Грамадек большая искусница по части устройства свадеб. У нее богатая практика в этой области. Это единственная ее суетная черта. Под монашеским одеянием у нее еще благообразная внешность. Она приняла меня с изысканной учтивостью, извинившись, что ей приходится быть расчетливой, но я оборвала все эти предисловия и перешла к изложению цели моего визита и изумления, которым он был вызван.

Г-жа де Грамадек выслушала меня с большим благожелательством и вниманием и начала с выражения своего соболезнования по поводу смерти г-на де Шомюзи. Для внесения большей ясности в наш разговор я сочла благоразумным не скрывать от нее прискорбных обстоятельств, при которых произошла эта смерть. Я вкратце обрисовала также образ жизни, который вел г-н де Шомюзи. Мой рассказ, повидимому, не слишком изумил г-жу де Грамадек и не помешал ей произнести апологию г-на де Шомюзи, в которой она расхвалила добродушие, разлитое по всей его внешности, и приятность его разговора. Я не возражала ей, но сгорала от нетерпения перейти к сути дела. Откуда г-н де Шомюзи извлек эту питомицу, когда и при каких обстоятельствах привел ее в Вандмон? Словом, что было известно г-же де Грамадек об истинном положении ее пан-

спонерки? Г-жа де Грамадек с большой готовностью согласилась ответить на все эти вопросы, и вот что я узнала от нее. У г-жи де Грамадек есть двоюродный брат, который зовется г-н де Шаландр. хлопоты, причиненные беспорядочным поведением и распутным образом жизни этого Шаландра, пробудили в г-же де Грамадек большую участливость к семьям, на долю которых они выпадают по вине такого рода личностей. В этом отношении ее Шаландр был не лучше нашего Шомюзи. Испорченный дурными знакомствами, пристрастившийся к карточной игре и посещению притонов, он даже бывал не в ладах с правосудием. О нем постоянно ходили дурные слухи, но он еще не совершил никаких серьезных преступлений, когда пришел однажды повидать г-жу де Грамадек в обществе г-на де Шомюзи. Во время этого визита, который состоялся более шести лет тому назад, г-н де Шомюзи попросил г-жу де Грамадек принять в Вандмон одну сиротку, к судьбе которой он проявлял интерес, и которую изобразил как дочь одного из своих друзей. Девочка выросла в деревне у одних добрых людей, которые не были, однако, в состоянии дать ей приличное воспитание. Она называлась Анной-Клавдией де Фреваль. Она была мила и красива, и было бы жаль не дать развития заложенным в ней возможностям. Все эти объяснения г-на де Шомюзи были немного путаными, и г-жа де Грамадек поняла, что если она желает дать ход этому делу, то ей следует удовлетвориться довольно таки сбивчивыми сведе-

ниями, сообщенными ей г-ном де Шомюзи. Послушать его, так выходило, что отец Анны-Клавдии был мелкий дворянин, весьма почтенный. Что касается матери, то Шомюзи умалчивал о ней. Г-жа де Грамадек не придавала большого значения этой болтовне, и существование мнимого сьера де Фреваль показалось ей подозрительным, так что у нее были некоторые сомнения, следует ли удовлетворять просьбу г-на де Шомюзи, но ее двоюродный брат, г-н де Шаландр, которому она в тот момент ни в чем не хотела отказывать по причине одного процесса о наследстве, в котором он мог быть очень полезен ей, повидимому, очень стоял за то, чтобы в этом деле было достигнуто соглашение между г-жей де Грамадек и г-ном де Шомюзи. Больше того, тут речь шла, может быть, о спасении человеческой души, потому что г-ну де Шомюзи плохо подходила роль воспитателя молодых девиц. Анне-Клавдии де Фреваль будет лучше в монастыре, чем в любом другом месте, и поэтому было решено, что на другой день г-н де Шомюзи приведет девочку в монастырь.

Как только г-жа де Грамадек вошла — рассказывала она мне — в приемную, где ожидал ее г-н де Шомюзи со своею питомицей, у нее исчезли все сомнения насчет причин интереса, проявляемого г-ном де Шомюзи к этой девочке. Правда, между нею и им не было никакого явного сходства, но какая то неуловимая черточка с самого начала убеждала, что Анна-Клавдия была дочерью г-на де Шомюзи.

Г-жа де Грамадек описала мне, как она выглядела в момент, когда она была вверена ее попечению: невысокая, но хорошо сложенная и крепкая, черты лица тонкие, слегка в веснушках; что то деревенское сочеталось в этой маленькой особе с природной грацией. Она казалась робкой и сдержанной, но в глазах у нее вспыхивал по временам живой огонек. Одета она была скромно и очень чистенько. В общем, простота и невинность. По первому впечатлению она понравилась г-же де Грамадек, и после того, как г-н де Шомюзи с родительской нежностью попрощался с девочкой, настоятельница велела, чтобы ее отвели в гардеробную и снабдили необходимыми вещами. Оставшись один с г-жей де Грамадек, г-н де Шомюзи горячо поблагодарил ее, как человек, с плеч которого спала тяжелая обуза. Затем, сговорившись относительно необходимых условий, он пропал. Больше его не видели. Платежи он производил аккуратно до самого последнего времени, когда неполучение от него денег заставило г-жу де Грамадек обратиться ко мне с известным письмом.

Получив эти объяснения, я продолжала спрашивать г-жу де Грамадек об Анне-Клавдии де Фреваль, которую мы так и будем называть, чтобы не давать ей другой фамилии, и вот что я узнала о ней. С самого своего поступления в монастырь она послушно исполняла все, что от нее требовали. Она оказалась девочкой точной и исполнительной, и ее подруги скоро полюбили ее. Характер у нее был прекрасный, она казалась откровенной, не будучи

нескромной, настойчивой, не будучи упрямой, гордой, не будучи надменной, живой, не будучи взбалмошной. Она обладала большой сдержанностью, и хотя у нее и наблюдались иногда признаки нетерпения и приступы гнева, она быстро подавляла их. Ее отличное умение владеть собой сделало ее крайне скрытною, так что ни ее подругам, ни монахиням, ни даже г-же де Грамадек, которую она любила, никогда не удалось добиться от нее ни слова об образе жизни, который она вела до Вандмона, словно этой части ее жизни никогда не существовало... Когда дело не касалось этой темы, ее нельзя было назвать ни притворщицей, ни скрытницей. У нее был вкус к учению, скорее привитый ей разумом, чем рожденный естественной склонностью. Она прекрасно делала все, что ей приказывали, но никогда не заходила дальше исполнения требований. В общем, ею довольны. Она в большей мере религиозна, чем набожна или благочестива. Она серьезна, но любит поиграть и отдается игре с некоторой страстностью. Она вкладывает страстность также в свои симпатии и антипатии. В тринадцать лет она горячо повздорила со «старшей» и сильно избила ее. В этом возрасте ею был совершен также единственный серьезный проступок, который ей можно поставить в вину. Чья то неизвестная рука пустила среди учениц рукопись, рассказывающую о похождениях знаменитого вора Вадона, колесованного на Гревской площади, и Анну-Клавдию однажды застали за чтением этого произведения. В наказание ее заперли в ризнице.

Она удрала оттуда неизвестно каким образом, переделась в платье садовника и в таком наряде взбиралась уже на ограду, но тут ее поймали. Этот припадок своеволия и буйства никогда, впрочем, не возобновлялся. Она со слезами испросила прощение у г-жи де Грамадек и смягчила ее. Начиная с этого момента все детское умерло в ней, и она стала настоящей барышней. Теперь она в старшем классе и блещет всеми совершенствами.

После этого повествования г-жа де Грамадек предложила мне привести Анну-Клавдию в приемную. Я отклонила это предложение. Я не хотела оказаться в присутствии этой малютки, пока у меня еще не были выработаны решения на ее счет. За отсутствием г-на де Морамбер я хочу спросить совета у президента де Рувиль. Он очень полезен в этом отношении. Если при посредстве г-на лейтенанта полиции нам удастся найти мать этой барышни, мы охотно передадим ее ей, потому что г-жа де Грамадек не может дольше держать ее у себя. Этого не разрешает устав Вандмона, так как Анна-Клавдия уже достигла возраста, когда нужно уходить. Она не может также оставаться там в качестве послушницы, ибо это грозило бы опасностью сделать из нее дурную монахиню. Узнав таким образом, что в данный момент я не хочу иметь свидания с этой неожиданной племянницей, г-жа де Грамадек предложила мне показать ее, так что я останусь незамеченной ею. С этой целью она повела меня по коридорам к окну выходявшему в сад.

Он очень красив, этот сад со своими длинными аллеями, маленькими жертвенниками, стоящими по краям аллей и достаточно обширной площадкой для игр. Был как раз рекреационный час, и воспитанницы находились в саду, причем одни из них играли, другие разговаривали и прогуливались по трое, потому что им запрещено составлять дружественные парочки. Весь этот маленький мирок представлял собой зрелище чрезвычайно приятное. В толпе воспитанниц виднелись кое где монахини, которых они тесно окружали. Г-жа де Грамадек некоторое время искала глазами Анну-Клавдию де Фреваль. Наконец, она показала мне ее: Анна-Клавдия шла по центральной аллее между двух подруг, обняв их за талию. Эти две воспитанницы были м-ль де Виллабон и м-ль де Керили, которые обе принадлежали к числу лучших и наиболее заметных учениц. Дойдя до конца аллеи, они повернули обратно, и когда проходили мимо нас, я успела внимательно разглядеть эту неожиданную племянницу, которую подарил нам г-н де Шомюзи. Она в самом деле прекрасно сложена, очень приятна лицом и вся полна той грации, о которой говорила мне г-жа де Грамадек. Глаза очень красивы и волосы великолепны. Если снять с нее форму и одеть по моде, то эта малютка всюду будет заметной фигурой. Да, она пригожа и располагает к себе, но что таится под этой наружностью, и что откроется за этой внешностью? В женщинах все так обманчиво, и это утверждение справедливо также и по отношению к молодым де-

вушкам! Человеческое сердце преподносит нам столько неожиданностей! Конечно, Анна-Клавдия де Фреваль ласкова, терпелива, покорна, умна, но что знаем мы об этом сердце и об этой душе? И я не могу удержаться от дрожи при мысли, что в жилах этой малютки течет слишком жгучая кровь Шомюзи, т. е. кровь развратника и бесстыдника, который всю свою жизнь только и предавался, что самой материальной любви и самому низменному наслаждению. Кто поручится нам, что она не унаследовала этот пагубный темперамент? Но это еще не все. Если одной половиной своего существа она обязана Шомюзи, то кому обязана она другой половиной? К одной горячей крови какая примешалась другая, еще более опасная кровь, берущая свое начало, может быть, из самых грязных источников? Не было ли это дитя зачато среди самых низменных плотских наслаждений, и что носит в себе она от этого несчастного наследства?

Вот каковы размышления, мой дорогой Вердло, которым я предалась, покинув монастырь Вандмон, и согласитесь, что они не неуместны перед прекрасным подарком, который нам сделан. Я знаю, что многие семьи озабочены такими проблемами, и проблему, которую ставит перед нами эта маленькая Фреваль, разрешить не легче, чем проблему, поставленную перед бедной Грамадек ее кузеном, о котором она говорила мне и на которого горько жаловалась в конце нашей беседы. Из ее слов я заключила, что этот молодец на пути к виселице

или плахе. Значит, мы с Вами еще счастливы; во всяком случае, не сомневайтесь, что я счастлива быть Вашей любящей сестрой.

Маркиза де Морамбер.

Париж, 9 января 1739.

Со времени моего последнего письма я неустанно размышляла, дорогой братец, о занимающем нас вопросе и в заключение пришла к выводам, с которыми, я уверена, Вы не преминете согласиться, когда я изложу Вам их. Как я уже сообщала Вам, наша барышня Фреваль не может дольше оставаться в монастыре Вандмон; нам необходимо поэтому подыскать место, где она могла бы быть поселена. Я прекрасно сознаю, что она для нас ничто, и что мы отлично могли бы не принимать в ней никакого участия. Это было моим первым движением, потому что, в конце концов, мы вовсе не ответственны за судьбу этого дитяти греха. Однако, после некоторого размышления я стала думать иначе. Эта малютка более, чем вероятно, является дочерью г-на де Шомюзи, и она может когда нибудь использовать против нас это обстоятельство. А между тем в благородных семьях существует обычай обеспечивать положение всех их членов, даже незаконных. Иной образ действия отдавал бы мещанством и мелочностью, что было бы недостойно нас. Как бы ни был обесславлен Шомюзи благодаря своим порокам и беспутству, он все же принадлежал к членам нашей семьи. Своим контрастом с нами он только подчеркивал наши до-

стоинства, к которым прибавляет новый блеск путешествие г-на де Морамбер ко двору владетельного герцога. Это соображение должно определять наше поведение.

Прежде всего должна сказать Вам, что я довольно долго беседовала с этой малюткой. Свидание происходило в приемной Вандмона. Г-жа де Грамадек предварительно осведомила ее о смерти ее опекуна, так как между нами было условлено, что ей не будет сделано никакого намека на родство ее с г-ном де Шомюзи. При известии об этой смерти Анна-Клавдия пролила несколько слез, оттого ли, что она почувствовала действительную горестъ от этой утраты, оттого ли, что, по ее мнению, приличия требовали выказать себя чувствительной, или же, наконец, оттого, что она испугалась, как бы эта смерть не внесла какого нибудь изменения в ее положение. Мне было довольно трудно разобрать, какому из этих чувств она повиновалась, потому что она произвела на меня впечатление девицы очень скрытной, в душу которой проникнуть не легко. Как бы там ни было, она в отлично подобранных словах выразила свою признательность за благодеяния г-на де Шомюзи. Я сказала ей тогда о нашем намерении заняться ею, на что она ответила реверансом самого лучшего тона. Я воспользовалась всем этим, чтобы исследовать ее поближе и рассмотреть повнимательнее, и, должна признаться, она пошла навстречу моим намерениям с видом самым скромным и самым послушным.

По мере того, как я производила это исследование, мысли мои прояснялись, и я говорила себе: «Нет, любезная Анна-Клавдия де Фреваль, несмотря на всю вашу сдержанность и хорошие манеры, я не возьму вас к себе. Вы красивы, робки, хорошо воспитаны, способны к признательности; у вас тысяча достоинств, и г-жа де Грамадек вполне права, приписывая их вам; но, моя красавица, вы есть вы! — и этого мне достаточно, чтобы держаться настороже по отношению к вашей миловидности и вашей молодости. Один бог знает, сколько ловушек таится под прекрасной внешностью, которой природа украсила вас! Вы слишком красивы, моя крошка, и вы станете еще более красивы, когда отвыкнете от кое каких монастырских ужимок и усвоите светские манеры. К тому же, разве вы не дочь греха, и кто знает, какой пожар зажжет однажды в вашем теле огонек, вспыхивающий по временам в ваших глазах? Дочь наслаждения и сладострастия, какой могущественной приманкой окажутся ваши прелести! Понятно, я не виню вас в том, что вы помышляете сделать из них употребление, но кто поручится мне, что они не окажут влияния помимо вашей воли, прежде чем вы успеете отдать отчет в произведенных ими опустошениях? Неужели вы думаете, что я пожелаю подвергать этим опасностям лиц, которые меня окружают? Я не сомневаюсь в их добродетели, как не сомневаюсь и в вашей, моя красавица! Г-н де Морамбер — примернейший из мужей, но разве сама его продолжительная верность не делает

его тем более способным исполниться желанием новизны? Мужчина его возраста очень чувствителен к очарованию молодости и очень легко попадает в сети кокетства. Вот видите, как вы опасны. У меня двое сыновей, которые оба приближаются к порою, когда начинает громко звучать голос чувства. Кто поручится мне, что этот голос не пробудит в них вы? Нет, мадемуазель де Фреваль, вы не поселитесь под моей кровлей, и я поищу вам другое пристанище.»

Так обращалась я мысленно к этой малютке, а между тем она находится подле меня, даже в этот момент, когда я пишу Вам эти строки. Она сидит на табуретке и занимается вышиванием. Быть может, она мечтает о своем монастыре, где прошли ее счастливые годы, или тревожится по поводу превратностей судьбы? На лице у нее ничего нельзя прочесть. Она мастерски владеет собою и умеет управлять выражениями своего лица. При прощании с г-жей де Грамадек она держалась чрезвычайно благопристойно, и эта благопристойность неизменная черта ее поведения. С тех пор как она здесь, я не могу ни в чем упрекнуть ее. Я вверила ее попечению нашей Гоготы Бишлон и позаботилась за тем, чтобы ее прилично одели. Вы скажете мне, что ее присутствие в моем доме противоречит только что высказанным Вам мною принципам, но разве г-н де Морамбер и его сыновья не находятся в отсутствии? К тому же, она долго здесь не останется. В надлежащий момент я посажу ее в хорошую

карету, дам ей надежных спутников, и она отправится в место, которое выбрано мною для нее, а именно — в Эспиньольский замок, где мой деверь г-н барон де Вердло, выйдет встречать ее и оставит ее жить подле себя.

Таково, действительно, дорогой братец, решение, на котором я остановилась для блага этой девочки и — должна прибавить — также и для Вашего блага. Недалеко уже время, когда Ваше одиночество начнет тяготить Вас, и когда бремя лет покажется Вам очень чувствительным. Если в недалеком будущем подагра отягчит Ваши члены или усталость будет ложиться на Ваше тело, то Вы ощутите потребность в чужой помощи, и вот я подумала, что дочка Вашего брата может оказаться очень приятной для Вас компаньонкой. Она будет Вам обязана всем, и так как сердце у нее, повидимому, достаточно доброе, то она исполнится признательностью к Вам и пожелает выразить Вам ее в виде забот, которыми она окружит Вас. Заботы эти будут самые разнообразные, ибо воспитанницы Вандмонского монастыря не только образованные девушки, но еще и опытные хозяйки. Они одинаково пригодны как для светских удовольствий, так и для ведения хозяйства в доме. Подле Вас будет находиться особа, способная поговорить с Вами или почитать Вам вслух, способная также проверять Ваши счета и наблюдать за всем. Прибавьте к этому, что пансионерки Вандмона умеют шить, стирать и даже смыслят немного в медицине. Анна-Клавдия будет

лечить Вас при случае и, порадовав Ваши глаза, закроет их Вам, когда понадобится, разумеется, очень еще нескоро.

Я уверена, мой дорогой Вердло, что этот проект может только понравиться Вам, и что Вы подпишитесь под ним от всего сердца в память об этом несчастном Шомюзи и ради выгод, которые Вам сулит осуществление моего предложения. Я не сомневаюсь, что г-н де Морамбер даст свое согласие. Не раз мне доводилось слышать его сокрушения по поводу Вашего одиночества, хотя такой образ жизни был избран Вами добровольно. Поэтому он будет счастлив узнать, что судьба посылает нам средство скрасить Ваше положение,— средство, которое искренно кажется мне удивительным. Ведь Вы уже достаточно давно и достаточно твердо обращаетесь с женщинами сурово, так что Вам нечего страшиться молодой девушки, которая, в случае надобности, быстро поймет, что ее наивная стратегия и наивное кокетничанье не произведут на Вас никакого впечатления. Они могут только позабавить Вас, показывая Вам, как неисправим слабый пол, от которого Вы так тщательно отгородились, и это лишь укрепит Вас в Ваших чувствах на его счет. Я знаю, дорогой братец, что Вы обойдетесь с Анной-Клавдией подобающим образом, приняв в соображение ее беззащитное положение и деликатность ее особы. Я убеждена, что придет время, когда она отлично выпутается из всех своих затруднений. Маленькая плутовка очень соблазнительна со своим по-

корным и порою гордым видом, и она уже одержала победу над нашей Гоготой, которая теперь только ею и клянется. Эта самая Гогота и будет сопровождать ее в Эспиньоли. Пришлите мне Вашего Аркнэна, чтобы он эскортировал карету, так как на дорогах сейчас, говорят, небезопасно. Г-н де Морамбер пишет мне, что он возвратится еще не скоро. Владетельный герцог удерживает его, окружая большими почестями. Я уверена, что Вы разделяете удовлетворение, которое я испытываю по этому поводу, и с которым соединяется также удовлетворение быть преданной Вашей сестрой.

Маркиза де Морамбер.

V

Перечитывая эти памятные письма г-жи де Морамбер, полученные им одно за другим, г-н де Вердло каждый раз испытывал удивление, с которым соединялось некоторое чувство любопытства. Первое из этих писем горестно поразило его известием о трагической смерти г-на Шомюзи. Затем, когда г-жа де Морамбер сообщила ему о присутствии в монастыре Вандмон этой воспитанницы и высказала свои предположения насчет возможного отцовства г-на де Шомюзи, изумление его возросло еще более и превратилось в ошеломление, когда г-жа де Морамбер известила его о странном подарке, который она припасла для него, распорядившись по собственному усмотрению и не спросив его согласия. В первую минуту г-н де Вердло решительно воспротивился этой перспективе, нарушавшей все его привычки и противоречившей всем его принципам. Он стукнул палкой по паркету, просыпал на жабо табак из табакерки и в течение

более двух часов расхаживал по большой аллее сада, чертыхаясь и жестикулируя. Мимика и возбуждение г-на де Вердло были настолько необычны, что вызвали беспокойство у Аркнэна, и тот решился подойти к барону, который тут же и поведал ему о несчастье, готовом стрястись над ним. При этом признании воинственное лицо сьера Аркнэна расплылось в несмешливой и довольной улыбке, как если бы приезд в Эспиньоли этой молодой барышни был событием одновременно комическим и приятным. Мэтру Аркнэну очень нравилась мысль, что барышню будет сопровождать Гогота Бишлон, которая проведет, значит, в замке по крайней мере несколько дней; равным образом его очень прельщала картина, как он будет гарцовать верхом подле дверцы кареты. Эта поездка будет для него развлечением. Вот почему г-н де Вердло не встретил у Аркнэна отклика на свое недовольство, которое, при всей его искренности, было все же окрашено некоторым любопытством.

На кого, в самом деле, могла быть похожей эта особа, в покровители и охранители которой он так бесцеремонно назначался семейным деспотизмом г-жи де Морамбер? Напрасно г-н де Вердло перечитывал описания ее наружности, сделанные невесткой, он не мог с точностью представить себе ее. Его опыт

по части женщины был очень недостаточен для этого. Два лица, наилучше запечатлевшиеся в его памяти, были: маска влюбленной фурии Дю Вернон и угловато-суровые черты его невестки Морамбер. Напрасны были попытки г-на де Вердло поместить между двух этих лиц лицо Анны-Клавдии де Фреваль. Он мысленно рисовал себе его овал или округлость, выбирал для нее глаза, нос, рот, составлял его себе из меняющихся черт, которые он заменял другими, но ни одно такое сочетание не удовлетворяло его. В конце концов, он отчаялся создать какойнибудь определенный образ и отложил эту работу до момента когда барышня де Фреваль предстанет перед его глазами. И это бессилие наглядно представить себе то, что ему предстояло еще увидеть, еще более увеличивало у г-на де Вердло нетерпение, к которому присоединялось некоторое замешательство.

Действительно, что он будет делать с этой неизвестной, попечение о которой взваливалось на него с такой бесцеремонностью? Какой тон возьмет он с нею? Будет ли этот тон отеческим, шутливым, властным, снисходительным или простым и сердечным? На какой ноге поставить себя с нею? Какой прием оказать ей: радушный, снисходительный или холодный? Все эти вопросы, наряду с вопросом о помещении, очень волновали г-на

де Вердло. Сначала он хотел отвести ей комнаты в главном здании, затем рассудил, что это слишком большая честь для особы ее возраста, да еще вдобавок она окажется в слишком близком соседстве с ним. В конце концов, он остановился на квартирке в «старом флигеле» и, приняв это решение, велел приспособить ее для нового назначения.

Накануне дня, в который г-н де Вердло ожидал прибытия кареты, он начал репетировать перед зеркалом жесты и слова, которыми предполагал встретить приезжую. Он колебался между различными позами и изучал их одну за другою с большой тщательностью. Он нарядился в костюм, все части которого были одинакового цвета, затем стал варьировать эти части. Он был озабочен встретить как можно более прилично приближавшееся событие, потому что проезд в Эспиньоли Анны-Клавдии де Фреваль был, несомненно, важным событием. Г-н де Вердло испытывал некоторое тщеславие оттого, что его одного сочли способным прилично разрешить семейное затруднение, вызванное смертью г-на де Шомюзи. На нем одном остановились как на лице, которому по силам выйти с честью из щекотливого положения, в которое семья была поставлена, и он втайне был польщен этим, хотя и напускал на себя вид человека раздосадованного.

Словом, ему предстояло разыграть роль, и он надеялся достойно справиться со своей задачей.

Между тем день клонился к вечеру, а Любэн все еще не подавал сигнала о появлении кареты. Это запоздание, не причиняя беспокойства г-ну де Вердло, все же слегка тревожило его; но, вспомнив, что у дворец кареты гарцует Аркнэн, он успокаивался. В присутствии Аркнэна не могло произойти ничего неприятного. К тому же, карета, вероятно, не заставит долго ожидать себя. Тем не менее г-н де Вердло испытывал некоторое нетерпение оттого, что она не показывалась. Он велел поставить против своего прибора прибор для Анны-Клавдии де Фреваль, и ему было бы неприятно сесть за стол одному перед пустым местом. Г-н де Вердло раздумывал об этом, возвращаясь с аллеи, по которой он немного прошелся под вязами, перед тем как совсем стемнело.

При наступлении темноты г-н де Вердло почувствовал, что настроение его положительно портится, как вдруг казачек Любэн примчался в зал, голося во всю мочь пронзительным фальцетом. «Карета, карета!» Услышав этот крик, г-н де Вердло поспешно вышел на подъезд. Через открытые в конце двора ворота, со звоном бубенчиков и хлопанием бича, при зажженных фонарях, торжественно вкатывала в Эспиньоли карета,

предшествуемая Аркнэном, лихо гарцевавшим на своем иноходце.

Это зрелище довело до апогея колебания г-на де Вердло. У него оставался нерешенным один пункт. Должен ли он выйти навстречу приезжей и помочь ей сойти с кареты, или будет лучше подождать, пока она сама, покинув карету, подойдет к нему? Эти колебания г-на де Вердло могли бы продолжаться очень долго, если бы любопытство не взяло в нем верх над чувством собственного достоинства. Надев шляпу, с палкой в руке, он вышел на крыльцо и в этот момент увидел, как Аркнэн, соскочив с лошади, распахнул дверцу кареты, откуда вышла сначала крупная, закутанная фигура, которая, по мнению Вердло, вероятно, и была знаменитая Гогота Бишлон, так подробно описанная г-жей де Морамбер. Когда м-ль Бишлон опустилась на землю, г-н де Вердло различил на подножке маленькую туфлю, и вскоре м-ль Анна-Клавдия де Фреваль показалась вся целиком в блеске и очаровании молодости, но показалась лишь на мгновение, освещенная факелом Аркнэна, ибо в темноте она стала лишь смутной тенью, приблизившейся к г-ну де Вердло и сделавшей ему почти невидимый реверанс, в то время как сам он почтительно снимал шляпу перед этим неясным призраком.

Лишь за столом г-н де Вердло получил возможность рассмотреть как следует свою новую сотрапезницу, сидевшую против него. После первых приветственных и благодарственных слов, произнесенных хозяином и гостьей, ему пришлось прежде всего выслушать рассказ и объяснения сьера Аркнэна, который мимикой и жестами картинно изобразил нападение разбойников, стычку с драгунами, и очень удачно передал трескотню мушкетных и пистолетных выстрелов и ржанье лошадей. Отчет об этом нападении был сделан г-ном Аркнэном весьма обстоятельный: он не забыл упомянуть об уморительных страхах кучера и форейтора, а также об испуге м-ль Гоготы Бишлон, которая даже заболела от этого, так что для лечения ее истерики и обмороков пришлось задержаться в Вернонсе; эта задержка и была виной того, что они могли приехать в Эспиньоли только ночью. Рассказав это, г-н Аркнен не преминул противопоставить робости м-ль Маргариты Бишлон бесстрашие, выказанное м-ль Фреваль. Вид атамана разбойников не заставил ее опустить глаза, и в течение всей стычки она не переставая рассматривала его. Г-н Аркнен был неистощим относительно этого страшного человека, его грабежей, дерзких нападений, жестокостей. В течение нескольких месяцев он совершил множество убийств

в самых различных пунктах провинции, то исчезая, то вновь неожиданно появляясь. В первый раз он устраивал нападение на таком близком расстоянии от Вернонса. Говорили, что шайка, то рассеиваясь, то вновь собираясь, часто держалась в лесах, тянувшихся от Бурвуазэна к Сен-Парэ, и что в этих местах у нее были потайные убежища, в которых она укрывалась, когда королевские войска слишком теснили ее, как это имело место в настоящий момент. Что касается их начальника, то его прозвище «Столикий» происходило от его способности менять свою наружность посредством искусной гримировки, что избавляло его от необходимости прибегать к черной маске, по примеру своих сообщников. Г-н Аркнэн хвастался получением всех этих подробностей из уст г-на де Шазо, драгуны которого так доблестно обратили в бегство дерзких бандитов.

Пока Аркнэн ораторствовал, обнося обедающих блюдами, г-н де Вердло с некоторым любопытством и почтением рассматривал сидящую против него барышню, которая не опустила глаз при виде атамана разбойников. Она не опустила их и при церемонном заявлении г-на де Вердло, что госпожа де Морамбер поручила ему оказать ей гостеприимство в Эспиньолях, где у нее будет помещение, стол и всяческое внимание к ее

молодости и несчастно сложившейся жизни. На последнем обстоятельстве — том, что она была дочерью г-на де Шомюзи, и что он умер — г-н де Вердло остановился мало. Он поспешил закончить свою торжественную речь, очень любопытствуя, что ответит на нее эта жемчужина Вандмона и шедевр г-жи де Грамадек. Ответ был совсем коротеньким и очень тщательно обдуманым. Анна-Клавдия поблагодарила г-на де Вердло за гостеприимство, предлагаемое им, и взамен обещала благодарность, послушание и желание по мере сил быть ему приятной. Все это было сказано с большой твердостью и без всякого намека на загадку рождения и необычайность судьбы говорившей, сказано с учтвым выражением молодого лица, на котором просвечивала преждевременная серьезность, и за миловидными чертами которого тлел, казалось, тайный огонек, по временам внезапно вспыхивавший в ее глазах. Сказано тоном мягким и спокойным, неторопливо, но без запинок, причем поза говорившей была самая скромная. Что касается тела Анны-Клавдии, то оно показалось г-ну де Вердло, как и лицо ее, обладающим счастливыми пропорциями, хорошо сложенным и заключенным в кожу, отличающуюся, если судить по тем частям ее, которые были видны, большой нежностью и необычайной белизной.

Эти и подобные им речи продолжались до того момента, когда м-ль Гогота Бишлон, совсем почти оправившаяся после своих страхов и с лицом, пылавшим от содержимого стаканов, которые заставил ее осушить внимательный Аркнэн, вошла доложить, что комнаты приготовлены и барышня может удалиться туда, когда сочтет удобным. При этом заявлении м-ль де Фреваль встала, и вслед за ней встал также г-н де Вердло, снова чувствуя замешательство. Как они простятся друг с другом? Однако это произошло как нельзя более просто. Анна-Клавдия подошла к нему, протянула щеку, и г-н де Вердло, не соображая, как это вышло, звонко запечатлел на ней неловкий родственный и стариковский поцелуй, в то время как к его щеке прильнули две губы, свежие, легкие и проворные.

Возвратившись, со свечкой в руке, в свою комнату, г-н де Вердло подошел к зеркалу. Он долго рассматривал свою щеку. Ничьи губы не прикасались к ней со времен дьявольской г-жи де Вернон, и, чтобы вновь произошло это, понадобилось совершенно исключительное стечение обстоятельств, понадобилось, чтобы в теле бедного Шомюзи обитал демон плоти и сделал из него то, чем он был, — чтобы от случайно встреченной женщины у него родилась дочь, — чтобы он

был предательски убит из засады, — и чтобы эта дочь была вверена ему, Вердло! Все это было почти сказочно. Ему предстояло, следовательно, в возрасте около шестидесяти лет, стать охранителем чести молодой особы, которая смотрит прямо в глаза атаману разбойников и подставляет щеку мужчинам. И эта барышня отныне будет находиться здесь каждый день, будет во все вмешиваться, наполнять Эспиньоли своим присутствием! Г-н де Вердло не знал, следует ли ему ужаснуться перед этой перспективой или прийти в восторг от нее. Все, что он знал в эту минуту, сводилось к тому, что там, в двух шагах от него, в низеньких комнатах «старого флигеля», раздевается шестнадцатилетняя девушка, красивая, свежая, незнакомая, что одну за другою, она снимает с себя части своей одежды, и что, надевши ночной чепчик, она вытянет между простынь свое сильное, здоровое, нежное и гибкое девичье тело.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

I

Весна 1739 года была исключительно дружная и прекрасная, и Эспиньольский замок казался совсем помолодевшим. Перестали топить каминны и начали открывать окна, откуда видно было чистое и легкое небо, освещенное веселым апрельским солнцем. Распускались деревья, и трава пестрела первыми цветочками. На ветвях заливались птицы, и сад принимал праздничный вид. Песок на дорожках мягко поблескивал, и жирная земля цветочных клумб окрашивалась в красивые тона. Веял теплый ветерок, и воздух был напоен запахом свежей зелени. Поверхность большого пруда была покрыта легкой рябью. Что то радостное и новое было разлито по Эспиньолям. Во дворе слышались крики казачков и трескотня старых служанок. Крики и трескотня смолкали при появлении г-на Аркнэна. Однажды после полудня, когда, посвистывая и засунув руки

в карманы, управляющий г-на де Вердло проходил по двору (г-н Аркнэн не любил торопиться и делал все с прохладцей), он вдруг столкнулся носом к носу с м-ль Гоготой Бишлон.

М-ль Гогота Бишлон казалась помолодевшей с обновлением природы. Освободившись от тяжелых зимних нарядов, она носила теперь коротенькую юбку, самого изящного покроя, извлеченную ею из своего сундука. Она беспощадно выщипала растительность на верхней губе и имела благодаря этому вид приятный и внушительный. Стоя перед Аркнэном, она, казалось, требовала от него внимательного взгляда, в котором он не был склонен отказывать ей, ибо был чувствителен к интересу, который проявляла к нему м-ль Гогота, и, кроме того, у него было впечатление, что, если м-ль Бишлон, проводив м-ль де Фреваль в Эспиньоли, задержалась здесь, то он, Аркнэн, был до некоторой степени повинен в этой задержке и этом промедлении. Конечно, как и все в замке, Гогота поддавалась обаянию, производимому на каждого молодой барышней, и не скрывала восхищения, которое внушала ей ее прелестная госпожа. М-ль Гогота охотно ссымалась на это восхищение, как на причину отсрочки своего отъезда. Разве Анна-Клавдия де Фреваль не была вверена ее попечению? Разве ее не вручили Гоготе

для наблюдения за нею во время поездки в Эспиньоли? Разве г-жа де Морамбер не приказала ей заботиться о ней и присматривать за нею, словом, иметь над ней глаз? И м-ль Гогота хорошо умела заслужить это доверие. Ее общественное положение было скромное, но Гогота Бишлон, как ее называли, была в то же время м-ль Маргаритой Бишлон, особой степенной и возвышавшейся над положением, которое она занимала. Гордая взятою на себя обязанностью, она будет исполнять ее не за страх, а за совесть. Вот почему она оставалась в Эспиньолях, и собиралась оставаться там сколько понадобится. М-ль де Фреваль предстояло привыкнуть к новому образу жизни, и советы Гоготы будут небесполезны для нее, советы Гоготы, которую все в замке уважали, к которой м-ль де Фреваль относилась по дружески, а г-н барон де Вердло — с почтением, и которой, в общем, не приходилось жаловаться на мэтра Аркнэна. Разве он не полон предупредительности к ней? Ведь он даже перестал потешаться над страхом, испытанным ею во время нападения на карету разбойников, признавая, что дело могло бы принять очень худой оборот, не прискачи им на выручку драгуны г-на де Шазо. Таким образом отношения между м-ль Гоготой и мсье Аркнэном были как нельзя лучшими.

В самом деле, г-н Аркнэн был польщен симпатией, проявляемой к нему м-ль Бишлон, которая, в конце концов, не была первой встречной. Она, правда, не блистала красотой и молодостью, но возраст ее был далеко еще не преклонный, а наружность вовсе не отталкивающая. Кроме того, она была обладательницей весьма приятно набитого золотыми монетами кошелька. Всем этим не следовало пренебрегать, и раз м-ль Бишлон так любила м-ль де Фреваль, и ей так нравилось пребывание в Эспиньолях, то уж не подумывала ли она о способе остаться здесь навсегда? При этой мысли г-н Аркнэн многозначительно подмигивал и принимал вид человека, знающего, где зарыта собака. М-ль Бишлон была бы очень подходящей супругой для г-на Аркнэна, и г-н Аркнэн улыбался при этой перспективе, но улыбка его тотчас сменялась гримасой, и Аркнэн мрачнел. Препятствием для этого заманчивого проекта служило то обстоятельство, что где то существовала жена г-на Николая Аркнэна, когда то покинутая им, мегера, которую он давным давно бросил, предпочтя своему семейному очагу, где ни на минуту не прекращалась перебранка, бивуачные огни. С королевской службы Аркнэн перешел на службу к г-ну де Вердло, не навестив своей ужасной жены и не сделав никаких попыток разузнать, что

с ней. До него доходили упорные слухи, будто она скончалась, но чертовка была достаточно злобна, чтобы распуścić ложный слух о своей смерти: авось, поверив ему, он совершит преступление и станет двоеженцем, если вздумает вновь вступить в супружество, первый опыт которого вышел у него таким неудачным. Мэтр Аркнэн твердо решил очистить какнибудь свою совесть на этот счет и отправиться в родные места с целью выяснить истину. Но к чему торопиться? Не лучше ли, в ожидании, любезно принимать авансы м-ль Гоготы?

Она не поскупилась на них и в этот раз, и, состроив г-ну Аркнэну свою самую очаровательную улыбку, сказала ему:

— Как прекрасно вы выглядите сегодня, мсье Аркнэн! Знаете, я еще вчера обратила на это внимание барышни в присутствии г-на барона.

— Не может быть, мадемуазель Гогота! Как раз это самое я сказал о вас тоже вчера г-ну барону в присутствии барышни, и я очень рад, что встретился с вами, мадемуазель Бишлон.

М-ль Гогота опустила глаза и сделала глубокий реверанс всей своей грузной фигурой:

— Что поделаешь, мсье Аркнэн, сейчас весна, и чувствуешь себя совсем одуревшим...

Мсье Аркнэн любезно улыбнулся:

— Совершеннейшая истина, мадемуазель Гогота, совсем уподобляешься животным, не правда ли, простите за сравнение.

И г-н Аркнэн показал на крышу замка, где два воркующих голубя ласкали друг друга своими клювами.

Мсье Аркнэн и м-ль Гогота рассмеялись. Вдруг свежий, юный, мило повелительный голос позвал:

— Гогота! Гогота!

М-ль де Фреваль стояла на крыльце, чуть покрасневшая, в простеньком платье; волосы у нее не были напудрены. За время ее пребывания в Эспиньолях стан ее окреп и лицо расцвело. Быстрым движением она показала на широкую прореху в платье и весело крикнула:

— Гогота, идите ка сюда, зашейте мне платье, а вас, Аркнэн, г-н барон ожидает в саду.

В то время как Аркнэн заторопился к барону, м-ль де Фреваль и Гогота направились к «старому флигелю». М-ль де Фреваль шла молча. Такие приступы молчания часто сменяли у нее девичью непринужденность: давая ей волю, она потом как будто упрекала себя за это. Столь резкие переходы от бурной веселости к замкнутости, почти к угрюмости, могли бы заставить рассматривать ее как

существо исключительное, если бы ее наблюдали внимательнее, но в Эспиньолах уже привыкли к ее присутствию, и никому не приходило в голову заняться изучением ее характера. Гогота Бишлон и Аркнэн составили определенное представление о ней, и ничто не в силах было бы принудить их отказаться от него. Анна-Клавдия де Фреваль казалась им воплощением совершенства, и их отношение к ней сводилось к преданности и восхищению. Что касается г-на де Вердло, то его чувства прошли несколько фазисов прежде, чем определиться окончательно.

В первый момент ему показалось, что с прибытием в Эспиньоли Анны - Клавдии де Фреваль, жизнь, которую вели там, в корне изменится, словно по мановению волшебного жезла. Он подумал, что присутствие этой шестнадцатилетней девушки послужит сигналом к страшным потрясениям, и что придется вечно быть настороже и ожидать событий, непредвиденность которых наполняла его каким то ужасом. Г-н де Вердло от природы был робок перед лицом неизвестности, и робость его еще более усиливалась от того, что этой неизвестностью являлась молодая девушка, т. е. нечто, менее всего ему знакомое. Однако, ничто из того, чего он так страшился, не произошло. Одновременно с Анной - Клавдией де Фреваль на

эспиньольский двор не сошел с кареты дьявол; он не ступил на него своей горячей ногой с раздвоенным копытом. Из дверцы вышла только невысокая девушка с тонким лицом и грациозным телом, несколько не дерзкая, а скорее сдержанная и замкнутая, учтиво выразившая в сердечных и скромных словах свою признательность за оказанный ей прием. Она не принесла с собой ни смутения, ни опустошения. Она заняла место в общей жизни самым милым и самым скромным образом, приспособив свои привычки к привычкам окружающих ее людей. Все это крайне удивило г-на де Вердло. Он был крайне изумлен тем, что попрежнему продолжает свои обычные занятия, попрежнему обедает, попрежнему живет, попрежнему спит. К этим успокоительным наблюдениям прибавилось удовольствие видеть за столом против себя приятное лицо, а во время прогулок по дорожкам сада—хорошенькую спутницу, соразмерявшую свой шаг с его шагом, ничего не спрашивавшую, ни во что не вмешивавшуюся и казавшуюся довольной всем. Какие же химерические представления сложились у него относительно опасности женщин и их дьявольского действия! Неужели же возможно, чтобы такое нежное и грациозное существо, каким была Анна-Клавдия де Фреваль, было источником тысячи драм, перипетий и катастроф, порождаемых любов-

ными страстями? Каким образом вид лица и тела, где все — изящество, мягкость и грация, может пробудить у мужчин страшные желания, которые подчиняют их своей власти, делают неменяемыми, обращают в бешеных зверей, вооружают их руки кинжалами, заставляют их проливать собственную кровь и кровь других людей? Эти дикие и жестокие последствия, к которым приводит вид женского лица и тела, казались непонятными г-ну де Вердло, когда он смотрел, как Анна-Клавдия де Фреваль ходит подле него, такая молоденькая, скромная и сдержанная, занимается каким нибудь рукоделием или срывает в саду цветок.

Ей бесконечно нравился этот сад, и она любила гулять по его аллеям в обществе г-на де Вердло, который не желал ничего больше, как только рассуждать с нею о цветах и фруктах или разговаривать о прививке или подрезывании деревьев и других садовых работах. Она слушала его внимательно, прерывая иногда каким нибудь дельным или странным замечанием. Она соразмеряла свой шаг с шагом г-на де Вердло, но иногда, охваченная юным порывом, опережала его. Она извинялась, и однажды, погнавшись за птичкой, порхавшей по аллее, казалось, совсем смутилась оттого, что позволила этому движению увлечь себя, поддалась одному из

тех весенних впечатлений, что так кружат молодые головы. Ей известна была до сих пор только городская весна, а весне деревенской присуща особенная сила и действительность. Однако, Анна-Клавдия охотно предавалась воспоминаниям о садах Вандмона. Чтобы развлечь г-на де Вердло, она рассказывала ему иногда о каких нибудь пансионских проказах и шалостях, устраиваемых ее подругами. Эти рассказы очень забавляли г-на де Вердло. Он знал теперь монахинь воспитательниц по именам и портретам, которые рисовала ему Анна-Клавдия в несколько карикатурных тонах. Только на одну из матерей никогда не распространялся ее невинный юмор: на г-жу де Грамадек. Когда г-н де Вердло спросил однажды Анну-Клавдию, почему она щадила ее, та ответила:

— Потому что без нее я не была бы здесь.

Так же, как и относительно г-жи де Грамадек, от нее ничего нельзя было добиться относительно г-жи де Морамбер, вследствие ли намеренной сдержанности, вследствие ли любви к секретам, или же, наконец, вследствие того, что для нее самой недостаточно определился оттенок чувства, которое она испытывала к маркизе. Впрочем, много ли мы знаем о том, что творится внутри нас? Может быть, и Анна-Клавдия не знала себя

как следует, несмотря на то, что была замкнутой и погруженной в себя, часто задумчивой и сосредоточенной, поглощенной своими мечтами, делавшими лицо ее непроницаемым и преждевременно озабоченным.

Эти часы раздумий и мечтаний Анна-Клавдия проводила обыкновенно в своей комнате, куда она удалялась в момент, когда г-н де Вердю засыпал после обеда в своем кресле. В эти минуты в доме было принято соблюдать молчание, потому что днем сон г-на де Вердю был очень чуткий. Казачкам наказывалось воздерживаться от криков и перебранки, и сам г-н Аркнэн переставал насвистывать и ходил по комнатам не иначе, как на цыпочках. Воцарявшаяся тогда в Эспиньолях тишина благоприятствовала спокойному течению мыслей м-ль де Фреваль. Взяв какое нибудь рукоделье, она усаживалась в низкое кресло у выходившего на пруд окна своей комнаты. Когда она погружалась таким образом в свои мечты, ее ничто уже не могло отвлечь от них, и Гогота Бишлон понимала, что было бы совершенно бесполезно пытаться заинтересовать ее чарами г-на Аркнэна или разнообразными достоинствами семьи Морамберов. М-ль де Фреваль оставалась нечувствительной ко всему, и Гогота Бишлон поневоле замолкала. Тогда Анна-Клавдия де Фреваль роняла на колени руко-

делие, которое выпускали ее праздные руки, и останавливала свой взгляд на ряби, бороздившей воду, и на отражавшейся в ней небесной лазури.

Чем же могли быть заняты мысли м-ль де Фреваль в течение этих часов одиночества и мечтательности? Было мало вероятия, чтобы они задерживались на годах, проведенных в монастыре Вандмон под началом г-жи де Грамадек. Как мы уже сказали, Анна-Клавдия охотно говорила об этом времени с г-ном де Вердло, но трудно было поверить, чтобы она возвращалась к нему в моменты погружения в самые скрытные и самые глубокие области своей души. В таком случае, не оживляла ли она в своей памяти части своего существования, предшествовавшей моменту, когда г-н де Шомюзи привел ее, еще совсем маленькой девочкой, к г-же де Грамадек? Об этой поре своей жизни она никому не проронила ни слова. Такая нелюбовь к воспоминаниям, относящимся к раннему детству, немножко изумляла г-на де Вердло. Что такое запечатлелось в ней, о чем она так заботливо избегала упоминать? Г-н де Вердло подчас беспокоился об этом умышленном замалчивании, и к этому беспокойству у него присоединялись еще и другие. Знала ли Анна-Клавдия, что она дочь Шомюзи? И кто была ее мать? Ее

рождение было окутано тайной. Владела ли г-жа де Грамадек ключом этой тайны? Не раскрыла ли она ее Анне-Клавдии, и не о ней ли раздумывала Анна-Клавдия в часы одиночества.

Как бы там ни было, и куда бы ни направлялись ее мысли, они сообщали лицу м-ль де Фреваль странное выражение раздумья и замкнутости, сурово сжимали ее губы и бороздили лоб морщинкой, свидетельствовавшей о глубоком погружении в себя. Иногда облачко грусти затуманивало ее черты, слегка искаженные тоскливым выражением, омрачившим ее прелестное лицо несвойственной ей в другие минуты суровостью. Все это разрешалось слезами, катившимися из ее прекрасных глаз по свежим щекам. Что заставляло ее проливать их? Нет, не смерть г-на де Шомюзи, известие о которой она выслушала скорее с учтивостью, чем с печалью. Может быть она оставила в Вандмоне нескольких подруг, которых ей недоставало, и сожаление о которых вызывало у нее слезы? Какое горе могло быть у нее? В Эспиньолях никто не обижал ее, каждый старался ей понравиться. Гогота окружала ее заботами. Аркиэн был у ее ног. Г-н де Вердло баловал ее. Она вела жизнь в общем счастливую, хотя и уединенную; но это одиночество, повидимому, не тяготило ее. Так может быть

ее волновало то, что такое существование окажется непродолжительным? Г-н де Вердло был не молод. Подумает ли он о том, чтобы обеспечить ей приличное будущее, или же после безмятежной эспиньольской жизни она будет предоставлена случаю и осуждена возвратиться в ту тревожную неизвестность, из которой вышла? Так или иначе, явно было, что какая то неотступная мысль занимала Анну-Клавдию и погружала ее в задумчивость, мысль, которую она не в силах была прогнать из своего сознания и которую переворачивала на тысячу ладов. Но что это была за мысль: сожаления о прошлом или горькие воспоминания о нем? Опасения за будущее, неверность которого невозможно было затушевать безмятежностью слишком спокойного, слишком тихого настоящего? Не было ли у Анны-Клавдии де Фреваль какой нибудь романической склонности, которая мучила ее и воспаляла ее чувства и воображение? Может быть она не в силах была совладать с заигравшей кровью и хранила под спокойной внешностью бурные и пылкие чувства, тайно подавляемые? Или повиновалась исходящей из глубины ее существа неведомой ей силе, и была во власти глубоких внутренних потрясений, произведенных ею? Анна-Клавдия де Фреваль переживала ту пору, когда у девушек начинает складываться предраспо-

ложение к любви, — не была ли она готова почувствовать действие этих первых позывов к страсти? Она приближалась к возрасту, когда достаточно девушке подслушать какое нибудь слово, увидеть мельком какое нибудь лицо, и в ней ярким пламенем загораются чувства, в которых участвуют все силы и все помыслы воображения, — возрасту, когда девушки влюбляются в самые образы любви, даже если эти образы не соответствуют никакой реальности.

А Анне-Клавдии де Фреваль наверное приходилось слышать разговоры о любви! Конечно почтенный г-н де Вердло вовсе не упоминал о ней в своих речах, но ведь в монастыре дело обстоит иначе. Разве любовь не является постоянной темой разговоров пансионеров, их в большей или меньшей степени замаскированной заботой? Разве существует другой предмет бесед в дортуаре, коридорах и саду? Наверное Анне-Клавдии невольно приходилось принимать участие в этих беседах и слушать, как ее подруги говорят о женихах, свадьбах, любовницах, ибо как ни тщательно отгорожены монастыри от мира, мир все же просачивается в них. Что же осталось у Анны-Клавдии от этих разговоров, и в какой степени была посвящена она в тайны любви? Было ли у нее желание испытать ее или внушить другому? Касалась ли любовь своим

горячим дыханием лица м-ль де Фреваль в ее сновидениях, и не воспоминание ли об этом прикосновении, словно сон наяву, заполняло ее мысли, когда она сидела подле окна, уронив на колени свою работу, с горящими щеками, пересохшим ртом и глазами, полными слез?

Охотно отдаваясь во власть этих грез, Анна-Клавдия де Фреваль иногда оказывала им сопротивление, словно понимая их опасность. В такие дни она с самого утра прогоняла всякую томность и всякую праздность. Вместо того, чтобы задерживаться у зеркала и любоваться собою, она бросала на свое изображение беглый взгляд и тотчас отворачивалась. Она одевалась с таким суровым выражением лица, и движения ее были при этом так резки и так торопливы, что Гогота Бишлон смотрела на нее, вытаращив глаза и выдергивая один из волосков, упрямо выроставших у нее на подбородке. В такие дни сам г-н де Вердло испытывал в ее обществе некоторую робость, повторяя про себя, что женщины всегда женщины, т. е. существа непостоянные, переменчивые и подверженные внезапным прихотям, которых нельзя ни предвидеть ни объяснить; это наводило его на мысль о нелепой роли, поручённой ему г-жей де Морамбер—роли охранителя молодой девушки в возрасте, когда этот

пол наиболее опасен, когда, под влиянием темперамента, у девушки определяется то, что станет впоследствии ее характером. И все же, несмотря на свои беспокойства, г-н де Вердло не мог помешать себе находить приятной прогулку по аллеям красивого сада в обществе особы с телом проворным и грациозным, с хорошеньким личиком, особы, жесты и наружность которой так гармонировали с запахом плодов и ярким убором цветов, с пением птиц, шелестом ветерка в листве, журчанием фонтана в водоеме. В конце концов, разве не было это лучше, чем одиноко шагать по аллеям, глядя на тень перед собою, которая говорит нам, что в этом бренном мире мы немногим плотнее ее самой на песке, где она воспроизводит наши очертания у наших ног?

II

Хотя Эспиньольский замок лежал достаточно уединенно в области лесов и прудов, где он был единственным сколько нибудь значительным благородным домом, и хотя он был отделен от города шестью добрыми лье, в Вернонсе очень скоро распространился слух, что г-н де Вердло приютил у себя молоденькую родственницу, заботы о которой он должен был взять на себя после смерти своего брата, г-на де Шомюзи. Чтобы эта новость облетела город, достаточно было истории с подвергнувшейся нападению каретой, да болтовни Аркнэна, на которую он не скупился во время своих посещений Вернонса для закупок провизии для замка. Разумеется, об этом далеко не последним проведал г-н де ла Миньер, который был ухом Вернонса и человеком наилучше осведомленным обо всем, что происходило на тридцать лье в округности, а также в каждом городском доме. Г-н де ла Миньер хвастался, что имеет самые точные сведения о всех и каждом,

и собирает эти сведения для собственного удовольствия, а не так, как те сплетники, что разносят слухи из дома в дом, пуская их по ветру и доверяя первому встречному. Г-н де ла Миньер обладал, если можно так выразиться, эгоистическим любопытством, получая от него удовлетворение, которым не любил делиться ни с кем. Г-н де ла Миньер сочетал в себе темперамент газетчика с душевным складом духовника. Он был любопытен и скрытен в одинаковой степени. Эта склонность быть в курсе всего, притом для себя одного, доставляла ему много хлопот и много радостей, ибо, боясь, как бы чтонибудь из услышанного им не пропало, и желая сохранить все в неприкосновенности, оградить от искажений памяти, он запечатлевал свои сведения на бумаге, записывая в толстые тетради все, что ему случалось узнавать от когонибудь. Так как Вернонса было недостаточно для утоления его энергии, то он простирал ее на всю провинцию, создавая подробнейший архив ее. Он регистрировал рождения, браки и смерти, разнообразнейшие достойные внимания события, доходившие до его ушей, как то: состояние здоровья и имущественное положение, цену на всевозможные предметы, размолвки и ссоры, примирения и любовные связи, словом, все то, из чего складывается наше существова-

ние. Г-н де ла Миньер подробно рассказывал также о самых интимнейших обстоятельствах своей собственной жизни и нельзя сказать, чтобы он заносил эти сведения в свои ежедневные записи менее охотно, чем всякие другие. Г-ну де ла Миньер нравилось видеть, что он живет в них, но интерес, проявляемый им к самому себе, не мешал ему страстно наблюдать все, что только можно, из привычек и поведения других людей.

Г-н де ла Миньер уже давно приехал бы в Эспиньоли посмотреть, как обстояло там дело с г-ном де Вердло и его молоденькой родственницей, если бы его не приковывал к постели острый приступ подагры. В момент, когда г-н де Шазо вступил в Вернонс со своими драгунами после стычки у кареты, г-н де ла Миньер уже чувствовал начало своей болезни, так что, не будучи в состоянии посетить г-на де Шазо и разузнать от него подробности дела, он пригласил молодого офицера к своему столу, чтобы лично расспросить его обо всем. Г-н де Шазо удовлетворил его любопытство, прибавив, что карета везла в Эспиньоли очень хорошенькую, но не слишком любезную особу. Однако пиршества и возлияния в честь г-на де Шазо не содействовали облегчению подагры г-на де ла Миньер, так что он принужден был прекратить свою разведку, довольствуясь

только сведениями, распространяемыми в Вернонсе сьером Аркнэном. Но теперь, когда ему стало несколько легче, г-н де ла Миньер твердо решил продолжать свое дело и отправиться в Эспиньоли, чтобы удостовериться собственными глазами в том, что там происходит.

С этим намерением он велел как то утром заложить лошадей в карету. Прекрасная погода обещала сделать дорогу приятной. Лошади были не плохи, и ход кареты достаточно покойный. Г-н де ла Миньер вытянул в ней поудобнее свою еще закутанную ногу. Эта небольшая поездка привела его в благодушное настроение, и по его востренькому и хитрому лицу, сплошь покрытому мелкими морщинками, разлилось выражение довольства. Г-ну де ла Миньер вскоре предстояло прибавить прекрасную страницу к своим записям. Он будет иметь возможность занести в свою памятную книгу разговоры на разные темы, которые произойдут у него с г-ном де Вердло. Г-н де ла Миньер знал из газет о поездке г-на де Морамбер ко двору владетельного герцога и очень рассчитывал услышать от г-на де Вердло кое какие анекдоты на этот счет, но еще более интересовало его то, как г-н де Вердло будет объяснять присутствие в Эспиньолях барышни де Фреваль, которая, в общем, появилась неизвестно от-

куда и делала там неизвестно что. Г-н де ла Миньер заранее предвкушал удовольствие увидеть эту особу, в которой он чуял нечто романическое, и которую предполагал самым подробнейшим образом описать в своих знаменитых тетрадах. Г-н де ла Миньер претендовал на литературные способности и не пропускал случая вставить в свои дневные записи чейнибудь ловко сделанный портрет. Портрет барышни де Фреваль будет занимать в них очень почетное место. Не каждый день случается встретиться с молодой девушкой, которая окружена ореолом тайны, и которой пришлось подвергнуться нападению разбойников. Без сомнения он услышит от нее занятнейший рассказ о пистолетной и мушкетерной стрельбе. Что касается до него, то он сможет кое что сообщить м-ль де Фреваль относительно главаря напавших на нее разбойников. Он получил самые свежие известия о нем, которые наверно заинтересуют ее.

После нападения на карету и стычки с драгунами г-на де Шазо знаменитый атаман Столикий укрылся в одном из потайных мест, которые в случае надобности служили убежищем ему и его людям, и из которых до сих пор не удалось открыть ни одного, настолько искусно они были замаскированы. Но это исчезновение было лишь временным, и ме-

сяд тому назад шайка вновь подала весть о себе необычайно дерзкой выходкой: она потребовала выкупа со всех состоятельных обывателей города Сен-Рарэ. Переменив обычный театр своих действий и получив значительные подкрепления, шайка напала на Сен-Рарэ в глубокую полночь. Каждый из нотаблей получил неприятный визит тщательно замаскированных сборщиков. Под угрозой пистолетов, приставленных к груди, пришлось вытаскивать из сундуков деньги и драгоценности. Все это было совершено в изумительном порядке и с необычайной быстротой. Закончив этот ночной сбор дани, разбойники исчезли.

К несчастью для них, успешное похождение в Сан-Рарэ разбудило у них аппетит. И вот они снова попытались было проникнуть туда через предместье Гранжнев, но натолкнулись на очень сильный отряд драгун и пехоты, о нахождении которых там, как это ни странно, они не знали. При первых выстрелах атаман Столикий был тяжело ранен. Его людям удалось унести его, что было сопряжено с немалыми затруднениями. Все же атаман был в силах добраться до одного из своих убежищ, откуда он выйдет нескоро. Дело в предместье Гранжнев на время положило конец его похождениям, стяжавшим ему громкую репутацию отваги и ловкости.

Что касается укромных мест, служивших пристанищем этим разбойникам, то г-н де ла Миньер знал от г-на де Шазо, что власти до сих пор оставались в полнейшем неведении относительно того, где они расположены. Самые тщательные поиски не могли обнаружить местонахождения их главной квартиры, откуда они снабжались провиантом, одеждой и оружием, и где по всей вероятности была спрятана их казна. Никто не знал, чтобы где нибудь в окрестностях были гроты, подземелья, тайники или развалины, жилища сов, являющиеся обыкновенно приютом фальшивомонетчиков, контрабандистов и других преступников. Область между Бурвуазэном и Сен-Рарэ, где по всеобщему мнению находился главный опорный пункт шайки, как будто совсем не заключала в себе никаких тайн и была заселена очень почтенными дворянами. Нельзя было вообразить будто существовали преступные сношения между помещиками и охотниками за чужими кошельками, и все же тут были странности, на которые рано или поздно должен будет пролиться свет. Зато удалось добыть кое какие данные относительно знаменитого атамана Столикого, — данные, правда, еще весьма сбивчивые, но содержащие все же элементы истины. Говорили, будто он человек благородного происхождения, даже, может быть,

дворянин. Утверждали, будто он служил и покинул полк вследствие одной дуэли. Возвратившись во Францию под вымышленной фамилией, он стал посещать игорные дома и девиц, в частности одну актрису, по фамилии Бергати, которую он содержал тогда совместно с другим таким же как и он дворянином. Выйдя из главного госпиталя, куда привело ее распутство, красотка продолжала поддерживать сношения с тем из своих покровителей, что стал теперь атаманом Столиким, причем на нее возложена была обязанность сбывать награбленное. Атаман познакомился с этой Бергати в то время, когда выступал в качестве комедианта в той же труппе, что и она; там он научился искусству гримироваться, которое и объясняет его прозвище. Был он мужчина статный и видный, довольно красивый, с безукоризненными манерами, что не мешало ему, когда нужно было, поступать как самый жестокий из разбойников, впрочем, всегда самоотверженно и, при случае, самым отчаянным образом бравирюя опасностью; доказательства своей отваги и коварства он давал не раз.

Продолжая разговаривать так с самим собою, г-н де ла Миньер подъезжал к Эспиньяолям, и, по мере приближения к ним, его любопытство возрастало. К нему примешивалась также капелька тщеславия и крошечка

похотливости. Несмотря на свой возраст, г-н де ла Миньер не отказывался от мысли нравиться, и перспектива оказаться в присутствии хорошенькой девушки необычайно веселила его. Г-н де ла Миньер любил поухаживать, нисколько, впрочем, не обольщая себя надеждой, что его полюбят ради него самого, ибо это случается очень редко, и не следует слишком рассчитывать на это. Таким образом он был достаточно благоразумен и не предавался чрезмерно волокитству. К тому же, чувство не является необходимым условием наслаждения: юным телом возможно наслаждаться и при полной безучастности сердца. На этот счет у г-на де Миньер не было недостатка в опыте, подтверждавшем такой его взгляд на вещи. Достаточное количество девушек и женщин прошло через его руки. Есть средство сделать себя приятным им; для этого стоит только в надлежащий момент, не колеблясь, выказать щедрость. Не имея подобных намерений по отношению к м-ль де Фреваль, г-н де ла Миньер радовался предстоящей возможности увидеть новое и хорошенькое лицо, о котором столько наговорил ему г-н де Шазо. Он чувствовал себя очень расположенным составить о нем мнение на основании личного опыта и даже поухаживать за м-ль де Фреваль, если это покажется ему удобным. Эта девочка вряд ли получает

много удовольствий в Эспиньолях в обществе такой старой клячи, как г-н де Вердло, не принадлежащего к числу тех людей, которых долгая привычка к любви сделала искусными по части разговора с женщинами и умения входить в их маленькие заботы и суетные интересы. Такой человек как Вердло вряд ли знает о том, какое удовольствие сравнительно легко можно доставить им, заводя с ними разговоры о них самих, делая им комплименты и преподнося маленькие подарки. Между тем г-н де ла Миньер считал себя отличным знатоком этого тонкого искусства. Почему бы этой Фреваль не оказаться чувствительной к его предупредительности и любезностям? У девушек столько странностей, что от них можно ожидать самых непредвиденных капризов. Кто знает движения их сердца? Разве не было среди них таких, что влюблялись в первого встречного, безрассудно жертвуя ради него и честью и безопасностью, и разве нет, с другой стороны, столь же безрассудно сопротивляющихся самым соблазнительным предложениям? Г-н де ла Миньер знал изрядное количество анекдотов на эту тему, и, так как в нем сидел чортик, то он не считал невероятным, что будет объектом какогонибудь странного и лестного приключения, которое придет к нему с этой стороны. Вот почему, когда карета

въехала во двор эспиньольской усадьбы, он старательно оправил свой парик и положил в рот ароматическую лепешку, чтобы сделать благоуханным свое дыхание.

Как ни галантно был настроен г-н де ла Миньер, он испытал однако, сходя с кареты, некоторое затруднение по причине закутанной ноги, и был поэтому доволен, что м-ль Фреваль не присутствовала при этом зрелище. Г-н Аркнэн, выбежавший навстречу, как только раздался стук лошадиных копыт, помог приезжему справиться с его затруднениями, в то время как г-н де Вердло рассыпался в учтивых поклонах и приветственных словах. Поцеловавшись, г-да де Вердло и де ла Миньер направились к замку. Анна-Клавдия ожидала их там. Реверанс ее был безупречен, но г-н де ла Миньер заметил в нем некоторую сдержанность. Эта холодность не обескуражила его, и, едва только сели за стол, как он принялся отпускать Анне-Клавдии комплименты и пошлости. Он делал их ей относительно ее наружности, сложения, наряда, ума, хотя в ответ она не проронила ни слова, ибо любезности г-на де ла Миньер не в силах были прогнать ее сдержанность и ее серьезность. Но если внимание г-на де ла Миньер оставляло Анну-Клавдию достаточно равнодушной, то г-н де Вердло выказывал себя очень чувствительным к нему.

При каждом комплименте г-на де ла Миньер он приосанивался, вздыхал от удовольствия и отвечал на него одобрительными кивками головы и подмигиваньем. Г-н де ла Миньер заметил эти движения. Неужели г-н де Вердло был влюблен в этот незрелый плод? Вот так история! Мысль эта несколько не была приятна г-ну де ла Миньер, но он утешал себя тем соображением, что г-н де Вердло ничего не смыслит в любви, и что ему не удастся добиться успеха у этой особы; он натерпится с нею. Ничего что м-ль де Фреваль казалась очень сдержанной и послушной, — самая смиренная девушка требует для управления собою опытной и твердой руки, и Ла Миньер не мог себе представить бедного Вердло в этой роли. Что касается до него, Ла Миньера, то он сладит с нею как нельзя лучше. Первой его заботой будет приучить эту хорошенькую особу вежливо и внимательно выслушивать слова, с которыми к ней обращаются, что она плохо делала, ибо он заметил, что рассеянное и задумчивое лицо ее оживилось только тогда, когда он стал рассказывать г-ну де Вердло о разбойниках Сен-Рарэ и их знаменитом атамане. Правда, она имела случай познакомиться с ним во время нападения его на карету при подъеме на Редон. В конце концов, было бы не так уже прискорбно, если бы грабители обольстили эту

молоденькую барышню, которая ломалась, выслушивая отпускаемые ей любезности и комплименты, и которая, появившись неизвестно откуда, строила из себя жеманницу, когда такой важный барин, как Ла Миньер, удаивал заняться ею и почтить ее своим вниманием. Однако дурное настроение старого волокиты умерялось тем удовольствием, которое доставлял ему вид тела и лица Анны-Клавдии де Фреваль, и г-н де ла Миньер мысленно прикидывал себе, на что можно будет надеяться, когда она узнает любовь. Лицо м-ль де Фреваль наполнится оживлением, которого сейчас ему несколько недоставало, а тело станет более грациозным, приобретя опыт в занятиях, делающих более гибкими члены девушек и приучающих их к разнообразным движениям, которых требует сладострастие. От мужа ли, или от любовника, Анна-Клавдия де Фреваль скоро получит уроки любви, ибо не может же г-н де Вердло бесконечно держать взаперти в Эспиньолях этот прекрасный плод, который высохнет там, не принеся никому пользы. Впрочем, какаянибудь случайность приведет все это в надлежащий порядок!

Вот почему по уходе м-ль де Фреваль г-н де ла Миньер завел с г-ном де Вердло речь о достоинствах Анны-Клавдии и о необходимости, которая вскоре наступит, подыскать

ей хорошего жениха. На этот случай г-н де ла Миньер предлагал свои услуги. Нельзя допустить, чтобы эта красавица засиживалась в девках, нужно найти ей выгодную партию. Но если держать ее в Эспиньолях, то этого сделать не удастся. Хорошо бы вывозить понемногу м-ль де Фреваль. Г-н де ла Миньер предлагал сообщать о подходящих поводах для этого. Их представлялось не мало в Вернонсе, где есть хорошее общество. Г-н де Вердло сделал ошибку, держась в стороне от него. Правда, раньше ему не приходилось выдавать барышен замуж. Теперь дело обстоит иначе, и г-н де ла Миньер не просил ничего лучшего, как быть посредником и толмачем в этом деле. Пусть г-н де Вердло откажется от своего уединения, от своей нелюдимости, — в Вернонсе не зачтут ее в вину ему, особенно если он, Ла Миньер, вмешается в дело. Осенью в городе предполагаются собрания, в которых может принять участие м-ль де Фреваль. Гости получают на этих собраниях приличные развлечения, и городские кавалеры постоянно посещают их. Г-н де ла Миньер назвал несколько имен.

Г-н де Вердло слушал эти речи, поигрывая тростью и перебирая в пальцах табакерку, но мало отвечал на них. Он не думал об этой новой обязанности, которую возлагало на него попечение об Анне-Клавдии. Выдача ее замуж

казалась ему чреватой всяческими затруднениями. Придется сначала собрать точные сведения относительно происхождения молодой девушки. Кроме того, мысль, что Анна-Клавдия покинет Эспиньоли, как то помимо его воли была неприятна ему. Он привык к ее присутствию и к ее манерам. Правда, он без удовольствия смотрел на ее приезд в Эспиньоли, но почувствует сожаление, если она уедет оттуда. К тому же, не было такого впечатления, будто она желает этого. Настроение у нее было всегда самое ровное, спокойное. Иногда ею овладевала грусть, иногда она погружалась в задумчивость, но эти склонности были несомненно присущи ее характеру, и замужество ничего не изменит в них. Занятия, которые были у нее в Эспиньолях, казалось, удовлетворяли ее: небольшая прогулка, немного чтения, немного рукоделия, заботы о туалете, который, впрочем, вовсе не отличался кокетливостью. Ко всему этому примешивалось довольно мало религиозности, ибо монастырское воспитание не сделало из нее святоши, и она, повидимому, питала не больше склонности к монастырю, чем к замужеству.

Слушая эти возражения, г-н де ла Миньер пожимал плечами и снова возвращался к своей излюбленной теме. Известно ли г-ну де Вердло, какие мысли роятся в уме молодых девушек, какой любовный жар тайно горит в их теле?

Самое лучшее, следовательно, обзаводить их мужем, который берет на себя труд тушить их огонь, ибо каждая из них, в глубине своей, таит хотя бы искру этого пламени. Впоследствии, если мужа будет недостаточно, придут на помощь любовники. Пусть г-н де Вердло поразмыслит над его советом. Девушек необходимо выдавать замуж, и Анна-Клавдия де Фреваль не должна составлять исключение. За мужьями дело не станет в Вернонсе или среди окрестного дворянства. Разве не было по соседству замков, принадлежащих уважаемым лицам, например, замка г-на де Вильбуа в Монкрэ, замка г-на де Нодрэ в Ла Луз, замков г-д де Барбез и Вераль в Валь-Контане, замка Ла От-Мот г-на де Шаландр? Повсюду владельцы замков будут счастливы принять г-на де Вердло и очаровательную Анну-Клавдию.

Услышав фамилию Шаландр, г-н де Вердло поморщился. Разве не упоминала г-жа де Морамбер в своих письмах об одном дворянине, носящем эту фамилию, который, будучи другом г-на де Шомюзи и родственником г-жи де Грамадек, играл роль посредника при поступлении маленькой Анны-Клавдии в Вандмон? По словам г-жи де Грамадек, этот Шаландр был человеком грязного поведения, вращавшимся в подозрительном обществе. Какое отношение могло быть между ним и

Шаландром из От-Мот? Как бы там ни было, г-н де Вердло очень волновался при мысли показать Анну-Клавдию слишком внимательным взорам всех этих людей, которые не достигли еще возраста г-на де ла Миньер и будут смотреть на нее похотливыми глазами. Г-н де Вердло заранее испытывал глухую ревность, подогревавшуюся видом Анны-Клавдии, которую он замечал через окно в глубине сада с корзиной цветов в руках. В мягком свете прекрасного летнего дня лицо ее и тело дышали очарованием юности. Шла она поступью грациозной и непринужденной, и, наблюдая ее через окно, г-н де Вердло и г-н де ла Миньер искоса поглядывали друг на друга, меланхолично констатируя, как сильно их возраст отделяет их от этого резвого создания, переживающего свою весну. Но г-н де ла Миньер не стал долго предаваться этим грустным мыслям. Бросив прощальный взгляд на красивую девушку, он приказал подать карету. Конечно, он не без удовольствия занял бы в ней место рядом с этим юным существом и увез бы ее с собой, но на этот раз он удовольствовался мыслью, что если г-н де Вердло имел в лице Анны-Клавдии де Фреваль приятное зрелище для глаз, то он несомненно натерпится с нею не мало неприятностей и хлопот. Нельзя держать безнаказанно подле себя шестнадцатилетнюю

девушку, особенно когда не делаешь из нее другого употребления, кроме развлечения для глаз. Исполненный этих здравых и насмешливых мыслей, г-н де ла Миньер попросился, между тем как г-н Аркнэн, когда карета выехала со двора, запер ворота на тяжелую задвижку, как это всегда делалось с наступлением вечера.

Не только в замке говорилось о свадьбе, об этом болтали также на конюшнях и в кухнях. Кучером у г-на де ла Миньер был некий сьер Бигордон, родом из Бурвуазэна, где Аркнэн когда то женился. Жена его оказалась столь гнусной и сварливой мегерой, что Аркнэн, отчаявшись выбить из нее дурь пощечинами и палочными ударами, решил дать тягу и поступить на королевскую службу. С тех пор Аркнэн мало беспокоился о своей экс-супруге и мирно жил в Эспиньолях, куда, несколько месяцев тому назад, один коробейник принес весть о кончине упомянутой супруги. И вот Бигордон, кучер г-на де ла Миньер, только что подтвердил Аркнэну, что он действительно отделался от своей фурии жены. Бездельница успокоилась навеки, и Аркнэн мог удостовериться в этом, стиранившись в деревню Шардри, расположенную в каких нибудь восьми лье от Бурвуазэна в сторону Сен-Рарэ. Эти сообщения не ускользнули от слуха м-ль Гоготы Бишлон, и она со слезами потребовала,

чтобы сьер Аркнэн немедленно предпринял путешествие в Шазардри. Ей казалось уже, что все желания ее исполнились, она стала г-жей Николая Аркнэн и окончательно поселилась в Эспиньолях подле м-ль де Фреваль.

Требования ее были так настойчивы, что г-н Аркнэн, почувствовав себя крайне польщенным ими, отправился к г-ну де Вердло просить разрешения отлучиться на несколько дней, чтобы съездить в Бурвуазэн и Шазардри и разузнать, действительно ли он стал вдовцом, причем по возвращении ему останется только составить счастье влюбленной Гоготы. Эта просьба была встречена г-ном де Вердло благожелательно, ибо он увидел в ней средство сохранить подле Анны-Клавдии особу испытанной преданности, услужение которой было ей приятно; поэтому было решено, что Аркнэн отправится в путь, когда пожелает, и будет гнать во всю мочь коня в Шазардри проверить правильность слов сьера Бигордона, который поклялся всеми святыми, что сведения его самые достоверные. Итак, в назначенный день можно было видеть, как сьер Аркнэн выводит из конюшни лучшего коня г-на де Вердло, садится на него верхом и исчезает, послав воздушный поцелуй м-ль Гоготе Бишлон, вышедшей провожать его в нижней юбке и ночном чепчике.

III

Из пятерых садовников, заботившихся о поддержании в порядке эспиньольских цветников и огородов, г-н де Вердло наиболее ценил сьера Филиппа Куафара. Этот Куафар находился на службе г-на де Вердло сравнительно недавно, но очень скоро снискал к себе благорасположение. Куафар отличался в искусстве выращивать превосходные овощи и вкусные фрукты. Он знал множество рецептов по части семян, пересадки, подстригания деревьев, прививок, обрезывания веток. Он был кроме того, хорошим цветоводом. Никто не знал хорошенько, откуда у Куафара эти познания, ибо он не любил говорить о своем прошлом. Он заявился однажды в Эспиньоли, и г-н де Вердло пригласил его на место старика Пьера Про, умершего от колик, иссушивших и скрючивших его до такой степени, что он стал похож на ствол виноградной лозы. Куафар был молчаливый и пунктуальный толстяк, с полным лицом и одутловатыми щеками, между которыми заострялся необыкновенно

узкий и тонкий нос. По одной из его щек проходил широкий шрам, и он прихрамывал на одну ногу. Где Куафар мог получить эти изъязны, помимо которых он не представлял ничего замечательного? Куафару на вид было лет шестьдесят, и употребление, которое он сделал из них, оставалось покрытым тайной. Он говорил, что всю жизнь свою провел в деревне, но при таком образе жизни вряд ли представляется случай изрезать себе щеки, и вряд ли можно вывихнуть колено, рассаживая салат или подпирая тычинками сахарный горошек. Что же было причиной его шрама и хромоты; любовное похождение или ссора? Когда ктонибудь намекал на это, г-н Куафар только странно улыбался и потирал руки. Жест этот, точно так же как немота садовника и благоволение, которым он пользовался у г-на де Вердло, страшно раздражали г-на Аркнэна. Куафар и Аркнэн терпеть не могли друг друга.

Куафар отличался еще одной странностью. Если он ненавидел Аркнэна, то не в меньшей степени ненавидел и свое ремесло, хотя владел им с изумительным искусством. Копать землю, полоть сорные травы, сеять, сажать, подрезывать, убирать урожай, казалось ему низким, грязным и скучным занятием, о котором он говорил не иначе, как с самым крайним отвращением. Нужно было видеть его

гримасу, когда он брал в руки заступ или грабли. Он относился к земле как к врагу, рассекал и подстрогал ее с яростью. Он грубо и ожесточенно бил ее каблуком и с презрением плевал на нее. Он со злостью рассекал глыбы и, разрыхляя их, ощущал какое то злобное удовлетворение. Ненависть его распространялась в одинаковой степени на цветы и на фрукты. Он гнушался их запаха и вкуса. Он затыкал нос перед розовым кустом, а вид персика вызывал у него тошноту. Аркнэн утверждал, будто видел однажды, как он мочился от злости на грядку с гвоздиками. Когда хвалили его искусство, Куафар пожимал плечами и глядел на вас исподлобья. Нужно же, чтобы люди были так глупы, чтобы получать столько удовольствия от уголка земли и прилагать к нему столько забот! Почему он, Куафар, прикован цепью к этой галере, и почему теряет он за своей работой время, которое он мог бы употребить иначе? И вот он жестоко завидовал сьеру Аркнэну, которому он мог бы помогать во множестве вещей, но разве каждый раз, как он пытался делать это, г-н де Вердмо не отсылал его обратно к садовым работам, для которых он не был создан, тогда как ему очень хотелось бы ходить за лошадьми, наблюдать за гардеробом и даже прислуживать за столом? Добавьте к этим несправедливостям, что, как брадобрей, он

мог бы заткнуть за пояс жалкого скребуна Аркнэна.

Но разве когданибудь принимают в уважение достоинства людей темного происхождения? Куафар считал себя живым доказательством этой истины, и ко всем его огорчениям прибавилось еще одно, к которому он был не в меньшей степени чувствителен. Приезд в Эспиньоли Гоготы Бишлон был большим событием в жизни Куафара. Он сразу же почувствовал к м-ль Маргарите Бишлон восхищение, быстро перешедшее в страстное обожание. Когда он созерцал ее, рубец на его щеке багровел, и весь он преисполнялся волнением тем более мучительным, что м-ль Бишлон выказывала к нему жестокое равнодушие. Багровение Куафара и его восторги не производили на нее никакого впечатления, равно как и его похотливые и дерзкие взгляды. Тогда как Куафар из сил выбивался, чтобы обратить на себя внимание, Бишлон только и глядела, что на прекрасного Аркнэна, которому она не переставая расточала нежные и жеманные улыбки, причем упомянутый сьер принимал их крайне небрежно и тем доводил до белого каления вспыльчивого Куафара. Но Аркнэн сделал ошибку, отлучившись из Эспиньолей. Пока он ездил собирать известия о своей ведьме-жене, он, Куафар, сделает последнюю попытку

вытеснить его из сердца м-ль Бишлон, подобно тому, как в данный момент он заменял его — и с каким превосходством! — в роли слуги г-на де Вердло.

И вот г-н Филипп Куафар, променявший таким образом службу Помоне на службу г-ну де Вердло, через два дня по отъезде Аркнэна, часов около семи вечера, предстал пред лицом г-на барона, предварительно деликатно постучавшись в дверь комнаты, где этот последний находился в обществе м-ль де Фреваль. Погода целый день стояла дождливая, и после легкого просвета снова полило как из ведра. Через окна видно было серое небо над верхушками деревьев сада и уголок пруда, изборожденного дождевыми струями. Так как погода мало подходила для прогулки, то г-н де Вердло попросил Анну-Клавдию почитать ему чтонибудь. М-ль де Фреваль держала еще книгу в руке, когда к ним подошел Куафар. Куафар казался сбитым с толку и смущенным, и м-ль де Фреваль заметила, что рубец на его щеке был чрезвычайно бледен. Куафар хромал сильнее чем обыкновенно.

Г-н де Вердло спросил его:

— Что случилось, Куафар? Почему ты здесь?

Куафар потирал руки и, казалось, не решился ответить:

— Надобно доложить вам, господин барон, что во дворе находится один дворянин, кото-

рый просит приютить его на ночь; он говорит, что дороги размыло, и что лошадь его притомилась.

Г-н де Вердло воскликнул:

— Ах, боже мой, и Аркнэна нет здесь!

Эти слова задели за живое Куафара, который, услышав имя Аркнэна, скорчил злобную гримасу, между тем как г-н де Вердло продолжал:

— Все же невозможно оставить этого дворянина под дождем. Пусть он войдет, Куафар, и пусть ему приготовят голубую комнату, что рядом с моей. А как фамилия этого дворянина?

— Он говорит, господин барон, что он кавалер де Бреж и что он офицер.

— Офицер, офицер... введи ка его сюда, Куафар.

Г-н Куафар, казалось, был в нерешительности. Его рубец из белого стал лиловым; он сделал жест, как бы собираясь что то сказать, но направился к двери. Ступив на порог, он обернулся, затем вышел. Г-н де Вердло втянул в ноздрю понюшку табаку:

— Что это с Куафаром? У него такой странный вид сегодня.

На мгновение воцарилась тишина, и слышно было, как дождь стучит в стекла. Затем раздалось звяканье шпор и шум шагов по каменному полу вестибюля. Открылась дверь

и показался путешественник. Он был высок и хорошо сложен. На нем был костюм военного образца, с обшлагами и отворотами, но немножко отличающийся от того, что обыкновенно носят офицеры, — обстоятельство, на которое г-н де Вердло обратил бы внимание, если бы он был больше в курсе военных форм, но г-н де Вердло не служил. Впрочем, внимание привлекало скорее лицо вошедшего, чем его костюм. Лицо это было правильное и с резкими чертами, в которых сквозило что то дерзкое и насмешливое, соблазнительное и суровое, а также подвижное и воровское. Между тем вошедший приблизился к г-ну де Вердло. Голос его звучал отрывисто и немного хрипло. Он поблагодарил г-на де Вердло за его гостеприимство, которым он воспользуется на одну только ночь, и завтра с рассветом вновь отправится в путь. Он офицер и догоняет свой полк. В извинение своей бесцеремонности он сослался на поздний час, тяжелую дорогу и усталость лошади. Все это было выражено им прекрасно, с той особенностью, что взгляды его не следовали в направлении его слов. Это было настолько явно, что бросилось в глаза г-ну де Вердло, и он тоже взглянул на то место, где находилась Анна Клавдия де Фреваль. Если бы зрение у г-на де Вердло было более острое, то его поразила бы бледность, разлившаяся по лицу молодой

девушки, и легкое дрожание ее руки, которою она опиралась о стол, но все внимание г-на де Вердло было поглощено капельками, которые стекали с мокрой треуголки офицера и одна за другой падали на паркет, а также речью, которую он собирался произнести в ответ на только что обращенные к нему слова вежливости и благодарности. Разумеется, ему пришлось пригласить его к своему столу. Г-н де Бреж отклонил приглашение, сославшись на крайнюю усталость и потребность в отдыхе. Почтительно поклонившись м-ль де Фреваль и приложив палец к губам, он покорно последовал за г-ном де Вердло, который, совсем не заметив этой проделки, шел перед ним показывать дорогу в приготовленную для него комнату. Когда дверь за ними закрылась, Анна-Клавдия де Фреваль оставалась одно мгновение неподвижной и безгласной, затем вдруг поднесла руки к сердцу, между тем как сдержанное рыдание душило ей горло и судорожно сводило плечи.

Когда г-н де Вердло возвратился, поручив своего гостя заботам сьера Куафара, Анна-Клавдия сидела на своем обычном месте. Г-н де Вердло остался очень доволен своим поведением, он был в восторге от г-на де Бреж и сожалел, что тот отказался поужинать с ними. У этого молодого человека были самые учтивые манеры, и г-н де Вердло, рас-

хаживая по комнате, продолжал свой панегирик:

— Он не сказал мне, в каком полку он служит, но он хорошо знаком с г-ном де Шазо, которого я назвал ему. Он направляется сейчас в полк, а затем рассчитывает получить отпуск и поехать в Париж, куда призывают его неотложные дела, и где он хочет полегчить старые раны, причиняющие ему страдание. Я поручил ему повидать мою невестку Морамбер и передать ей известия от нас. Как вы находите моего посланца? Не правда ли, он хорош собою?

Во время ужина Анна-Клавдия оставалась рассеянной и молчаливой и едва прикасалась к подаваемым блюдам. Это молчание и эта рассеянность позволили г-ну де Вердло сделать кое какие размышления. Вот каковы молодые девушки, говорил себе он. Живут они скромненько и тихенько, но достаточно красивого проезжего офицера, чтобы погрузить их в романические мечтания. Сердце их тает прежде, чем они успевают заметить это. Ла Миньер, положительно, прав, и мне нужно будет выдать замуж эту девочку. Кто знает, может быть провидение посылает нам ее суженого в лице гостя, который собирается ночевать под моей кровлей? Будь, однако, внимательнее, Куафар, ты чуть было не пролил этот соус мне на жилет! Не по-

ливай меня, как какое нибудь огородное растение.

Действительно, сьер Куафар, подавал тарелки, сам был, казалось, не очень в своей тарелке. Он до такой степени был взволнован, что перестал владеть собой. Время от времени он посматривал на дверь с таким видом, точно прислушивался, не идет ли кто нибудь. На дворе дождь лил попрежнему, и г-ну де Вердло было понятно, почему г-н де Бреж попросил у него приюта, спасаясь от этого потопа. Вряд ли хорошо сейчас на дорогах, среди рытвин и водомоин. Это мнение разделяла также Гогота Бишлон, которая принесла свечи, чтобы проводить м-ль де Фреваль в ее комнаты. Гогота сокрушалась над участью Аркнэна. О если бы он благополучно прибыл в Бурвуазэн, а оттуда в Шардари! Погода была такая, что собаки на двор не выгонишь. Похоже на ту ночь, когда у двери дома Морамберов был убит этот несчастный г-н де Шомюзи. Самая подходящая пора лечь спать. Что касается до красавца офицера, то он подал хороший пример и должно быть храпит уже во всю, ибо Гогота, проходя мимо его двери, не заметила, чтобы в щелочки пробивался свет. Гоготе очень хотелось бы посмотреть на спящего. Военная форма нравилась ей. Разве г-н Аркнэн не носил ее, будучи на королевской

службе? Однако г-н де Вердло, желая положить конец этой болтовне, подошел к Анне-Клавдии со свечкой в руке. По своему обыкновению он дружески потренил ее по щеке, и пальцы его почувствовали, что щека пылала, но г-н де Вердло не придавал этому значения. Фитиль его свечи обуглился, он поправил его ногтем и отправился к себе, не заметив жеста, которым Анна-Клавдия пыталась удержать его. Когда г-н де Вердло ушел, она одно мгновение стояла в нерешительности, опустив голову, прислушиваясь к его шагам по лестнице. Затем, предшествоваемая Гоготой Бишлон, направилась в свою комнату.

Едва только войдя в нее, она бессильно опустилась на стул. Ноги подкашивались под нею, и тоска сжимала ей грудь. Подле нее Гогота не спеша приготавливала ей ночной туалет. Когда она кончила и удалилась, наконец, Анна-Клавдия прошла в туалетную комнату. Приложив ухо к двери в комнату Гоготы, она услышала, как та некоторое время повозилась, затем шум стал постепенно утихать, и до Анны-Клавдии донеслись первые рулады звучного храпа. Все время прислушиваясь к этому храпу, Анна-Клавдия стала поспешно раздеваться. Затем накинула на себя капот, обулась в легкие ночные туфли и неслышно проскользнула в длинный коридор.

соединявший «старый флигель» с замком. Она шла медленно, осторожно. Иногда останавливалась, затем снова продолжала свой путь. Так дошла она до вестибюля.

Дождь перестал. Ни один звук не нарушал гробовой тишины, окутывавшей Эспиньоли. Все спало там, животные в конюшнях и хлевах, люди под одеялами или пологам. Иногда неприметный ветерок колыхал пламя свечи. Посреди вестибюля Анна-Клавдия остановилась и стояла долгое время неподвижно, насторожившись и пристально всматриваясь в темноту. Иногда в деревянной обшивке стен и потолочных балках раздавались легонькие потрескивания, подобные вздохам тишины. В промежутках Анна-Клавдия слышала шум собственного дыхания. Ей казалось, что с тех пор, как она покинула свою комнату, протекла целая вечность. Было должно быть поздно. С каких пор находится она в этом пустом вестибюле, который представлялся ей огромным, с закоулками тени, куда не проникал свет слабого огонька восковой свечи? Вдруг замковые часы пробили полночь. Они должно быть били и раньше, но Анна-Клавдия не слышала, настолько ум ее был поглощен одной мыслью. Эти двенадцать ударов вывели ее из оцепенения, в котором она пребывала. Догоравшая свеча мерцала и готова была потухнуть. Она заменила ее другою,

которую взяла про запас, и направилась к лестнице. Поставив ногу на первую ступеньку, она одно мгновение поколебалась. Затем, сняв ночные туфли, она начала подниматься.

Поднималась она с крайними предосторожностями. Дойдя до площадки, остановилась. Еще несколько ступенек, и она будет перед дверью в комнату г-на де Вердло. Ни один звук не доносился оттуда; г-н де Вердло хвастался тем, что спит сном праведника. Она повернула налево и вошла в коридор, в конце которого находилась «голубая комната», — та, куда г-н де Вердло поместил эспиньольского гостя. Подходя к ней, Анна-Клавдия удвоила предосторожности. Она поставила свечу за углом, образуемым поворотом коридора. Ощупью добралась до двери. Опустилась перед нею на корточки. Приложила ухо к замочной скважине. В первое мгновение она слышала только шум собственной крови, затем шум этот утих, и ей показалось, что она различает легкое дыхание, спокойное дыхание спящего человека. Оно повышалось и понижалось в мерном ритме. Анна-Клавдия все слушала. Понемногу дыхание ширилось, становилось более звучным, более отчетливым, более громким, столь громким, что, ей казалось, своим шумом оно постепенно наполняет весь замок, завладевает

им, мощное и неодолимое. Она сама чувствовала себя вовлеченной в это дыхание, словно в водоворот, который кружил ее и уносил с собою. Дыхание проникало ей в волосы, скользило по рукам, ласкало грудь, целовало в губы. Она была в его власти, побежденная, порабощенная, и однако она знала, кто был человек, дышавший там, за этой дверью, перед которой она трепетала от ужаса и от любви, меж тем как слезы катились по ее юному лицу, искаженному восторгом и мукой.

В таком положении оставалась она долго; наконец, медленно поднялась и отправилась за своей свечкой. С теми же предосторожностями она спустилась по лестнице. На последней ступеньке присела. Ночь проходила. На рассвете придет Куафар и разбудит путника. Нужно было подождать до тех пор, чтобы быть уверенной, что гнусное дело не совершится. Дождь освежил воздух. Анна-Клавдия стала дрожать от холода. Она спрятала голову в руках, и у нее стали возникать не столько мысли, сколько образы. Они быстро следовали друг за другом, как в сновидениях: карета, красноватый свет факелов, пистолетные выстрелы, лицо, глаза, глядящие на нее, мужчина, вскакивающий верхом на лошадь, затем приемная монастыря Вандмон, широкое лицо г-на де Шомюзи, и, совсем в отдалении, маленькая девочка, смешная

в слишком широком старом кафтане садовника; девочка эта — она сама в тот день, когда ее поймали верхом на монастырской ограде, готовую очертя голову броситься в водоворот жизни. Вдруг она вздрогнула. Пропел петух, тусклый свет стал проникать в темноту вестибюля, где бледнел умирающий огонек свечи. Это заря. Сейчас появится Куафар. Она услышит, как он будет переходить двор. Он отперет своим большим ключем ворота замка. Он придет разбудить того, кто должен уехать, и ничего не случится. Она не услышит страшного крика, который застревает в горле, потому что кровь течет из смертельной раны. Теперь опасный час уже прошел. Ей нужно возвращаться в свою комнату. Она хотела встать, но почувствовала себя такой слабой, что зашаталась. Вдруг она испытала ощущение ожога на затылке, так явственно, что вскочила и обернулась. С верхней площадки лестницы, опершись о перила, Он созерцал ее. Он был совсем готов к отъезду: на голове треугольная шляпа, на плечах плащ; улыбаясь и приложив палец к губам в знак молчания, он смотрел, как, в бледном свете рождающегося дня, убегает со всех своих босых ног эта странная маленькая Психея, которая вместо светильника несла потухшую свечу, меж тем как в сердце ее горело жгучее и жуткое пламя ее тайны...

По причинам, несомненно, ему одному только ведомым и которых он не стал объяснять, г-н Филипп Куафар, с лицом человека себе на уме, насмешливо улыбаясь и вертя в руках шляпу, пришел сообщить г-ну барону де Вердло, что ночной его гость, уехав рано утром, обменял своего неподкованного и заморенного коня на лучшую лошадь, какая только была в эспиньольских конюшнях, и сделал все это с необычайной бесцеремонностью, очень красноречиво погрозив ему, Куафару, рукояткой пистолета. К этому признанию упомянутый Куафар присовокупил конверт, который кавалер поручил ему передать г-ну де Вердло. Г-н де Вердло, сорвав печать, вынул оттуда листок, на котором прочел очень четко написанные следующие слова:

Атаман Столикий благодарит г-на барона де Вердло за гостеприимство, так любезно оказанное им кавалеру де Бреж. Атаман никогда не забывает добрых поступков.

При чтении этой записки г-н де Вердло чуть не упал в обморок от ужаса. Как! Он только что давал приют под своей кровлей главарю разбойничьей шайки! Он спал рядом с комнатой, которую занимал этот страшный персонаж, и подвергался опасности быть зарезанным во время сна. Как! Этот красивый

офицер со спокойными и учтивыми манерами был не больше, чем страшным разбойником и отъявленным злодеем! Это переходит границы неожиданности, да и каким образом Анна-Клавдия не узнала в нем человека, устроившего нападение на карету? Ах, если бы Аркнэн был здесь, он живо разоблачил бы незнакомца! Впрочем, обитатели замка должны благодарить судьбу за то, что все обошлось так благополучно: ведь все могли быть перебиты, а вместо этого, отделались только какой то лошадью!

Волнение г-на де Вердло было необычайно, и лишь к вечеру он немного отошел. Что скажет г-н де ла Миньер об этих событиях, когда узнает о них? Г-н де Вердло, все не будучи в состоянии опомниться, испытывал некоторую гордость: ведь он собственными глазами видел опасного злодея и принял его за светского человека. Он непрестанно перечитывал записку, переданную ему разбойником, тем более, что благодаря своему содержанию она являлась как бы охранительной грамотой для будущего. Атаман пользовался репутацией человека, который держит свое слово, а разве он не свидетельствовал здесь о своей признательности за прием, оказанный ему в Эспиньолях? Эти рассуждения, во время которых Анна-Клавдия оставалась почти безмолвной, закончились только в момент от-

хода ко сну, но каково же было изумление м-ль де Фреваль, когда, придя в свою комнату, она нашла на туалетном столике тщательно запакованный сверток! Он содержал прекрасно отточенный кинжал в кожаных ножнах и бутылочку усыпляющей жидкости, при чем оба предмета были завернуты в лист бумаги, на котором достаточно явственно было изображено пронзенное сердце. Как попали сюда эти предметы? Их присутствие выдавало помощь услужливой руки, которая могла принадлежать только сыеру Куафару: поручение было вероятно навязано ему силой, если только он не был склонен к нему вескими доводами. И вперив глаза в эту странную посылку, Анна - Клавдия де Фреваль долго оставалась неподвижной, с горячими руками, пылающими щеками и замирающим в груди сердцем.

IV

В гулком и прозрачном воздухе прогремел шестолетный выстрел и взвилась тоненькая струйка дыма. Манекен, прикрепленный к шесту, слегка качнулся. Это была набитая волосом и закутанная в толстый плащ кукла, единственной ногой которой служил воткнутый в землю кол, а на другой конец кое как была напялена треугольная шляпа. Это пугало помещалось в конце эспиньольского сада на покрытой газоном покатой лужайке. Не успел затихнуть шум выстрела, как раздалось восклицание:

— Метко, сударыня! Досталось бы бездельнику!

И сьер Аркнэн подошел к мишени, исследовал ее, и ткнул пальцем в круглую дыру, пробитую пулей в сукне плаща. Аркнэн обернулся:

— Говорил же я барышне, что она станет отличным стрелком, если постарается целить правильно, как я ей сказал, и не очень вы-

тягивать руку. Пуля хорошо всажена, а теперь нужно будет целиться в сердце.

Г-н Аркнэн начертил мелом сердце на плаще. Сделав это, он выпрямил шест, поправил треуголку и возвратился к м-ль де Фреваль, которая продолжала стоять на аллее с разряженным пистолетом в руке.

Она была кокетливо одета в изящный мужской костюм, в котором казалась меньше, чем в дамском платье, но который резче подчеркивал силу и гибкость ее юного тела. В этом мужском наряде она выглядела очень грациозно и носила его не без гордости. На каблуках ее изящных сапожек поблескивали шпоры, а у ног был брошен на землю хлыстик. Перед упражнением в стрельбе, которым она занималась каждый день, м-ль де Фреваль брала у Аркнэна урок верховой езды, а сейчас пойдет фехтовать — тоже с ним. Вот уже в течение нескольких недель Аркнэн обучал м-ль де Фреваль стрельбе, верховой езде и обращению с холодным оружием. Очень гордясь своими новыми обязанностями, он вспоминал время своего пребывания в полку, где он был прекрасным наездником, прекрасным стрелком и прекрасным фехтовальщиком. То, что он отличался в уменье ездить верхом, стрелять и владеть шпагой еще более повышало его достоинства в глазах м-ль Гоготы Бишлон. Если треск выстрелов и звон

рашир очень пугали ее, то она не могла смотреть без гордости, как м-ль де Фреваль и Аркнэн бок о бок трусили рысью по эспиньольскому двору. Все же она плохо понимала странную причуду барышни стать наездницей и фехтовальщицей и забавляться стрельбой из пистолета по чучелу, которое, вечером, в сумерки, в своем плаще и надетой набекрень треуголке, делалось похожим на разбойника, так что при виде его мороз подирал по коже.

Вскоре после странного визита мнимого кавалера де Бреж м-ль де Фреваль заявила г-ну де Вердло о своем желании заняться различными упражнениями и теперь с жаром отдавалась им. Г-н де Вердло охотно дал свое согласие. Вид беспокойного гостя, которому удалось проникнуть в Эспиньоли, навел его на мудрые размышления. Эспиньоли были усадьбой довольно уединенной, а местность кругом была далеко ненадежная. Нередко можно было встретить коробейников, разносивших товары, продажа которых могла быть только предлогом для проникновения в дома. Г-н де Вердло, очень встревоженный только что описанным приключением, счел благоразумным, для ограждения себя от этих коробейников и бродяг, укрепить запоры на всех воротах и дверях и запастись изрядным количеством мушкетов и алебард, которыми он

вооружил своих людей, вплоть до казачков. Командование над этой ратью было поручено Аркнэну. Эти оборонительные мероприятия действовали, несомненно, на воображение м-ль де Фреваль, ибо в один прекрасный день она попросила у г-на де Вердло позволения обучаться верховой езде и обращению с пистолетом и рапирой, добавив, что эти упражнения будут полезны для нее, так как она должна пожаловаться на тяжесть в голове и на жар крови, а также на бессоницу. Утомление на свежем воздухе положит конец ее недомоганию.

Изъявив свое согласие на эту просьбу, г-н де Вердло все же сначала был несколько изумлен ею. Он с трудом представлял себе, чтобы молодая девушка, Анна-Клавдия в особенности, вскидывала на плечо мушкет или стреляла из пистолета. В книгах можно прочесть, будто этим непристойным для женщин делом занималось некогда мифологическое племя амазонок, но, по его мнению, эти дамы с изувеченной грудью менее всего могли служить хорошим примером, и он сожалел бы, если бы Анна-Клавдия была похожа на этих неприступных самок, тем более, что тело ее, казалось, все лучше и лучше формируется, а округлость груди начинает обозначаться под платьем в очень приятных контурах. Однако, г-н де Вердло немного

успокоился, когда вспомнил, что слышал когда то рассказ о том, как некоторые придворные дамы принимали самое ближайшее участие в смуте, происходившей во время малолетства покойного короля, вплоть до того, что даже сражались с оружием в руках, расцувтив панаш по ветру. Вовсе не желая подобной участи для Анны-Клавдии, он не мог, однако, находить ничего дурного в том, что она с удовольствием занимается полезными для здоровья упражнениями. К тому же, с самого начала Анна-Клавдия проявила необычайные способности к этим мужским забавам. Пуля ее пистолета редко давала промах, и Аркнэн дивился ее успехам в верховой езде и фехтовании.

Этот последний каприз Анны-Клавдии немного разволновал, впрочем, добрейшего г-на де Вердло, однако он покорился и разрешил закупить в Вернонсе необходимое снаряжение, вскоре после чего мог видеть, как Анна-Клавдия, с лицом, защищенным стальной решеткой, и грудью, покрытой подушкой, парирует удар рапиры бравого Аркнэна и оказывается необычайной искусницей по части всяких уловок и неожиданных выпадов. Г-н де Вердло довольно охотно присутствовал на этих уроках, которые он предпочитал пистолетной стрельбе. Они происходили в большом вестибюле замка. Каменный пол посыпался

опилками, и Анна-Клавдия, крепко сжав рукоятку рапиры и став в полуоборот, занимала позицию против мэтра Аркнэна. Она бешено нападала на него и парировала его удары с необыкновенной ловкостью. Аркнэн обнаруживал большую живость и не давал ей спуска. Их борьба в таких случаях была очень красивою. Иногда г-н де Вердло, увлеченный зрелищем, притоптывал ногой и размахивал тростью, подражая пародам. По окончании урока Анна-Клавдия снимала свою решетку и вытирала лоб, вся раздумявшаяся и с еще блестящими от возбуждения глазами.

Такие же большие способности м-ль де Фреваль обнаруживала к верховой езде, и, глядя, как она держалась на лошади, трудно было поверить, что она никогда не ездила верхом. С изумительной ловкостью приспособлялась она к движениям животного и угадывала его намерения. В очень короткое время она стала прекрасной наездницей, не боящейся ни ляганья, ни вольтов, ни резких поворотов, и удивительно крепко держалась на лошади, с настоящим мастерством умея пользоваться поводьями и шпорами. Восхищаясь ею, Аркнэн не спускал ей, однако, ни одной ошибки. Скоро перешли к скачкам с препятствиями, и тогда м-ль де Фреваль начала садиться верхом по мужски, — способ, который с тех пор она неизменно применяла, и против ко-

того бедный г-н де Вердло сначала стал было возражать, но затем примирился с необходимостью видеть, как Анна-Клавдия из амазонки превращается во всадника и с еще большим жаром отдается своим упражнениям. В конюшне она любила подходить к лошадям, ласкать их, разговаривать с ними и угощать какими нибудь лакомствами. Кроме выездных лошадей, закладывавшихся в карету, у г-на де Вердло были отличные верховые лошади. Завел он их во время посещения Эспиньолей мальчиками Морамберами, которым пожелал доставить развлечение в виде прогулок верхом. С тех пор этими верховыми лошадьми пользовался один только Аркнэн, который садился иногда на одну из них и гоголем въезжал в Вернонс. Они пришлись, следовательно, очень кстати для Анны-Клавдии, но она предпочитала им коня, оставленного в Эспиньолях кавалером де Бреж в обмен на ту лошадь, что так бесцеремонно была похищена им. Впрочем, вор не причинил убытка г-ну де Вердло, ибо оставил он прекрасного жеребца, рыжей масти, правда, очень капризного. Этого то жеребца и выбрала м-ль де Фреваль, когда была в состоянии покинуть манеж и прокатиться по полям в сопровождении Аркнэна.

Они совершали вдвоем длинные прогулки, то шагом, то рысью, перескакивая иногда

через какой нибудь плетень или свалившееся дерево. Местность, окружавшая Эспиньоли, была довольно разнообразна: большие леса пруды и болота, пустоши, возделанные поля. Кое где деревушки, притаившиеся в ложбинках. Зима там бывала холодная, а весна часто ранняя. Осенью воздух был свежий, весь напоенный благоуханиями; летом он был тяжелый и душливый. Область мало заселенная, бедная и лежащая в стороне от больших дорог. Вокруг Эспиньолей проходили только плохо содержимые проселки и еле заметные тропы, но ничто не останавливало м-ль де Фреваль. Ей чрезвычайно нравились эти верховые прогулки, и лишь наступление темноты способно было заставить ее возвратиться в Эспиньоли, особенно когда она ехала верхом на лошади атамана, что случалось чаще всего. Тогда она казалась одержимой настоящим демоном скорости и свободы, и такое же впечатление производил ее странный конь, упрямый и умный, то капризный как коза, то смирный как ягненок; порой его охватывал припадок внезапного бешенства, и тогда он скакал галопом, как угорелый. В этих случаях Аркнэну приходилось напрягать все усилия, чтобы не потерять из виду наездницу. Они следовали таким образом вдоль болота Пурсод, оставляя за собой перекресток Бифонтэн и доезжали

до роши Вокрез. Там дорога переходила в лесную тропинку, которая вела к месту, называемому Высокий Пригорок, откуда открывался довольно широкий вид в сторону Бурвуазэна, скрытого от глаз высокими холмами. Доскакав до этого Высокого Пригорка, конь м-ль де Фреваль начинал волноваться и ржать, дергать поводья, грызть удила, и кончал тем, что взвивался на дыбы и бешено мчался вперед. Когда с ним удавалось сладить, он упорно отказывался повернуть назад и, чтобы заставить его сделать это, приходилось вступать с ним в настоящую борьбу, от которой он делался пугливым в течение всего обратного пути в Эспиньоли.

За исключением этих развлечений стрельбой, фехтованьем и верховой ездой, жизнь Анны-Клавдии была самая монотонная и ровная, и г-н де Вердло находил в ней приятную компаньонку. Он благословлял теперь счастливый случай, пославший ему эту милую девушку, скрашивавшую его одиночество, и смеялся над страхами, внушенными ему ее появлением. В общем Шомюзю хорошо сделал, что умер, и еще лучше, что оставил этот плод своей любви. Г-н де Вердло не мог радоваться ее присутствием в Эспиньолях. В самом деле, он не был бы в состоянии сделать ей ни одного упрека. Конечно, престранная причуда разъезжать по проселочным

дорогам в мужском костюме, бок о бок со сьером Аркнэном, и возвращаться покрытой грязью и пылью! Не менее странно находить удовольствие в стрельбе из пистолета и скрещиванье рапир, но он не имел никаких оснований относиться отрицательно к этим забавам, в общем невинным и безобидным. К тому же, они приносили пользу Анне-Клавдии, ибо, занимаясь ими, она приобрела редкую для женщины силу тела, нисколько не утратив при этом грациозности. Красота ее лица тоже только выиграла от них, и г-н де Вердло с удовольствием констатировал это. Все эти качества очень понравятся ее будущему мужу, но г-н де Вердло не слишком любил останавливаться на этой мысли. Думать, что Анна-Клавдия покинет однажды Эспиньоли ради супружеских объятий, не доставляло ему большого удовольствия. Немножко успокаивало его то соображение, что незаконное и темное происхождение м-ль де Фреваль очень затруднит заключение брака. Да и одиночество, в котором жили в Эспиньолях, делало замужество Анны-Клавдии мало вероятным. Не видно было, чтобы и она сама желала его. Когда г-н де Вердло предлагал ей выезжать с этой целью в Вернонс, как советовал г-н де ла Миньер, то Анна-Клавдия не обнаруживала никакого рвения пойти навстречу его предложениям. Выезды

в свет мало прельщали ее, она довольствовалась Эспиньолями и не желала, повидимому, ничего лучшего, хотя иногда и погружалась в задумчивость, которая не ускользала от внимания г-на де Вердло.

Часто она предавалась ей в часы, когда г-н де Вердло приглашал ее составить партию в бирюльки. Игра эта очень забавляла г-на де Вердло. По большому столу рассыпали фигурки из слоновой кости, которые нужно было извлекать по одной из образованной ими кучки, так чтобы не задеть и не пошевелить при этом остающихся, несмотря на всю их переплетенность и спутанность. Долгая практика в игре выработала у г-на де Вердло некоторую сноровку, и он искусно вытаскивал палочки из кучи, где они в беспорядке перемешивались. Он совершал иногда таким образом чудеса ловкости, но Анна-Клавдия затмевала его, и это было тем более замечательно, что играла она крайне небрежно и с таким видом, точно думала совсем о другом. И вот, несмотря на то, что мысль ее витала где то далеко, рука Анны-Клавдии изумительно повиновалась демону ловкости. Занятно было смотреть, с какой безукоризненной точностью прикасается она к валким и легким кусочкам слоновой кости, которые никогда не теряли равновесия под ее пальцами, но всего занятнее

было то, что она добивалась своих успехов, будучи вовсе невнимательной и явно занятой чем-то другим. Эти успехи повергали в изумление добрейшего г-на де Вердло. Обладая точностью движений, граничившей с чудом, Анна-Клавдия могла бы проделывать самые замысловатые штуки, если бы вздумала применить свой талант к вытаскиванию чужих кошельков и часов. Она могла бы забираться в чужие карманы так ловко, что обладатели их ничего бы не заметили, и как нельзя более искусно срывала бы плащи с плеч прохожих. Иногда г-н де Вердло со смехом говорил ей об этом и дразнил ее, но в ответ она лишь улыбалась своими прекрасными молчаливыми устами, после чего снова погружалась в свои мечты.

Тогда прелестное лицо ее становилось как бы чуждым всему окружающему и далеким от него. Печать глубокой задумчивости ложилась на нем, и уже больше ничего оно не выражало. Казалось, что Анна-Клавдия ничего больше не видит и не слышит, вся занятая одной мыслью, властно влекущей ее к себе и погружающей в самые сокровенные тайники души. В такие минуты Анна-Клавдия казалась отсутствующей и всецело ушедшей в прошлое, а может быть раздумывающей о будущем. Она производила тогда такое впечатление, словно она ушла от окружаю-

щей обстановки и заблудилась в каком то мысленном путешествии. Иногда она возвращалась из этих блужданий словно разбитая какой то странной усталостью. Иногда выносила из них какое то странное возбуждение. Щеки ее покрывались румянцем, глаза блестя, уста дышали более жадно. Какой то огонь бросался ей в лицо, принимавшее страстное выражение отваги, желания, порыва, в которых участвовало все ее тело. Испытывая внезапную потребность в движении, она вскакивала, словно ее толкала какая то невидимая пружина. Руки ее судорожно сжимались, словно она готова была схватить и сжать в них какой то предмет, который охотно раздавила бы в своих пальцах. Она внушала тогда г-ну де Вердло темное и тревожное чувство, но оно длилось недолго. Анна-Клавдия скоро успокаивалась. Часто направлялась она к окну, словно желая посмотреть, не приехал ли кто то страстно жданный, и чье прибытие сильно запоздало, но взору ее открывался лишь пустынный сад со своими партерами и боскетами, в конце которого, на покатоj лужайке, высилось утвержденное на шесте чучело-мишень, в толстом плаще, изрешетенном пулями, и треуголке набекрень.

Приступы этой задумчивости, в которую погружалась м-ль де Фреваль, наблюдались не только в присутствии г-на де Вердло. Иногда,

по возвращении со своих прогулок верхом в обществе Аркнэна, она шла прямо в свою комнату, где запиралась на ключ, не открывая даже Гоготе Бишлон, приходившей помочь ей раздеться. Это бывало главным образом в дни, когда, поднявшись на Высокий Пригорок, Анне - Клавдии приходилось бороться с капризами своей лошади. В эти дни она выходила только поужинать и сразу же после ужина спрашивала у г-на де Вердло разрешения удалиться в свою комнату. Она наотрез отказывалась от услуг Гоготы, которая обижалась на нее за это, так как время перед сном казалось м-ль Гоготе самым подходящим для осведомления ее юной госпожи о положении, в каком находились ее амурсы со сыером Аркнэном. Дело не приняло еще желаемого ею оборота. Гоготе не удалось добиться от сыера Аркнэна истины по поводу результатов его поездки. Действительно ли жена его умерла или была еще жива? Аркнэн делал вид, будто ему не удалось узнать ничего достоверного, и Гогота гневно причитала, что все мужчины лжецы, что их единственное удовольствие — бесить женщин, и что они слишком высоко расценивают себя, считая, что без них не обойтись! Тут Маргарита Бишлон теряла всякую сдержанность и с крайней грубостью начинала распространяться об отношениях между полами,

так что, если бы даже Анна-Клавдия по приезде в Эспиньоли ничего не знала о способе, каким мужчины и женщины выказывают друг другу свое желание, то в настоящий момент она не могла больше оставаться в неведении на этот счет, благодаря речам м-ль Гоготы, которая действительно входила в мельчайшие подробности, восхваляя удовольствия, получаемые друг от друга мужчиной и женщиной, и гордо заявляя при этом, что она не сделала сьеру Аркнэну никаких поблажек и не сделает их иначе, как при условии честного и законного брака. Она слишком хорошо знала мужчин, чтобы доверяться им. Все они без достаточного уважения относятся к чести девушек, все соблазнитель, воры и разбойники.

В большинстве случаев Анна-Клавдия пропускала мимо ушей эти диатрибы, порой однако как будто прислушивалась к ним, когда Гогота причесывала ее на ночь или исполняла подле нее какие нибудь мелкие услуги. Иногда же она отпускала ее и раздевалась одна. Случалось, что она сбрасывала с себя при этом все одежды и оставалась совершенно голой. Тогда она подходила к зеркалу, ласкала свои плечи, взвешивала на ладони юные груди, ощущывая их нежность и упругость. Мгновение она созерцала себя в таком виде, затем всю ее внезапно

покрывал румянец, как если бы в ней загоралось тайное пламя, которое жгло ее сразу огнем и стыдом, меж тем как она чувствовала, что сердце ее разрывается, словно в него всадили кинжал, который, в запертом ящике туалетного столика, спал, в кожаных ножнах, чутким сном своего клинка, заостренного тоньше, нежели искусительное жало древнего змия.

V

Маркиза де Морамбер барону де Вердло.

Прошло уже много времени, дорогой братец, с тех пор, как я писала Вам, и я не думаю, чтобы г-н де Морамбер брался за перо с намерением побеседовать с Вами. Разве у него нашлось бы для этого время? Г-н де Морамбер самый занятый человек в Париже. В его распоряжении нет ни одной свободной минуты. Не думайте, однако, что его занятия заставляют его оставаться дома. Не воображайте его, прошу Вас, сидящим за столом или у камелька, в колпаке и халате, в обществе каминных щипцов или чернильницы, собирающим справки в какомнибудь объемистом томе или предающимся философическим размышлениям, облокотясь на ручку кресла и подперев голову рукою. Не воображайте его, умоляю Вас, поглощенным какимнибудь вопросом высокой политики или высокой экономики, делающим заметки или производящим подсчеты. Г-н де Морамбер больше уже не тот человек, каким Вы знали его. Вы не увидите его больше небрежно одетым. Нет красивых и изящных вещей, которые могли бы удовлетворить его. Портной неустанно шьет для него костюмы, которые он никогда не находит до-

статочно роскошными, как не находит достаточно красивыми парики, изготовляемые для него парикмахером. Сапожник никогда не обувает его впору и достаточно изящно. Г-н де Морамбер подходит к зеркалу, глядится в него, душится, наряжается. Закончив свой туалет, он требует карету и уезжает. И, как по Вашему, дорогой братец, куда уезжает г-н де Морамбер? Вы думаете, что он уезжает на ученое собрание финансистов или экономистов, на свидание с министром или генеральным контролером? Как бы не так!... Г-н де Морамбер рыщет по городу в поисках за наслаждением. Его доставляют ему зрелища, прогулки, игорные дома и бог знает, что еще! Нет общества, которое было бы для него слишком ветренным и слишком легкомысленным. Г-н маркиз де Морамбер фат. Г-н маркиз де Морамбер петиметр. Г-н де Морамбер игрок, гуляка и распутник. Душа покойного г-на де Шомюзи вселилась в него.

И отсюда вижу, Вердло, как вы считаете, будто я завираюсь и рассказываю Вам лихорадочный бред или нелепый сон. Вы думаете, что мозг мой чем то одурманен, и что меня следует поместить в дом умалишенных. Разуверьтесь. Я нахожусь в самом здоровом уме и владею всеми своими чувствами. Скажу Вам даже больше: я одна сохранила здравый ум среди людей, с которыми я живу. Всех окружающих меня следовало бы посадить за решетку. Все помешались; судите сами: я расскажу Вам все по порядку, начав несколько издалека.

Вы помните, каким человеком был г-н де Морамбер. Знали ли Вы когонибудь, кто был бы более серьезен и более рассудителен? Насколько несчастный Шомюзи, да и Вы сами, были всегда немного тронутыми, он — на один лад, вы — на другой, настолько г-н де Морамбер всегда отличался жесткостью и правильностью суждений. Вы знаете его вкус к знаниям и основательным рассуждениям, знаете также все достоинства его образа жизни и всю его серьезность. Вы знаете репутацию, которую создали ему его работы; прибавьте к этим качествам постоянство, которым отличался г-н де Морамбер в своих привязанностях. В течение двадцати лет нашего супружества он оставался неизменно верным мне, и я думала было, что он останется таковым навсегда, ибо он находится в возрасте, когда чувства притупляются и страсти становятся более разумными. Словом, г-н де Морамбер был не только образцовым супругом: он был на пути к тому, чтобы стать видным государственным деятелем. Приобретенная им репутация человека знающего и рассудительного должна была привести его к самым высоким постам. Все взоры были устремлены на него. Г-н де Морамбер был наверху величия, и как раз достигнутая им высота была причиной глубины его падения. Бедняга Морамбер, ты слишком возомнил о себе, и самые достоинства твои погубили тебя!

В самом деле, именно репутация г-на де Морамбера, как одного из самых сильных умов нашего времени, была причиной того, что на нем остано-

лось внимание владетельного герцога. Этот весьма просвещенный государь задумал провести в своих владениях некоторые реформы, но желал провести их лишь после зрелого их обсуждения. И вот, как Вам известно, он пригласил к себе г-на де Морамбера, чтобы посоветоваться с ним относительно их характера и их своевременности. Прибыв ко двору государя, г-н де Морамбер был осыпан почестями и окружен предупредительностью, настолько что его пребывание там затянулось, ибо владетельный герцог не мог больше обходиться без него. Подобная милость никогда не была видана. Шли бесконечные празднества, развлечения, ночные пиры, маскарады, и я все думала, что г-н де Морамбер присутствует на них лишь по обязанности, ибо находит там случай поговорить с государем и, среди окружающей придворной суеты, заводит с ним речь о вещах серьезных. Знайте же, дорогой братец, что я жестоко ошибалась! Вам не безызвестны коварные и пагубные прельщения тамошнего климата, где голова воспаляется от множества наслаждений, где женщины слишком красивы, где слишком много цветов и музыки, где кровь разгорается на всяческие удовольствия. Казалось бы, что г-н де Морамбер лучше всякого другого способен не поддаваться этим пагубным соблазнам. Ничуть не бывало, он, напротив, поддался им с поразительной легкостью. Его благоразумие растаяло как воск. Его видели пляшущим целые ночи напролет, надевающим на себя самые шутовские и самые непристойные маскарадные костюмы;

вплоть до появления полугодым, в образе Тритона, на морском празднестве, видели, как он принимает участие во всевозможных интригах и бросается на женщин с настоящим бешенством, тем более яростным и неистовым, что оно запоздалое и перед ним не открывается широкого будущего. Поветрие безумия помutilo ему мозги. Утратив добрые нравы, он утратил всякую сдержанность, как в поступках, так и в словах. Он был неиссякаем по части сквернословия и циничных выходок. Как я уже сказала Вам, душа Шомюзи переселилась в него, но эта распутная душа не остановилась на рассказанном мною и грозила причинить многие другие бедствия.

Хорошо бы, если бы дело ограничилось распутством одного только г-на де Морамбера, но его плачевный пример увлек его сыновей! Да, эти дети, которых я так заботливо ограждала от зла, познали его существование и приобрели в нем опыт. Подобно своему отцу, с такой страстью отдавшемуся разврату, и они удалились от правил поведения, которые я так трудолюбиво внушала им. Они приняли участие в отцовском распутстве. Милости владетельного герцога, дружески принявшего их, облегчили им множество неприличных выходок. Они выступали в балетах и принимали участие в комедиях. Все же во всей этой дурманящей обстановке они каким то чудом сохранили свою невинность, и в этом отношении они возвратились бы в Париж такими же, как они отсюда уехали, если бы их отцу не пришла в голову несчастная мысль посетить на обратном

пути Венецию. Г-на де Морамбера влекла в этот знаменитый город слава его куртизанок, и вот в объятиях одной из этих обольстительных сирен мои мальчики потеряли то, что Вы знаете. Прибавлю, что им пришлось обжечься на этом, но надеюсь, что они вылечатся.

Вот в таком то состоянии, дорогой мой Вердло, они были возвращены мне. Я с трудом узнала двух скромных юношей, увезенных отцом ко двору владетельного герцога, в двух скрытных и развязных бездельниках, которых г-н де Морамбер привез мне оттуда. Как отвратительно преобразила их эта несчастная поездка! Ни следа от того послушания и робости, которые я так терпеливо насаждала в них. Ни следа от той благопристойности и сдержанности в речах, за которые они слышали столько похвал от всех, кому приходилось разговаривать с ними. Злая фея прикоснулась к ним своей палочкой. Одни только бесстыжие взгляды, кабацкие хватки, наглые хихиканья, непристойные намеки на удовольствия, о которых они хранили грязные воспоминания и которыми гордились. Я не узнавала больше их языка, усваивенного итальянскими словечками и прибаутками, смысл которых ускользал от меня, но диничные намерения которых я отлично угадывала. Наглецами и развратниками, — вот кем сделал своих сыновей г-н де Морамбер. Прибавьте к этому смешной наряд, который они вывезли оттуда вместе с итальянскими модами, всю уродливость и всю нелепость которых мы так живо чувствуем здесь. Таково было,

дорогой братец, зрелище, которое открылось моим глазам, и Вы можете представить, с какия гневом и каким огорчением я созердала прискорбную картину.

Но Вы не сомневаетесь, конечно, что, мысленно исчисляя размеры бедствия, я в то же время придумывала способы, как от него избавиться. Вы достаточно знаете меня, и поэтому представляете себе, что я не могла примириться с ролью простой свидетельницы этого бесчинства. Характер у меня твердый и мужественный, и перспектива трудной задачи неспособна обескуражить меня. Я быстро сообразила, в чем заключается эта задача. Необходимо было незамедлительно прекратить это пустословие и положить конец этому безобразному поведению. Необходимо было вновь взять в крепкие руки вожжи и кратчайшим путем вывести на прямую дорогу этих сбившихся с толку парней. Зло проникло слишком глубоко для того, чтобы его можно было искоренить одними только выговорами и приказаниями. Мальчишки, привыкшие к самым преступным вольностям, неохотно внимают добрым советам. Нужны были радикальные средства, и я твердо решила пустить их в ход, чтобы восстановить в моем доме дисциплину и порядок. К счастью, бог не только наделил меня последовательным и твердым умом, но снабдил также мое тело сильными руками, и к ним то, я и прибегла, чтобы подать знак о начале безотлагательных, по моему мнению, реформ в области манер и поведения. Придя к такому решению я тотчас же приступила к делу.

Мне хотелось бы, дорогой мой Вердло, чтобы Вы присутствовали здесь в день, когда я начала практически применять мысленно выработанную мною методу, и когда по всему дому, от подвала до чердака, раздался звук двух первых полновесных пощечин, которыми я наградила моих маленьких франтов. Первым их благом было доставление мне бесконечного удовольствия и огромного облегчения. Удовольствие это усугублялось действием, произведенным этим звучным проявлением моей власти. Я никогда не видела ничего более забавного, чем гримасы, состроенные двумя нашими ветрогонами, когда, все время вызывая хихикая и щеголя итальянскими плюмажами, они вдруг почувствовали на своих щеках самые увесистые, какие только можно представить, оплеухи. Совершилось какое то чудо, при воспоминании о котором я и до сих пор еще хохочу. Вся спесь моих вертопрахов была сбита, и они сразу поняли, что времена щегольня своим удалством для них прошли. Какой был растерянный и сконфуженный вид у моих глупышей, когда они переглядывались, растирая щеки и опуская голову перед налетевшей грозой. Все карты их были спутаны и замешательство так велико, что на этот раз я оставила их в покое, удовлетворенная только что проделанным мною опытом. Я владела теперь верным средством и была убеждена, что отныне успешно справлюсь со своей задачей.

Я опускаю, дорогой братец, описание того, чем была эта неделя оплеух в этот сезон пощечин. Их

сыпалось несчетное количество, как в лучших фарсах итальянских комедьянтов или наших ярмарочных представлениях, и я достигла в этом деле удивительной ловкости. Могу сказать, что мое удовлетворение превзошло всякие ожидания. С каждым днем я все больше дивилась достигаемым мной результатам. Куда девались эти перемигиванья, эти неуместные шушуканья, эти независимые манеры, эти двусмысленные замечания, итальянские словечки, прибаутки. Понемногу возвращались скромность и послушание, порядок и благопристойность. Мальчики говорили тихо и мало. Покушав в строго определенные часы, они шли в свою комнату, где их ожидала какая нибудь полезная работа. Никаких товарищей, никаких развлечений. Чтение разумных или благочестивых книг. Время от времени прогулка в ботанический сад. Вставанье и отход ко сну в определенные часы. Словом, образ жизни, свойственный порядочным людям. Иногда по вечерам игра в бирюльки, которую Вы так любите и которой Вы научили этих пострелов во время пребывания их в Эспиньолях. Таков был счастливый результат моих усилий, которых я не ослабляю до тех пор, пока не буду уверена, что в мальчишках исчез всякий след от злосчастного разгула, в который вовлекло их преступное попустительство г-на де Морамбера.

Не думайте, однако, что я собираюсь доводить строгость до неуместной крайности. Вы хорошо знаете, что я вовсе не враг кое каких удовольствий, полезных для здоровья и хорошего самочувствия

молодых людей и даже взрослых мужчин. Мне не безызвестны требования природы, и я вовсе не хочу, чтобы мои сыновья жили как отшельники. Я отношусь с уважением к требованиям чувств, и г-н де Морамбер не мог бы пожаловаться на меня в этом отношении. Я была даже слишком снисходительна к распутному поведению несчастного Шомюзи. Есть темпераменты — и он принадлежал к их числу — столь горячие, что им следует прощать их беспорядочные поступки. В особенности не следует взваливать тяжесть их прегрешений на невинных лиц, свидетельствующих о том, что такие прегрешения были ими совершены. Разве не служит доказательством моих слов то, как я обошлась с дочкой Шомюзи, и то, что я сделала для нее? Я нисколько не раскаиваюсь в этом и вполне одобряю себя за то, что отослала Вам ее, так как от этого не произошло ничего дурного. И все же я почти жалею, что не оставила ее у себя. Она могла бы сослужить мне большую пользу, развлекая моих мальчиков, когда я немного ослаблю свои строгости по отношению к ним. Присутствие этой девочки забавляло бы их, и эти забавы остались бы без последствий. Маленькие любовные шашни между нею и ими не явились бы большим злом и помогли бы им подождать возраста, когда я их женю. Может быть она также удерживала бы дома Вашего почтенного брата. Г-н де Морамбер любит молоденьких.

А это значит, не правда ли, как я уже сообщала Вам выше, что он не отказался от своих итальян-

ских и герцогских ухваток. Г-н де Морамбер, повторяю Вам, не является больше таким, как Вы его знали — человеком с достоинством, степенным, у которого просвещенный князь спрашивает советов по вопросам политическим и финансовым. Разве Вы бы узнали его в этом петиметре, одетом изысканно, по самой последней моде, который вечно разъезжает по городу и повсюду там петушится, который питает теперь к своей супруге одно только почтительное презрение, которого видят всюду, где ему не следовало бы бывать, и который, наперекор возрасту, непристойно добивается благосклонности Венеры, ради которой он, повидимому, обращается за помощью к Эроту и даже к Эскулапу? Вдобавок, у него нет извинений какогонибудь Шомюзи, увлекаемого слишком горячей кровью. Г-н де Морамбер не был в свое время большим охотником до женского пола. Удивительно ли, поэтому, что он дошел до того, что прибегает к искусственным возбуждающим средствам. Излишества, впрочем, сыграют когданибудь с ним злую шутку, но если ему уж не миновать несчастья, то я предпочитала бы, чтобы оно приключилось под его собственной кровлей, а не в какойнибудь трущобе или в какомнибудь кабаке. Между тем миловидное личико, которое Вы знаете, было бы способно, может быть удержать его дома и помешать вечно где-то рыскать, пока его не привезут к нам, с пеной на губах и выпученными глазами, умирать от апоплектического удара, как умер здесь от ножевой раны несчастный Шомюзи. Но

все мои разумные доводы, обращенные к нему, были бы тщетны. Не рассудок руководит им.

Вот Вам, дорогой братец, новости, которые я хотела сообщить Вам. Мне хотелось познакомить Вас с событиями, происходящими в нашей семье. Я думаю, что Вы дадите им надлежащую оценку из глубины Ваших тихих Эспиньолей, где Вы, в конце концов, изображаете собой мудреца и философа, ибо Вы избавили себя от забот быть мужем или отцом и являетесь сейчас опекуном, как Вы пишете мне, причем все благоприятствует Вашей питомице, и мне остается только поздравить Вас с тем, что Вы так хорошо устроились с нею. Г-жа де Грамадек, которая не перестает интересоваться ею, сообщила мне, что получила от нее несколько прекрасно составленных писем. Я не удостоилась этого. Это маленькая неблагодарность, но она часто бывает свойственна молодости.

Впрочем, и Гогота Бишлон немногим лучше повела себя по отношению ко мне. Вместо того, чтобы возвратиться ко мне на службу, она предпочла остаться в Эспиньолях. Вольному воля. Правда, она из деревни, и, почуяв вновь запах навоза, она не могла уже больше оторваться от него. Кстати, о г-же де Грамадек. Представьте себе, что из Вандмона была похищена весьма крупная сумма денег. Воры проникли через часовню, где они тоже похитили несколько ценных предметов, да и повсюду оставили после себя грязный след. Такие дерзкие налеты не являются чем то необычным; на улицах

тоже небезопасно с наступлением ночи. Г-н лейтенант полиции видит в этом свидетельство растущей порчи нравов. Она была велика уже во время ночного убийства нашего несчастного Шомюзи. Надеюсь, что эта порча не проникнет в мой дом, и, как Вы видели, я приняла твердые меры закрыть ей доступ и загородить дорогу. Заканчиваю это письмо сложением к Вашим ногам свидетельств почтения, которые сыновья мои поручают мне передать Вам. Они находятся в настоящий момент подле меня и я занимаю их вязаньем. Исполняю их желание и остаюсь Вашей любящей сестрой,

маркиза де Морамбер.

VI

Зима протекла в Эспиньолях наименее беспокойным образом. Когда кончились ноябрьские дожди и туманы, погода стала ясной, и холод начал давать чувствовать себя. Он был довольно пронзительный, иногда даже жестокий. С ним боролись усиленной топкой каминов, ибо г-н де Вердло был зябок. Самый яркий огонь, самые горячие уголья никогда достаточно не согревали его, и он пододвигал, как только можно ближе, свое кресло к камину, чтобы ничего не потерять из удовольствия жарить свои ноги до такой степени, что кожа сходила с них. Помимо этого поджаривания, он надевал также на себя, в качестве защиты от сквозняков, пуховую шубу и меховую шапку. К ним он присоединял еще муфту, внутрь которой была всунута фаянсовая грелка для рук, имевшая форму закрытой книги и наполненная кипятком. Эта фаянсовая книга была не единственным чтением г-на де Вердло. Он любил сладко подремать за страницами какогонибудь тома.

Кроме того, он любил еще поиграть каминными щипцами, лопаточкой для золы и поддувалом. Такие занятия заполняли все зимние дни г-на де Вердло, и, отдаваясь им, он терпеливо ожидал возвращения более мягкого времени года.

Анна-Клавдия де Фреваль, казалось, тоже приспособилась к этому праздному зимнему времяпрепровождению. Не подходя к огню так близко, как г-н де Вердло, она была не прочь погреться на благоразумном расстоянии. Пламя камина скрашивало ее лицо, и ее маленькая ножка охотно тянулась из под платья к раскаленным головням. Часто она подражала г-ну де Вердло и брала в руки книгу. Она пользовалась ею не столько для развлечения, сколько для оправдания мечтательности, к которой она была так склонна. Она охотно погружалась в нее, и лишь какое-нибудь случайное обстоятельство заставляло ее очнуться: то падение обгоревшей головни, то треск поленьев, который достигает иногда силы ружейного выстрела и сопровождается снопом искр, то шаги садовника или лай собаки на дворе, гулко отдававшиеся в морозном воздухе, то появление м-ль Гоготы или г-на Аркнэна, приходивших за распоряжениями. Кроме этих двоих, другие слуги замка почти не показывались. Г-н Куафар возился в саду или испытующе поглядывал на небо,

чтобы угадать, какая ожидается погода. Со времени возвращения Аркнэна из поездки в Шазардри и странного визита, который имел место в его отсутствие, г-н Куафар снова отошел на задний план и занимался только исполнением своих обязанностей садовника. Г-н Куафар вероятно страдал от своей опалы и от сознания того, что он в немилости, ибо украдкой бросал злобные взгляды на барского фаворита Аркнэна. Он прекратил свои ухаживания за м-ль Бишлон и ограничивался в своем обращении с ней холодной и презрительной вежливостью с уверенным видом человека, который ждет своего часа и не сомневается, что он наступит.

Если в буфетной говорили еще о странном приключении с украденной лошадью и о воре, то г-н де Вердю, казалось, почти не вспоминал о нем. Когда же ему случалось думать о происшествии, то оно представлялось ему каким то далеким кошмаром, и он предпочитал забыть его. Разве не привел он Эспиньоли в такое состояние, что они способны защищаться от всякой неожиданности? Да и чего было бояться? Пресловутый атаман и его шайка не появлялись больше с тех пор, как военные отряды объезжали окрестности, чтобы обеспечить безопасность дорог. Так что в Эспиньолях жили очень спокойно. Увлечение фехтованьем и стрельбой, с такой

сплош охватившее м-ль де Фреваль, улеглось. Лишь изредка схватывалась она с Аркнэном, чтобы не утратить приобретенных навыков, да всаживала порой несколько метких пуль в чучело, стоявшее на полянке. За исключением этих довольно редких тревог, манекен в плаще проводил счастливые дни, причем его треуголка служила стоком для дождя, если таковой шел, или вращалась на шесте по воле ветра, если дул ветер. В январе были довольно сильные метели, сопровождавшиеся обильным снегопадом, который обратил манекен в какого то елочного деда, засыпанного снегом и обледеневшего.

Этот снегопад погрузил все в такую глубокую тишину, что слышен был полет птиц в небе. Эспиньоли, казалось, разделяли оцепенение окрестных мест. Ничьи шаги не раздавались больше на дворе, и так как малейший шум очень усиливался в воздухе, то каждый старался производить его как можно меньше. Аркнэн ходил на цыпочках; Гогота чуть касалась земли своими войлочными подошвами. Все кругом казалось мертвым, и не верилось, что земля когда нибудь сбросит с себя этот саван. Было такое впечатление, что она закуталась в него навсегда, и что никогда уже нельзя будет увидеть того, что было скрыто под этой белизной. Это чувство бесконечного однообразия и остановки всей

жизни было так сильно, что однажды, смотря в окно на снежную ширь сада, Анна-Клавдия почувствовала, что все лицо ее залито слезами. Но все проходит, и через неделю погода изменилась, небо прояснилось, и засияло солнце. Снег растаял, и после этой интермедии зима продолжала идти своим чередом. Когда прошли январь и февраль, в марте так явственно стали ощущаться признаки, возвещающие приближение весны, что Аркнэн предложил м-ль де Фреваль вывести лошадей и прогалолировать немного по полям.

Уже два месяца Аркнэн принужден был отказываться от сопутствования м-ль де Фреваль по причине боли в пояснице, не позволявшей ему держаться в седле. Между тем г-н де Вердло не хотел, чтобы Анна-Клавдия отваживалась выезжать за ворота замка без Аркнэна. Правда, Куафар предлагал заместить его, но Анне-Клавдии, казалось, не очень нравилась такая свита. К тому же, Гогога заявила, что Аркнэн заболест, если Куафар узурпирует обязанность ему не принадлежащую. Куафар хорош для возвращивания салата и поливки брюквы, а не для того, чтобы гарцовать рядом с барышней. Узнав об этом соперничестве, Анна-Клавдия отказалась от своих прогулок, в которых однако чувствовала потребность, так что с удовольствием приняла предложение Аркнэна возобновить их.

День был пасмурный и мягкий, лишь изредка налетали порывы резкого ветра, и спокойствие воздуха на несколько мгновений нарушалось ими. Земля не была больше мерзлой и гулкой, но сохраняла еще какую-то инертность и оцепенелость. Копыта лошадей отпечатывались на ней, но не погружались в нее. Животные, долгое время стоявшие на конюшне, обнаруживали нетерпение. Миновали пруд. В его спокойной воде отражался «старый флигель» эспиньольского замка, но скоро пропала из виду широкая угловая башня и высокая кровля замка. Перед всадниками открывалась дорога, проходившая среди коричневых полей между двумя рядами еще голой живой изгороди. Поехали галопом, м-ль де Фреваль впереди, за нею бравый Аркнэн, которого еще мучила поясница. Так они миновали болото Пурсод и у Бифонтэна въехали в лес. Тропинка продолжалась там, но скоро стала очень трудной и узкой, так как с обеих сторон ее тесно обступали деревья. Мох бархатил кору стволов. Запах земли смешивался с запахом опавших листьев. На кустике негромко пела птичка и упорхнула с мягким шумом крыльев. Аркнэн стал насвистывать.

Он с удовольствием смотрел на м-ль де Фреваль. Его ученица делала ему честь. Посреди тропинки торчал странной формы кряжистый

пень. Лошадь Анны-Клавдии шарахнулась в сторону. Она обуздала ее. Так достигли они Большого Пригорка. Въехав на него, Аркнэн слез с лошади, чтобы подтянуть подпругу у седла Анны-Клавдии. Застегивая пряжку, Аркнэн смотрел на молодую девушку. С того дня, как карета привезла ее в Эспиньоли, жизнь на открытом воздухе и упражнения, которыми занималась она, совсем преобразили ее. Нисколько не утратив грациозности, она сделалась сильной. Она была теперь очень красивой, здоровой и крепкой, с выражением какой то отваги и решительности на лице, но в иные дни это выражение сменялось печалью и непонятным недовольством, ибо никто в Эспиньолях и не помышлял прекословить ей. Г-н де Вердло предоставлял ей полнейшую свободу и не отказывал ей ни в одном из ее желаний, ни в нарядах, ни в безделушках. Несмотря на это баловство, Аркнэн часто замечал, что молоденькая барышня часто приходила в состояние какого то странного возбуждения. В такие дни она не могла усидеть на месте и бродила по замку, как неприкаянная, витая мыслью где то так далеко, что не замечала никого, даже сталкиваясь носом к носу с кем нибудь из обитателей замка. В течение прошедшей зимы барышня не раз обнаруживала такое волнение и беспокойство.

Аркнэн объяснял это отсутствием прогулок верхом, которые она так любила, а также волнениями плоти, которые беспокоят девушек, даже принадлежащих к самым лучшим семьям. Но все это, слава богу, его не касается! Его, Аркнэна, роль сводилась в данный момент к тому, чтобы быть берейтором и телохранителем миловидной барышни и хорошенько затягивать подпругу ее седла. Проведя это последнее, наш Аркнэн вытащил из кармана трубку и попросил у м-ль де Фреваль разрешения дать небольшой отдых своей еще больной пояснице. Анна-Клавдия с улыбкой дала свое согласие и сама села подле Аркнэна на стволе поваленного дерева. Во время таких привалов Аркнэн очень любил поговорить с м-ль де Фреваль на занимавшие его темы. На этот раз дым его трубки ему несомненно напомнил дымки, вылетевшие из дула его пистолетов во время нападения на карету, потому что он завел речь о встрече с разбойниками.

Послушать его, так выходило, что больше всего он сожалеет о том, что был сброшен с седла в самом начале схватки и не мог разглядеть лица знаменитого атамана, о подвигах которого ходило столько рассказов. Будучи сам честнейшим человеком в мире и неспособный ни на какое воровство, г-н Аркнэн был полон снисходительности и даже восхи-

щения к тем, кто присваивают себе чужое имущество вооруженной рукою, с помощью в некотором роде военных приемов. Аркнэн питал к джентльменам с большой дороги уважение, которое он не в силах был побороть в себе. Зато он испытывал глубокое презрение к мелким ворюшкам и карманникам, которые действуют как настоящие мошенники, путем хитрости и проворства рук, которые очищают карманы прохожих, обманно проникают в дома, чтобы похитить оттуда драгоценности и деньги, и тащат все, что попадает им под руку. Эти лоскутники вызывали крайнее отвращение у Аркнэна, но он не мог отказать в уважении, и даже больше, чем уважении, людям, которые, на большой дороге или в лесу, приставляют пистолет к виску путешественника, и, учинив свое дело, вступают в перестрелку с жандармерией, образуют отряды и открыто сражаются, ведя своего рода партизанскую войну. Они ведут себя так, как наши солдаты вели бы себя во вражеской стране. Они изобретательны на всякие хитрости и затеи и умеют при случае не щадить своей жизни. Они применяют по отношению к публике, у которой они вымогают деньги, вольности может быть достойные порицания, но не содержащие в себе ничего низкого. Это не простые грабители, но люди более высокой породы, вовсе не плуты и не

мошенники, от которых их отделяет и над которыми возвышает их звание Разбойников.

Их предводители часто являются настоящими сказочными героями, каковым был, например, тот, что руководил нападением на карету, — Аркнэн очень печалился, что проворонил его визит в Эспиньоли, куда тот явился под именем кавалера де Бреж. Не раз расспрашивал он г-на де Вердло об этом посещении, по поводу которого м-ль де Фреваль всегда хранила молчание, так же как и сегодня она ничего не ответила на вновь рассказанную Аркнэном историю с каретой.

Между тем Аркнэн докурил свою трубку и вытряхивал из нее пепел на ствол поваленного дерева. Он мысленно видел уже это дерево поставленным прямо и очень подходящим служить виселицей для знаменитого атамана, о котором он только что вел речь, если когданибудь удастся захватить его в плен. Но Аркнэн не успел высказать эту мысль, так как м-ль де Фреваль встала и смотрела на открывавшуюся перед ними с высоты Пригорка широкую панораму, Аркнэн показал на ней пальцем далекую точку:

— Вы видите, сударыня, вот то большое дерево. Так вот, когда подойти к нему, то можно различить колоколью Бурвуазэна, куда мне нужно будет какнибудь съездить вновь. Кум мой Морэн обещал окончательно успо-

коить мою совесть насчет моей проклятой жены. Пусть бог примет ее душу, а земля тело, ибо м-ль Гогота сгорает от нетерпения и пристаёт ко мне, бедняга! Мадемуазель знает почему...

И сьер Аркнэн, почесав себе затылок, прибавил:

— В конце концов, он добьется таки правды, мой куманек Морэн. Это тертый калач, и он знает все, что делается кругом гораздо лучше, чем эта старая сорока г-н де ла Миньер, который всюду сует свой длинный нос. О, мой Морэн рассказал мне презанятные вещи относительно этого г-на де Шаландр, которому принадлежит большой замок От-Мот, но я не болтун и говорю только, когда меня спрашивают! Повидимому, этому г-ну де Шаландру известно много такого, что могло бы представить интерес для королевских драгун...

Аркнэн искоса поглядывал на м-ль де Фреваль. Та погрузилась в привычную для нее задумчивость и, казалось, совсем позабыла о присутствии Аркнена, но вдруг очнулась и вскочила на лошадь. День начинал клониться к вечеру. М-ль де Фреваль и Аркнэн медленно спустились с Пригорка, затем, когда стала позволять дорога, прищипорили лошадей и возвратились в Эпиньоли кратчайшим путем. Перед замком они встретились с г-ном Куафаром. Он держал в руке большой тюк

контрабандного табака, только что купленный им у коробейника. Не проходило недели, чтобы ктонибудь из этих господ не появлялся в замке. Г-н Куафар всегда покупал у них чтонибудь, угощал их кружкой вина и долго о чем то тихо переговаривался с ними.

Вышло так, что м-ль де Фреваль не осталась долго в неведении относительно этого г-на де Шаландр, о котором Аркнэн сделал загадочное сообщение на Высоком Пригорке: вести о нем привез г-н де ла Миньер. После своего визита г-н де ла Миньер, которого Аркнэн так непочтительно называл «сорокой», не появлялся больше в Эспиньолях, ибо зима держала его взаперти в своем гнезде, где он жил, зарывшись в перьях и в пухе и перебирая клювом скудные вести, которые доходили к нему в заточение. Г-н де ла Миньер был в большой досаде, что он вынужден сидеть таким образом взаперти и не может ходить из дома в дом, собирая свой обычный корм из сообщений, слухов и мелких фактов, которым он питал свое любопытство. Зимой г-н де ла Миньер, посаженный на голодную диету, должен был довольствоваться тем, что приносили ему добрые души. Он принимал посетителей в своей комнате, так жарко нагретой, что только он один мог выносить ее тропическую температуру; все двери и окна в ней были обиты войлоком, а сам

он со всех сторон был обставлен ширмами. Г-н де ла Миньер разделял вместе с г-ном де Вердло любовь к ярко пылающему камину, у горячего огня которого оба они жарились. Эти предосторожности мало охраняли его от острых болей, которыми он страдал. В одиночестве накаленной комнаты г-н де ла Миньер наблюдал, как на ногах у него то растет, то убывает опухоль, мазал ее бальзамами и мазями, и с нетерпением ожидал момента, когда ему снова можно будет приняться за сбор новостей. Это случалось с первым весенним теплом, освобождавшим его от самых жестоких его страданий и позволявшим возобновить свои разведки. Тогда можно было видеть, как г-н де ла Миньер выходит из своей скорлупы, задирает нос, вбирает в себя воздух и чувствует в нем притягательный запах ближнего.

Несколько раз в течение мертвого сезона, в часы, когда он не был всецело поглощен пластырями и припарками, г-н де ла Миньер принимался размышлять о своем посещении Эспиньолей. М-ль де Фреваль произвела на него очень сильное впечатление. Он находил эту девушку весьма соблазнительной, и мысленно рассматривал ее так, как может смотреть на девушек только человек, который относится без большого уважения к их добродетели, особенно когда они появились неизвестно откуда. М-ль де Фреваль, по его

мнению, должна была причинять много хлопот этому простаку г-ну де Вердло. Это предположение очень забавляло раньше г-на де ла Миньер, но затем, по возвращении из Эспиньолей, в долгие дни одиночества в комнате заставленной ширмами, когда Вернонс погружался в зимнее оцепенение, мысли его мало по малу стали принимать другой оборот. В конце концов, этому болвану Вердло не приходилось так уже жаловаться на присутствие в своем доме красивой девушки, сидящей за его столом или у его камина и живущей под его крышей. Наступает момент, когда зрелище юности действует живительно, и мало по малу в мозгу г-на де ла Миньер стал зарождаться один заманчивый план. Раз м-ль де Фреваль удовлетворялась жизнью в Эспиньолях, куда не заглядывала ни одна живая душа, где все были отрезаны от мира, и где царила беспросветная скука, то почему бы ей не согласиться променять общество г-на де Вердло на другое общество, которое доставит ей больше развлечения и больше удовольствия? И разве г-н де ла Миньер неспособен предложить ей такого общества, которое было бесконечно предпочтительнее всякого другого, ибо состояло ничуть не меньше, чем из его собственной персоны?

Конечно, как не велико было сомнение г-на де ла Миньер, он не был настолько

глуп, чтобы вообразить, будто м-ль де Фреваль примчится в один прекрасный день из Эспиньолей и постучится в его дверь, обезумевшая от любви и готовая упасть в его объятия; но разве нельзя было при помощи умных и искусных маневров сделать для нее пребывание в Вернонсе более привлекательным, чем пребывание в Эспиньолях? Брак, например, очень заманчив в глазах молодых девушек, ибо он повышает их общественное положение и открывает перед ними широкие пути. А стать женою какогонибудь Ла Миньер не такой уж плохой удел для сироты, у которой нет за душой ни копейки! Над предложением стоит призадуматься, даже незрелой девчонке, а м-ль де Фреваль не производит впечатления особы нерассудительной. Она сумеет оценить честь и выгоду подобного предложения. При этой мысли г-н де ла Миньер приосанивался. Конечно, он не был юнцом, но он чувствовал себя еще способным быть достаточно деятельным мужем, тем более, что эта малютка вызывала у него большое влечение к себе. Все же не этим г-н де ла Миньер мечтал склонить ее к согласию, но преимущественно новым образом жизни, который он мог предложить ей и, благодаря своему богатству, в достаточной степени обеспечить. Вместо того, чтобы жить в деревенской усадьбе, затерявшейся среди полей, лесов и прудов,

лишенной всяких удовольствий, до которых так надки девушки ее возраста, она поселится в прекрасном городском доме со всеми удобствами, будет окружена приятным обществом, в котором, благодаря своей молодости и красоте, да еще изысканным нарядам, она составит очень заметную фигуру и займет почетное место. Она будет настоящей королевой Вернонса, где повергнет к своим ногам всех мужчин и заставит лопнуть от досады и ревности женщин.

Размышляя о ревности, г-н де ла Миньер не забывал также, что и ему самому может быть придется испытать это чувство, но он сумеет устроиться в этом отношении. Слух у него чуткий, а зрение острое: ему не раз случалось убеждаться в этом. Поэтому он пустит в ход свои лучшие способности, чтобы удержать свою жену на добром пути. Почему бы ей, впрочем, не остаться на этом пути добровольно? Такого счастья стоило попытаться, и г-н де ла Миньер не отступит перед сопряженным с попыткой риском. Разве малая награда за потраченный труд и кое какие беспокойства делить в его возрасте ложе с красивой девушкой и сознавать, что кончилось зимнее одиночество у камина под стук дождя и скрипенье флюгеров? В обществе жены все пойдет по другому. Конечно, от ее присутствия ноги у него не перестанут пухнуть,

и суставы не сделаются более гибкими, но в комнате будет находиться человек, с которым можно будет поговорить о своих недугах, и, кроме того, в лице м-ль де Фреваль он найдет слушательницу записанных им историек, которая может быть даже будет помогать ему собирать их, ибо хотя женщины и неспособны хранить собственные тайны и тайны им доверяемые, они по самой природе своей подходят для выведывания чужих тайн. Словом, г-н де ла Миньер решил сделать попытку сочетаться законным браком, и с этой целью бросил свои взоры на Анну-Клавдию де Фреваль.

Вот эти то планы, над которыми он так много размышлял, побудили г-на де ла Миньер с первыми признаками весны отправиться в Эспиньоли. У него не было намерения сразу выложить на чистоту занимавшие его мысли; он предполагал лишь подготовить почву и издали намекнуть на них. На всякий случай, однако, он велел освидетельствовать свой костюм и освежить парик. Он велел также заново окрасить свою карету. Ему оставалось только подождать погожего дня, чтобы тронуться в путь. Такой день вскоре наступил, и г-н де ла Миньер торжественно подкатил в своей заново окрашенной карете к воротам эспиньольского замка.

Г-н де ла Миньер остался однако сильно раздосадованным, когда узнал от г-на де Вердло, что м-ль де Фреваль нет сейчас в замке. Она поехала кататься верхом с Аркнэном, но наверное скоро возвратится. Это заверение, вполне удовлетворившее г-на де ла Миньер, не прогнало однако его дурного настроения. Неприлично молодой девушке разъезжать верхом в обществе какого то Аркнэна. Она может встретиться бог знает с кем. Как это живут в Эспиньолях, ничего не зная о происходящем кругом. Г-н де ла Миньер собирался сделать г-ну де Вердло подробное сообщение об этом и поджидал лишь возвращения м-ль де Фреваль, чтобы и она с пользой для себя выслушала его. У г-на де ла Миньер были на этот раз важные известия, полученные им, несколько дней тому назад, непосредственно из уст г-на де Шазо, стоявшего в Вернонсе с сильным отрядом драгун, и уже в силу этого обстоятельства хорошо осведомленного во множестве вещей.

Но м-ль де Фреваль не показывалась, и г-н де ла Миньер начинал терять терпение. Он приехал в Эспиньоли не для того, чтобы вести беседу с одним только г-ном де Вердло. Где могла пропадать так долго эта маленькая наездница? Если она удостоится когда нибудь чести быть его женой, то он сумеет ввести в должные рамки эти наезднические замашки

и неприличные поездки. Что за странная мысль рыскать по полям в то время, как Ла Миньер ожидает в замке! Виданное ли это дело? А от этого болвана Вердло никакого толку. И г-н де ла Миньер лишь одним ухом слушал сетования г-на де Вердло, жаловавшегося на получение нового письма от своей невестки Морамбер. Маркиз все повесничал и проказил. Он водил теперь знакомство только с шалопаями и распутниками. Повествуя г-ну де ла Миньер о непристойном поведении брата, г-н де ла Вердло не совершал нескромности, — просто у него был скудный запас новостей, и если он знал что нибудь, то всегда готов был поделиться своими сведениями, не задумываясь о том, удобно ли или неудобно распространять их. Таким образом, будучи мало знакомым с г-ном де ла Миньер, он посвящал его в такие подробности своих семейных дел, которые ему лучше было бы хранить про себя, ибо г-н де ла Миньер не преминет воспользоваться этими признаниями и развонит их всем и каждому. Покамест он ограничивался тем, что рассеянно укладывал их в дальний уголок своей памяти, откуда при случае он извлечет их, но предпочел бы, чтобы предметом разговора г-на де Вердло была м-ль де Фреваль и чтобы он рассеял тьму, окутывавшую происхождение молодой девушки. Г-н де ла

Миньер собирался уже завести речь об этом, как вдруг на дворе раздался стук копыт, и через мгновение в комнате появилась м-ль де Фреваль.

На ней был верховой костюм — костюм молодого человека или пажа. Он состоял из серого камзола с красными обшлагами, жилета с металлическими пуговицами и панталон, заправленных в ботфорты. Ее ненапудренные волосы были подобраны под маленькую треуголку с золотым галуном. В этом наряде у Анны-Клавдии было высокомерное и надменное выражение лица, вся она дышала силой и отвагой. Увидя ее, г-н де ла Миньер сделал гримасу и пришел в некоторое замешательство. Если в душе своей старый селадон был взволнован красотой и грацией молодой девушки, то он чувствовал себя смущенным перед этой особой, правда, радующей взор, но несколько не похожей на тех невинных девиц, что краснеют при первом слове и неспособны проявить своей воли и своих симпатий, — не похожей на блеющую овечку, которая рада совсем не покидать овчарни, и у которой только и есть забота, что заглядывать в глаза пастуху, согласуя свое поведение с его желаниями. Г-н де ла Миньер плохо представлял ее себе в роли хозяйки его городского дома в Вернонсе, приносящей ему настойку и опра-

вляющей стеганное одеяло. Так же трудно было представить ее водящей компанию с местными кривляками и жеманницами. Г-н де ла Миньер не сомневался только в скандале, который произведет в тамошнем обществе появление этой наездницы в высоких сапогах со шпорами, с дерзким взглядом и решительной походкой.

Однако, как ни был раздосадован г-н де ла Миньер препятствиями на пути к осуществлению его брачных планов, он не считал возможным обойтись без нескольких комплиментов по адресу м-ль де Фреваль. Она выслушала их с совершеннейшим равнодушием. Возбуждение, разлитое по лицу ее, когда она входила в комнату, — несомненно, результат быстрой езды и свежего воздуха — вдруг угасло и уступило место выражению меланхолическому и мечтательному. Печаль ее несколько оживила надежды г-на де ла Миньер. Все таки м-ль де Фреваль, наверное погибала от скуки в этих Эспиньолях, где жизнь была на редкость бесцветна и однообразна. И вот, отложив осуществление своих планов до более благоприятного времени, г-н де ла Миньер рассудил, что лучше предоставить это юное существо действию скуки: она станет от этого более кроткой, тем более, что у него было припасено средство еще усилить эту скуку, положив конец прогулкам верхом по окрест-

ностям. Средство это заключалось в предупреждении г-на де Вердло, что прогулки могут стать очень опасными и причинить большие неприятности, притом несколько не воображаемые, так как, согласно сообщению г-на де Шазо, шайка атамана Столикого вновь появилась в окрестностях и не далее, чем несколько дней тому назад, остановила почтовую карету, ограбила пассажиров, убила ямщика и двух лошадей. Но г-н де Шазо доверил г-ну де ла Миньер еще кое какие сведения, настолько любопытные, что последний не может не поделиться ими с г-ном де Вердло.

Они касаются того самого г-на де Шаландр, чей замок От-Мот расположен между Бурвуазэном и Сен-Рара. Г-н Шаландр унаследовал его от своего двоюродного брата, графа де Грамадек, который никогда не жил в нем, так как владел еще другими, более значительными поместьями. Г-н де Шаландр вступил во владение замком От-Мот лишь после долгих споров с другими наследниками Грамадека, и окончательное соглашение, уступившее ему замок, состоялось пять или шесть лет тому назад. С тех пор г-н де Шаландр лишь изредка появлялся там, приезжая и уезжая совершенно неожиданно. Он жил преимущественно в Париже, где вел жизнь рассеянную, понтируя за карточным столом

и часто будучи счастливым в игре. Однако, удача в картах вещь неверная, и возникает вопрос, откуда г-н де Шаландр черпал средства для оплаты своих проигрышей. Кошелек у игроков дырявый, и экую недолго задерживаются в нем. Из кошелька г-на де Шаландр должно было сыпаться их особенно много, ибо он был не только игроком но и большим гулякой. Известно было, что он ведет весьма грязные и темные знакомства, и за ним подозревались делишки, с характером которых очень охотно познакомился бы г-н лейтенант полиции. Среди этих делишек было одно, о котором не отваживались говорить слишком громко, а только передавали друг другу на ушко. При этом давали понять, что о нем можно было бы узнать, пожалуй, побольше, если бы захватить г-на Шаландр в замке От-Мот, куда он совершал иногда таинственные наезды. Пожалуй, его можно было бы застать там в обществе одной загадочной личности, с которой он показывался иногда в игорном доме или в театре, и подлинное существо которой определить было не легко, — личности, по поводу которой сведения расходились, и которая по временам исчезала, так что никто не знал, что с нею делалось.

Благодаря этим любопытным сведениям, г-н Шаландр, около месяца тому назад, когда

стало известно, что он находится в От-Мот, куда прибыл внезапно, услышал как то ночью, во время крепкого сна, громкий стук в ворота. Г-н де Шаландр в эти случайные наезды не привозит с собою большого количества слуг; поэтому он накинул на себя халат, взял свечку и решил пойти посмотреть самолично, кто там так стучится, но перед тем, как спуститься с лестницы, заглянул в окно и увидел отряд всадников, лошади которых храпели в темноте, впрочем, не настолько непроницаемой, чтобы в ней нельзя было различить драгунскую форму. Действительно, г-н де Шазо получил приказание тщательно обследовать От-Мот и удостовериться, что там не существует ни тайников, ни подземелий, ни люков, маскирующих какое нибудь помещение, могущее служить убежищем или притоном. Г-н де Шаландр не мог не знать, что в области часто появляется шайка знаменитого атамана Столикого, что здесь повидимому, находится ее штаб-квартира, что она собирается в окрестностях От-Мот для подготовки своих нападений, и что в этих местах она делит по возвращении свою добычу. Разумеется, ни у кого и в мыслях не было предполагать, будто г-н де Шаландр оказывает помощь разбойникам, но разве не могли они, в его отсутствие, создать притон в его владениях и складывать там награбленное ими?

Вот почему г-н герцог де Вальруа, губернатор провинции, отдал распоряжение обыскать замок сверху до низу, вплоть до самых укромных его уголков. Выслушав это заявление, г-н де Шаландр очень почтительно ответил, что он у ног г-на герцога де Вальруа, и что ключи от От-Мот в полном распоряжении г-на де Шазо.

К этому рассказу г-н де ла Миньер добавил, что г-н де Шазо не обнаружил в От-Мот ничего подозрительного. Замок, наполовину обратившийся в развалины во время религиозных войн, находился в довольно плачевном состоянии и представлял собой ряд зал, в большей или меньшей степени готических, за исключением довольно красивого флигеля более поздней постройки, состоявшего из двух салонов с золочеными панелями и четырех обитых шелком и прекрасно меблированных комнат. В этом то флигеле помещался г-н де Шаландр; там не было найдено ни бумаг, ни вообще ничего, кроме ассортимента довольно красивых платьев развешанных в большой зеркальной туалетной комнате; по словам г-на де Шаландр он привез их из Парижа, чтобы разгрузить шкафы, в которых они хранились. В общем же, в От-Мот не оказалось ни люков, ни тайников, а только большое количество летучих мышей, да в подвале несколько бочек доб-

рого вина, которым г-н де Шаландр попотчевал господ драгун.

Несмотря на безрезультатность этого обыска все остались убеждены в существовании близких отношений между г-ном де Шаландр и атаманом Столиким и в том, что деньги для карточной игры г-на де Шаландр как-то связаны с деньгами, похищаемыми главарем разбойников у проезжих на большой дороге или вымогаемыми им у зажиточных горожан и достигающими значительных сумм. Это убеждение еще более подкреплялось тем обстоятельством, что после посещения драгунами От-Мот г-н де Шаландр, по слухам, бежал в Голландию, но эта измена не мешала атаману Столикому продолжать свои подвиги, в которых он, словно одержимый отчаянием, выказывал больше отваги, чем когда либо, так что юным наездникам — заключил свою речь г-н де ла Миньер — следовало бы поменьше галопировать по окрестным полям и лесам. Что касается его, Ла Миньера, то он принял меры предосторожности против нежелательных встреч и отважился поехать в Эспиньоли, лишь предварительно опорожнив все карманы. И все же, несмотря на стоящие теперь лунные ночи, он предпочел бы возвратиться в Вернонс засветло.

М-ль де Фреваль молча выслушала рассказ г-на де ла Миньер, прерывавшийся в лучших

местах восклицаниями г-на де Вердло. По отъезде г-на де ла Миньер г-н де Вердло продолжал плакаться. Чего только не может приключиться с этим беднягой Ла Миньером на дорогах, кишящих разбойниками! Теперь конец прогулкам верхом! Вовсе не следовало подвергать себя опасности нападения на каком либо глухом перекрестке, достаточно истории с каретой на рэдонском подъеме! И, говоря это г-н де Вердло смотрел на Анну-Клавдию с умоляющим видом. Потупя глаза и положив руки на колени, она сидела словно погруженная в какое то глубокое забытьё. Сумерки наполняли тенями комнату, и по мере того, как тени сгущались, Анна-Клавдия все больше растворялась в них. Г-н де Вердло замолчал. В этот момент вошел Аркнэн и внес огонь; в то время как он зажигал канделябры, Анна-Клавдия встала. Она направилась к двери, оставшейся открытой, и вышла. Медленно миновала вестибюль. Войдя в свою комнату, она ощупью открывала ящик и вынула из него тщательно завернутый предмет, затем подошла к окну. Над прудом неслышно всходила луна, почти полная и уже серебряная. Поверхность воды блестела. Было тепло, и ночь обещала быть прекрасной...

VII

Небольшая дверь, выходящая из «старого флигеля» на двор усадьбы, тихонько приоткрылась, и Анна-Клавдия де Фреваль сделала несколько шагов по двору, тщательно закрыв за собою дверь. В этот послеполуночный час двор был пустынен. Он казался обширным в свете луны, высоко стоявшей в совершенно безоблачном небе. Замковые постройки отчетливо обрисовывались в серебристом воздухе. Все окна были темны. М-ль де Фреваль легким шагом пошла по залитому светом двору. Она была закутана в длинный плащ и надвинула на лоб треуголку с золотыми галунами. Дойдя до середины двора, она на мгновение остановилась и стала прислушиваться. Ничто не нарушало ночного молчания. Тогда она продолжала свой путь и направилась к конюшне. Войдя туда, она с минуту постояла неподвижно, чтобы освоиться с царившей там темнотой. Подле двери висел на гвозде фонарь, к которому было привязано огниво. Засветив огонь, она пошла

к лошадям. Те из них, что закладывались в карету, были грузные, тучные и ленивые животные, которых редко беспокоили. Рядом с ними стояла та лошадь, на которой ездил обыкновенно Аркнэн, и гнедая кобыла, которой пользовалась Анна-Клавдия в тех случаях, когда нельзя было оседлать ее любимого рыжего жеребца, живого и с норовом, который повиновался ее маленьким ручкам, как повиновался дюжим ручищам атамана Столикого. При ее приближении рыжий повернул голову и посмотрел на нее своим умным глазом. Она поласкала его рукой и вернулась к нему, сняв со стены седло, мундштук и повод. Когда конь был оседлан и взнуздан, она привязала его к кольцу подле ворот, затем, вернувшись к двум другим верховым лошадям, по очереди перерезала им сухожилия передних ног, пользуясь вытащенным ею из под плаща остро оточенным кинжалом. С жалобным ржанием оба животные опустились на землю, меж тем как Анна-Клавдия молча вытирала окровавленный клинок и засовывала его в ножны. Затем, не медля более ни минуты, она вывела из конюшни оседланного ею рыжего жеребца и, держась у стены постройки, подвела его к садовой калитке. Снова она прислушалась. Та же тишина окутывала спящие в лунном свете Эспиньоли.

Эсиньольский сад был окаймлен справа грабовой аллеей, которая выходила ко рву. М-ль де Фреваль пошла по этой аллее, ведя под уздцы своего коня. Сквозь густую листву Анна-Клавдия видела освещенные луной цветники. На лужайке торчало чучело, отбрасывавшее на траву причудливую тень. Вдруг Анна-Клавдия различила за чучелом согнувшегося человека, который, казалось, искал что то на земле. Человек выпрямился, и она с удивлением узнала в нем г-на Куафара. Что делал он здесь в этот ночной час? Она не знала за ним привычки блуждать при лунном свете. Садовник он был отменный, но не доводил же он своего усердия до наблюдения за сном своих растений и семян! Не пришел ли он скорее поискать у манекена тюка табака, сложенного там украдкой, по уговору с ним, каким нибудь продавцом контрабандного товара? Наверное Куафар держится настороже, ибо Анна-Клавдия заметила, как он озирался кругом. Неужели он услышал необычный шум? Анна-Клавдия нащупала кинжал, который она заткнула себе за пояс. Мгновение она постояла в нерешительности, затем одним прыжком вскочила в седло и тотчас же прищорила коня. Рыжий сразу пустился галопом, в несколько прыжков достиг рва, перескочил его и оказался на той стороне. М-ль

де Фреваль была за пределами досягаемости. Теперь пусть г-н Куафар бьет тревогу... Она свободна... Пусть Аркнэн рвет на себе волосы при виде перерезанных сухожилий выведенных из строя лошадей. Пусть охает Гогота, пусть разводит руками г-н де Вердло, она уже далеко от замка, и, прежде, чем пустятся в погоню за ней, она будет там, куда хочет отправиться, куда толкает ее что то столь глубокое, столь мощное, столь неодолимое, куда влечет ее сила столь сокровенная, столь дьявольская, что она без колебания вонзила бы клинок своего кинжала в сердце всякого, кто попытался бы остановить ее... Свободна, свободна! Она была свободна итти, куда звали ее вся ее плоть и вся ее кровь, куда увлекал ее водоворот ее желания! И в залитой луной ночи, бешено галопируя вдоль пруда, в котором отражался эспиньольский замок, дочь г-на де Шомюзи, Анна-Клавдия де Фреваль, так долго остававшаяся молчаливой, залилась смехом заносчивым, чувственным и страстным, словно смех тайного демона юности и любви.

Лишь около семи часов утра сьер Аркнэн, войдя в конюшню, обнаружил, что чья то неизвестная рука искалечила двух верховых лошадей г-на де Вердло, и что третья лошадь — лошадь атамана — исчезла. Первой мыслью Аркнэна было предположить тут

новую выходку страшного разбойника, украдкой пришедшего за своею собственностью и разрезом сухожилий двух других лошадей обезопасившего себя от всякой погони, но он был отвлечен от своих догадок пронзительными криками, доносившимися со двора, где странное зрелище открылось его глазам. М-ль Гогота Бишлон, непричесанная и полудетая, испускала отчаянные вопли, среди которых Аркнэн уловил следующие слова:

— Барышня пропала, скрылась, барышня пропала, пропала...

Первой заботой Аркнэна было принудить м-ль Бишлон к молчанию, прежде чем не сбежались на ее вопли садовники, служанки, казачки. Лишь заставив ее замолчать, г-н Аркнэн потребовал от нее объяснений. Гогота, войдя как обычно в комнату м-ль де Фреваль, нашла ее пустой. Впрочем, никаких признаков беспорядка, постель нетронута, только туалетный столик остался открытым. Над м-ль де Фреваль не было учинено никакого насилия. Она ушла по своей собственной воле. Тут было не похищение, а добровольное бегство, нечто необъяснимое и невероятное. Как теперь сообщить об этой катастрофе г-ну де Вердло? И каким способом поймать беглянку? Чего добьешься с грузными выездными лошадьми? Бишлон разливалась в жалобы; Аркнэн чесал себе затылок, не

замечая г-на Куафара, который, подойдя к ним, смотрел на них с насмешливым видом и, продолжая усмехаться, повернулся спиной, оставив их в остолебении глядящими друг на друга.

В остолебенение встал также и г-н де Вердло, когда Аркиэн и М-ль Гогота явились сообщить ему неприятную новость, но это остолебенение вскоре сменилось у него настоящим бешенством. Единственный раз г-н де Вердло вышел из себя. Размахивая тростью, в съехавшем на бок парике, он разбил три зеркала и рассыпал по паркету фигурки из слоновой кости своих бирюлек. Своим поступком он поверг в трепет всю усадьбу. Отодрав за уши одного из казачков, он звонко отхлестал его по щекам. Опрокинул в саду манекен, служивший мишенью, и яростно растоптал его. Велел бросить в пруд пистолеты Анны-Клавдии и изломал рапиры, которыми она фехтовала. Разве все это не послужило Анне-Клавдии подготовкой к ее необъяснимой выходке! Он хотел уже приказать закладывать карету, мчаться в Верноне и организовать погоню за беглячкой. Разумеется, он ничего этого не сделал, потому что принадлежал к числу людей, которые деятельны только в воображении и никогда не согласуют своих поступков с принятыми решениями. Понемногу г-н де Вердло успокоился и стал чув-

ствовать что то вроде сожаления к этой негодяйке, которая скрыто от всех задумала то, что было осуществлено ею с редкой ловкостью, и, оказавшись достойной дочерью Шомюзи и какой то неизвестной, пустилась прекрасной лунной ночью искать любви на большой дороге.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

I

В тишине уснувших полей Анна-Клавдия де Фреваль слышала лишь то учащавшийся, то замедлявшийся стук копыт своего более или менее бойко бежавшего коня, рядом с которым неслась по земле отбрасываемая от него луною тень. В первый раз была окружена она ночной пустынностью. Внимательно наблюдая за направлением и особенностями дороги, она была всецело поглощена этим занятием, так как боялась заблудиться. По разным предметам она убеждалась, что едет правильным путем. Тогда на некоторое время она переставала всматриваться в окружающее и погружалась в задумчивость, в которой, впрочем, ни одна мысль не приобретала осязательности, и из которой она по временам пробуждалась, словно изумленная тем, что не видит больше вокруг себя знакомых предметов. Куда девались окно и зеркало, которые были видны ей с кровати в лунные вечера, когда она не спала? Услы-

шит ли она сейчас стук пухленьких пальцев Гофоты в дверь своей комнаты? Почему Аркнэн не едет верхом рядом с нею? Где г-н де Вердло? И лицо добряка на мгновение возникало перед ее глазами. Оно представляло перед нею в очень уменьшенном виде, очень неясное, как бы подернутое дымкой дали. За этими образами следовали другие, то образ г-жи де Морамбер, то образ г-жи де Грамадек, между которыми показывался неясный профиль г-на де Шомюзи. Затем все пропадало, и она приходила в себя, чтобы не пропустить поворота тропинки или объехать препятствие в виде толстого сучка, который вдруг задевал ее лицо или касался ее руки, словно для того, чтобы дать ей знать о своем присутствии.

Она ехала так довольно долго, и свет луны начал слабеть. М-ль де Фреваль была уже у опушки рощи, окружающей Высокий Пригорок, и надеялась добраться до него до захода луны. Там она остановится, подождет пока забрежит рассвет и снова тронется в путь. Этот роздых восстановит силы ее коня, ибо ей предстоит совершить еще длинный конец, прежде чем она достигнет цели. По этим соображениям, встретив на пути ручеек, она напоила в нем коня. Она и сама охотно напилась бы, ибо чувствовала, что горло у нее немного пересохло, но ограни-

чилаь тем, что провела языком по губам. Поправив быстрым и гордым движением руки прядь волос, выбившуюся из под треуголки, она вновь стала подниматься по тропинке на вершину крутого склона.

Лишь достигнув Высокого Пригорка, она соскочила на землю. Луна почти касалась линии горизонта, и все предметы казались теперь покрытыми уже не серебристой эмалью, а сероватым пеплом. Стало свежее и прохладнее. М-ль де Фреваль привязала коня и села на тот самый ствол повалившегося дерева, где она отдыхала с Аркнэном. В полутьме она слышала, как лошадь жует молодые побеги. Этот шум раздражал ее; она торопилась снова сесть в седло. Ей хотелось, чтобы поскорее наступил день. Чтобы сократить время, она старалась думать о различных вещах. Как плохо перепрыгнула она ров, отделявший от полей эспиньольский сад! Ее лошадь чуть было не свалилась туда. Если бы Аркнэн присутствовал при этом, как бы он выбрал ее! Прямо каким то чудом лошадь ее не поломала ноги, а она не свернула шею. А тут еще этот Куафар наверное узнал ее! Несомненно он забил тревогу в Эспиньолях. Но что нужды! Обитатели усадьбы были лишены всякой возможности пуститься в погоню за ней. При мысли, что ее могут поймать, она стиснула

зубы. Она снова увидела себя маленькой пансионеркой монастыря Вандмон в день, когда ею было похищено платье садовника, и она была схвачена верхом на монастырской ограде. Это воспоминание вызвало у нее краску гнева. Теперь этого не случится; она не дастся живою и она гордо нащупала под плащем рукоятку кинжала.... Ах, почему не может она разорвать этим клинком сероватую кисею, все еще покрывающую предметы, почему не может она сбросить ее как ненужный покров! От нетерпения она закрыла глаза.

Когда она вновь открыла их, ей показалось, что все кругом переменилось. Покров стал прозрачнее, а местами его даже вовсе не было видно. Предметы можно было отчетливо различить сквозь него. Небо медленно светлело и белело, и м-ль де Фреваль почувствовала, как по щеке ее украдкой скользнул мягкий ветерок, подобно робкой ласке. При этом дуновении томность разлилась по ней. Какая то вкрадчивая и сокровенная нежность окутала ее. Она испытала потребность в поддержке, потребность отдаться в покровительственные руки, и это чувство было так ново для нее, что странно поразило ее. Когда она была ребенком, никто никогда не дарил ей ласки в ее одиночестве. Она находила в своей памяти лишь

грубоватые заботы своей кормилицы крестьянки. Лоб ее получал лишь редкие и рассеянные поцелуи г-на де Шомюзи или высокомерное прикосновение холодных губ г-жи де Грамадек. В Вандмоне короткие отношения между пансионерками были воспрещены. Чего хотел от нее этот утренний ветерок, легкий, почти влюбленный, воспоминание о котором мало по малу стало жечь ее щеку и разливаться теплом по всему ее телу, этот ветерок, заставлявший ее сразу и краснеть и изнемогать, трепетать от ожидания и от желания, ветерок, который был словно приближение невидимого, но знакомого ей лица, лица дважды промелькнувшего перед ней, и сотни, тысячи раз являвшегося ее мечтам в образе тираническом и жестоком, к которому стремилась она всем порывом юности, к которому помчится она бешеным галопом рыжего коня через леса, через поля, через все препоны?

День занимался. Она встала и отвязала коня. Усевшись в седло, она оставила повод свободно висеть на шее лошади. Конь ожидал, что его повернут обратно в Эспиньолл, и тут всегда приходилось пускать в ход шпоры, чтобы справиться с его сопротивлением. Видя, что всадница ничего не предпринимает для приневоления его, он постоял некоторое время как бы в нерешимости,

затем сделал несколько шагов по тропинке, спускавшейся с Высокого Пригорка по направлению к Бурвуазэну. Вместо того, чтобы остановить его и повернуть обратно, м-ль де Фреваль потренила его по шее... Словно поняв, чего хотят от него, конь радостно заржал и начал спускаться по довольно крутому склону. Спустившись, он сам выбрал одну из скрещивавшихся в этом месте дорог и рысью пустился по ней. Животное узнавало дорогу; оставалось только довериться ему. Тогда Анна-Клавдия испытала чувство огромного успокоения. Как просто и легко все складывается! Открыть ворота, перепрыгнуть через канаву, ехать верхом в лунном свете, оставить за собой поля и леса, выпустить из рук повод! Все легко и просто, когда вы одержимы единственным желанием и не знаете даже, почему вы им одержимы, когда какая то сокровенная сила внушает вам его, когда вы больше не принадлежите себе и вся находитесь во власти самых глубоких инстинктов, которые вы носите в себе. Ну, а потом? Потом,—не все ли равно? Умереть! Ведь все умирают и в собственной постели, как умрут в ней и г-жа Морамбер и г-жа Грамадек, как умрет в ней г-н де Вердло. Разве не то же самое погибнуть от ножового удара, нанесенного из засады, устроенной подле ворот, как это случилось с г-ном

де Шомюзи, или пасть сраженным пулей среди какойнибудь сватки, в пороховом дыму, при свете факелов, подле кареты, упряжка которой взвивается на дыбы, а стекла разлетаются вдребезги?

Теперь наступил уже день, день серый и немного туманный; перевалило за полдень, а солнце все не показывалось. М-ль де Фреваль поехала по глухим проселкам, избегая ферм и хуторов, держась настороже при всякой встрече. Но на пути ей попало лишь несколько крестьян и несколько женщин с вязанками хворосту. Наконец, после долгого пустынного пути, она увидела, что местность становится более гористой и более пересеченной. Этот ее характер вскоре получил еще более резкое выражение. Дорога вступила в довольно глубокое ущелье, где стала причудливо извиваться, следуя очертаниям высоких скал, вокруг которых она тянулась. Анна-Клавдия благоразумно замедлила ход. Вдруг конь ее насторожил уши и стал проявлять признаки живейшего беспокойства. Как раз подле одной из таких скал рос густой кустарник. Анна-Клавдия спряталась в нем, затем соскочила с лошади и стала ловко и проворно карабкаться по каменистому откосу, с вершины которого можно было видеть все, что делается за поворотом дороги. Добравшись до этой вершины, она посещно

бросилась назад. Дорогу преграждал расположившийся посередине ее драгун: По бокам пять или шесть всадников тоже держались в выжидательной позиции. Что делать? Попытаться форсировать проезд галоном? Но у Анны-Клавдии не было другого оружия, кроме кинжала, и винтовки драгун сразил бы ее прежде, чем она подъехала к ним. Нужно было, следовательно, поворачивать назад или ожидать, пока патруль очистит путь. Остановившись на последнем решении, она снова спряталась в кустарник и стала ждать. Она заметила тогда, что чувствует жажду и голод, и со вздохом облегчения увидела, как по проществу более двух часов, драгуны проехали мимо нее и исчезли. Тогда она снова вскочила на коня. По выходе из этого ущелья Макрэ — так называлось оно — дорога шла почти прямо до одинокого дома, расположенного немного в стороне и отделенного от дороги небольшой поляной.

Это была бедная лачуга с шаткими стенами и соломенной крышей. На пороге стояла пожилая женщина. Не слезая с лошади, Анна-Клавдия спросила у нее, может ли она дать ей кусок хлеба, кружку воды и какогонибудь корма для лошади. Старуха вынесла пук сена, краюху хлеба, от которой она отрезала широкий ломоть, и чашку с водой. Когда Анна-Клавдия поела и напилась, она сирс-

сила, доедет ли она до Бурвуазена до наступления ночи. Старуха взглянула на молодую девушку, усмехаясь своим беззубым ртом:

— Нужно полагать, что да, и это будет вернее, мой прекрасный кавалер, так как драгуны сейчас сказали мне, что кругом шатается много всякого сброда.

И, словно про себя, она проворчала:

— Подите ж вы с этой молодежью, когда мальчишке или девченке заберется в голову любовь, то они уж не могут удержаться от того, чтобы не гонять по дорогам!

Пока старуха говорила, Анна-Клавдия вдруг вспомнила, что она уехала из Эспиньолей, не захватив с собою денег. Она поспешно оборвала две золотые пуговицы от обшлагов камзола и положила их в протянутую руку старухи, которая при виде этого бросилась назад и проворно захлопнула за собой дверь своей лачуги; но Анна-Клавдия не долго изумлялась этому внезапному бегству. Старуха вновь показалась в слуховом окошке и закричала ей пронзительным голосом, потрясая в воздухе кулаком:

— А, воровка, негодяйка, потаскуха, так ты расплачиваешься с добрыми людьми: сбываешь им награбленное! Проваливай со своей рогатой треуголкой, потаскуха, висельница!

В ответ на эти ругательства м-ль де Фреваль презрительно пожала плечами, но все

же испытала странное ощущение. Ей показалось, что она окончательно вступает в новую жизнь, жизнь, где все было непохоже на прежнее, где говорили совсем другим языком, где все будет жестоким, грубым, и она чувствовала, что в ней начинают просыпаться какие то глубоко скрытые инстинкты, для которых новая обстановка оказывалась, как нельзя более подходящей, словно они могли развернуться в ней во всю ширь...

II

Она, не останавливаясь, проехала Бурвуазэн, где, с наступлением сумерек, в домах зажигались первые огни. Теперь была уже ночь и снова взошла луна. Она не отличалась той серебристой ясностью, как в прошлую ночь, но достаточно освещала дорогу, по которой ехала м-ль де Фреваль. По мере удаления от Бурвуазэна местность становилась все более дикой. Такой характер носила она до самого Сен-Рарэ, расположенного при въезде в обширную и хорошо возделанную равнину, тогда как пространство, отделявшее Сен-Рарэ от Бурвуазэна, представляло собой лишь голые пустоши, чахлые рощицы и невозделанные земли с возвышавшимися среди них холмистыми плато, на одном из которых был расположен замок От-Мот, о котором рассказывал г-н де ла Миньер. Анна-Клавдия, пустив своего усталого коня итти, куда ему заблагорассудится, повторяла про себя сведения г-на де ла Миньер, которые тот давал в ее присутствии г-ну де Вердло.

Повторяя их, м-ль де Фреваль вглядывалась в окружающее. Дорога становилась все более трудной, и лошадь часто оступалась, натываясь на большие камни. Луна скрылась за тучу, и в полутьме местность выглядела довольно мрачно. Это была какая то лощина, по которой дорога все время извивалась и была избороджена рытвинами. Вдруг лошадь остановилась. В этот момент снова показалась луна, и м-ль де Фреваль различила стену, тянувшуюся вдоль дороги.

Уж не харчевня ли это? М-ль де Фреваль подумала было об отдыхе, но воспоминание о мегере, расточающей ругательства, прогнало у нее эту мысль. К тому же, лучше было воспользоваться появлением луны из облаков и попытаться погнать вперед коня. Тот решительно заупряился и стал брыкаться. М-ль де Фреваль соскочила на землю и со всяческими предосторожностями стала пробираться вдоль стены. Миновав образуемый стеною угол, она обнаружила в ней низенькое оконце, откуда пробивался луч света. Она медленно приблизилась и заглянула внутрь через запыленное стекло.

Перед нею открылась довольно обширная закуренная зала с потолком из толстых балок, освещенная несколькими сальными свечами в медных подсвечниках. Через залу тянулись столы, уставленные бутылками, жба-

нами и оловянными кружками. Вокруг этих столов, на деревянных лавках сидело семь или восемь человек. На них были шляпы с опущенными полями и темные костюмы. За плечами у них висели сумки, а из за пояса виднелись пистолеты с блестящими рукоятками. У каждого между ногами стоял также мушкет. Они вели оживленный разговор. Их резкие жесты соответствовали их жестким и грубым лицам с щеками и подбородками, заросшими бородой. Двое из этих людей играли в карты. Слышались их глухие и хриплые голоса. Вдруг один из игроков с силой стукнул по столу кулаком. Завязалась шумная ссора.

— Я спущу с тебя шкуру, плут!

— А я выжму из тебя все сало, жирный боров!

Туча ругани и проклятий поднялась к потолку притона. Трубки дымилась в глотках. Там должно быть стоял крутой и крепкий человеческий запах, запах пота, свечного сала, вина и табаку, воздух наверное был едким и тошнотворным, от которого запершило бы в горле и заслезились бы глаза. Анна-Клавдия долго созерцала эту теплую компанию, пьющую и чертыхающуюся, собравшуюся при мерцании сальных свеч в заброшенной харчевне, окруженной тишиною ночи и пустынностью голых полей. Значит

это были они, и среди них должен был находиться он. Он!

Она отошла от окна и сделала несколько шагов в темноте, как вдруг остушилась и чуть было не упала. Она нагнулась, чтобы убрать предмет, на который она только что наткнулась. Это был мушкет. Караульный вероятно прилонил его к узкой двери, открывавшейся в стене. Анна-Клавдия толкнула створку. Она очутилась на пороге залы, где пировала честная компания. При виде ее все вдруг замолкли. Некоторые из присутствующих повскакивали с мест. Она различила наведенные на нее дула пистолетов. Тогда она шагнула вперед и произнесла внятно и твердо:

— Мне хотелось бы поговорить с вашим начальником.

Она стояла неподвижно и очень прямо, высоко подняв голову в маленькой треуголке с галунами, и не пошевелилась, даже когда почувствовала дуло пистолета у виска. Свет свечи, которую один из присутствовавших поднес к самому ее лицу, не заставил ее опустить глаза. Казалось, что она несколько не смущена своим пребыванием в этой странной компании, посреди людей с преступными и жестокими физиономиями, в этой убогой и подозрительной харчевне, под этими зловещими взглядами, устремленными на нее. Бандиты примолкли и, казалось, сговаривались.

До м-ль де Фреваль донеслось несколько смешков. Она покраснела, затем, так же громко и внятно, повторила:

— Я пришла поговорить с вашим начальником.

И она нетерпеливо стукнула ногой по залитому вином и заплеванному полу.

Смешки усилились. Из за стола поднялся один из бандитов, рыжий детина, с циничным и жестоким лицом. На нем была широкополая шляпа. На губах у него блуждала нехорошая улыбка, насмешливая и плутоватая. Он стал перед м-ль де Фреваль, коснулся пальцем ее шляпы и сказал пьяным голосом:

— Я — атаман.

Она смерила его презрительным взглядом:

— Я хочу поговорить с атаманом Столким.

Детина грубо повторил:

— Это я.

Она отрицательно качнула головой.

Раздался звучный хохот. Чей то мушкет с глухим стуком упал на истоптанный пол.

Детина с рыжей растительностью обернулся:

— Замолчи ты, Курносый!

И он повторил с упрямой настойчивостью пьяницы:

— Атаман, это — я.

Она пожала плечами:

— Нет.

— Ладно! Если я не атаман, то ты тоже не кавалер, за которого ты выдаешь себя, красотка! Но так как ты хорошенькая, то давай выпьем со мной за здоровье атамана. Кокильон готов к твоим услугам.

Он взял со стола полную кружку, отпил глоток и протянул ее м-ль де Фреваль. Она оттолкнула ее рукой. Вино хлеснуло Кокильону в лицо, и кружка покатилась к его ногам. Одним прыжком детина навалился на нее. Он схватил ее за талию и своим ртом, из которого несло, как из винной бочки, стал искать ее губ, но Анна-Клавдия уклонялась от его пьяного поцелуя. Произошла недолгая борьба, затем Кокильон вдруг покачнулся, поднес руку к груди и грузно осел на пол с рычанием:

— Ах, стерва, она убила меня!

Яростный рев наполнил залу. Анна-Клавдия отбивалась от грубых рук ринувшихся на нее мужчин. Один схватил ее в охапку. Другой вырвал у нее кинжал, которым она ударила Кокильона. Под ударами она сохраняла свой надменный и бесстрастный вид, неподвижно устремив глаза в глубину залы, где только что открылась дверь, в которой показался человек высокого роста, властным голосом бросивший слова:

— Эй, вы! В чем дело!

Перед ним расступились. На нем был расшитый серебром кафтан цвета дубовой коры. Его тщательно выбритое лицо представляло собой резкий контраст с бородами харями, находившимися в зале. Когда он сообразил, в чем было дело, он издал изумленное восклицание, затем приказал отрывистым тоном:

— Ты, Курносый, и ты, Верзила Бенуа, возьмите Кокильона и посмотрите, какие меры можно принять... Что касается всех прочих, то пора уже вам пойти туда, куда вы должны идти. Вы ведь хорошо запомнили дом. Второй от входа в Бурвуазэн. Работайте живо и принесите мне уши негодяя. Он будет теперь знать, как держать язык за зубами.

Он вынул часы из бокового кармана:

— Уже десять часов, ступайте!

Затем, повернувшись к человеку, все еще державшему м-ль де Фреваль за талию, он сказал, указывая на нее:

— Как она вошла сюда? Значит, Забудыга не сторожил у ворот? Нет. Вот так мы и попадемся. Кругом полно драгун.

Он пожал плечами:

— Пусти эту женщину, Кудрявый.

Кудрявый положил на стол кинжал, вырванный им у м-ль де Фреваль. Та стояла, прислонившись к стене, очень бледная.

Некоторое время в комнате происходила суматоха. Курносый и Бенуа уносили тело

Кокильона. Кудрявый отправился на поиски за Забудыгой. Остальные бандиты снаряжались в путь. Некоторые, с мушкетом за плечами, опрокидывали последнюю кружку вина и надевали маски из черной материи. Один за другим они вышли, и слышно было, как их шаги удаляются в ночной тишине. Зала вскоре опустела. В ней оставались только Анна-Клавдия де Фреваль, да атаман Столикий, который, прислонившись к столу, молча играл кинжалом, оставленным на нем Кудрявым. Затем, отвесив поклон м-ль де Фреваль, он с улыбкой вручил его ей:

— Возьмите обратно ваше оружие, сударыня, вы прекрасно владеете им.

Она попрежнему стояла неподвижно, прислонясь к стене. В такой позе она казалась совсем маленькой, хрупкой и словно смущенной. Наступило молчание. Он нарушил его, произнеся серьезным тоном:

— Будьте желанной гостьей здесь, Анна-Клавдия де Фреваль.

И прибавил:

— Я ждал вас; я знал, что вы придете.

Она ничего не отвечала. Затрещала и погасла свеча, распространяя запах горячего сала. Он повторил:

— Я знал это уже с того дня, как увидел вас в карете по пути в Верноне.

Она слегка пошевелила веками, и лицо ее оживилось неувловимой улыбкой. Он продолжал:

— Я еще больше уверился в этом, когда вновь увидал вас в Эспиньолах... Бравый Куафар прекрасно справился с моим поручением. Я нашел его там очень кстати. Он был нашим, и оказался отличным исполнителем моих приказаний.

Он указал пальцем на кинжал, который снова положил на стол, так как м-ль де Фреваль не взяла его. Тогда она улыбнулась и подняла глаза. Он был здесь, перед нею. Он! Она смотрела на него в каком то детском восторге, как смотрела бы на одну из тех чудесных игрушек, которые составляют предмет давнишних мечтаний. Ей хотелось потрогать его одежду, его руки, подойти к нему, но у нее не хватало сил. Однако, их хватило, чтобы приехать к нему, чтобы войти в эту харчевню, чтобы убить человека! Он, наверное, отлично понимал, зачем она здесь. Он понимал это, так как сказал, что знал, что она придет. Значит, он возьмет ее в свои объятия, прижмет к своей груди; она почувствует его дыхание на своей щеке. При этой мысли сердце ее затрепетало, и, в изнеможении, она пробормотала совсем тихо, бледная, словно что то умирало в ней навсегда:

— Я люблю вас.

Он медленно положил ей на плечо руку, властную руку, и она почувствовала, что склоняется под ее тяжестью.

— Вы красивы, Анна-Клавдия де Фреваль.

Она задрожала, охваченная необыкновенной гордостью, затрепетала от какого то таинственного счастья. Некоторое время он постоял в раздумье:

— Мы не можем оставаться здесь. Где ваша лошадь?

— На дороге... Это ваш конь, тот, которого вы оставили в Эспиньолах.

— Отлично. Вы не очень устали? Можете вы выдержать час пути?

Она сделала утвердительный знак. Он кивнул:

— Верзила Бенуа...

Бенуа показался на пороге.

— Ну что с Кокильоном? Он мертв? В таком случае, прилично похорони его. А я уезжаю. Соберемся мы через пять дней в От-Мог. Ты известишь остальных. Будьте осторожны и бдительны. Лейтенант де Шазо хитрая лиса. А где же Забудыга? Исчез, я так и подозревал. Наверное он осведомит господ жандармов. У него не было вкуса к ремеслу. Мне следовало бы разможжить ему череп. Оставайся здесь исполнять роль харчевника, Бенуа.

Во время этого разговора м-ль де Фреваль схватила на столе краюху хлеба и с жад-

ностью стала кусать ее. Окончив, она сказала:

— Я была голодна.

И прибавила:

— Я хочу пить.

Он выполоскал одну из кружек, наполнил ее и подал ей. Она жадно стала пить. Он допил последние капли, приложив свои губы к тому месту, к которому прикасались губы м-ль де Фреваль, затем воскликнул:

— Едем. Ступай.

Она последовала за ним. Проходя мимо стола, где лежал кинжал, которым она поразила Кокильона, Анна-Клавдия взяла его и сунула в ножны. Несколько мгновений спустя Анна-Клавдия де Фреваль и атаман Столикий ехали верлом бок о бок в свете луны.

III

Была еще ночь, когда они прибыли в От-Мот. На крутом плато выслась темная и одинокая масса замка. Когда они сошли с лошадей, атаман направился к низенькой калитке, замаскированной в углублении каменной ограды и дернул за ржавую цепочку колокольчика; издали слабо донеслось его дребезжанье. Приложив ухо к калитке, атаман прислушался. Затем снова дернул за цепочку. Наконец, послышались шаги, и заспанный голос спросил:

— Кто там?

— Бреж и Шаландр.

Заскрипел засов, раздался шум ключа, калитка приоткрылась, и в ней показалась старуха с фонарем.

— Ах, это вы, сударь? Входите.

— Ступай скажи Урбану, чтобы он отвел лошадей в конюшню. А здесь ничего нового? Никто не приходил?

Старуха сделала отрицательный знак.

— Открыты ли комнаты, и приготовлено ли все на ночь?

— Да, сударь, там есть широк, холодная говядина и вино.

— Отлично. Мы пойдем туда. Я сам зажгу огонь. Ступай спать.

Атаман взял факел, воткнутый в углубление ограды, и зажег его от фонаря старухи.

Они отправились по длинному сводчатому коридору, дошли до винтовой лестницы, поднялись по ней, затем стали блуждать по каким то запутанным переходам. Впереди гулко отдавалось эхо их шагов. Они миновали несколько зал, одни из которых были пусты, другие завалены всяким хламом. Пахло проплевневшей пылью. Наконец, дойдя до одной двери, атаман повернулся и сказал:

— Здесь.

Поднятый факел плохо освещал просторную комнату с расписным потолком. Стены были обшиты позолоченными панелями, немного попорченными вследствие заброшенности, но еще красивыми и свидетельствовавшими о былом великолепии замка. Большой узорчатый диван стоял подле круглого стола, на котором был сервирован холодный ужин и возвышались два массивные канделябра. Атаман зажег одну за другой все свечи, как на столе, так и по стенам. Анна-Клавдия де Фреваль следила за каждым его движением.

Он был красив, и движения его отличались ловкостью. Он выглядел еще молодым, но похудевшим со времени ночного посещения Эспиньолей. Смотря на него, она испытывала странное ощущение. Этот человек, к которому она явилась, влекомая тайной силой, — этот человек был вором с большой дороги, разбойником, преступником. Он взламывал сундуки, грабил проезжих, руководил действиями шайек бандитов. Лицо его искажалось ненавистью, багровело от гнева, свирепело, носило маску притворства и обмана. Руки его обгадились кровью. Он убивал. Он был главарем шайки страшных разбойников, и, сам страшный, разве не был он способен на самые тяжкие преступления? И подле этого то человека она находилась одна, в глухую ночь, в пустынном замке. Сейчас она станет его любовницей, он заключит ее в свои объятия, и вместо того, чтобы почувствовать ужас, вместо того, чтобы отбиваться и кричать от стыда и страха, она испытывает дикое, жгучее, странное наслаждение, ибо она любит его и чувствует себя принадлежащей ему всей своей плотью и всей своей кровью, всю себя без остатка отдавая ему, на жизнь и на смерть.

Он на минуту вышел. Она слышала его шаги в соседней комнате, слышала, как он передвигает мебель. Он позвал ее. Она хотела

было ответить, но в кресле, в которое она повалилась, полумертвая от усталости, ее охватывало какое-то непреодолимое оцепенение, все тело ее тяжелело, так что она не могла пошевелиться. Глаза ее закрывались; она переставала видеть и слышать; и вдруг, словно пораженная пулей в сердце, она опрокинула голову на спинку кресла и заснула. Теперь он стоял перед нею и смотрел на нее, затем взял в свои сильные руки и бережно понес в соседнюю комнату. Там стояла большая кровать, в которую он положил ее. Одну за другою он сошел с нее ее одежды. Развязал галстук, растегнул кафтан и жилет. Показалось белье, обрисовывавшее формы юного тела, погруженного в глубокий сон. Тогда, приподняв тонкое полотно, покрывавшее ее, он с циничным любопытством стал рассматривать эту свежую, гибкую и возбуждающую наготу. Насмотревшись, он возвратился в первую комнату, сел за стол, отрезал кусок пирога, налил большой бокал вина и принялся размышлять о положении своих дел.

Оно не было благоприятным и не могло внушить ему иллюзий насчет ожидавшей его участи, особенно с тех пор, как его убежище в замке От-Мот было обнаружено. Недавнее посещение замка отрядом королевских драгун было дурным знаком и мрачным предзнаме-

нованием. Так оценил положение г-н де Шаландр, решив бежать в Голландию. В течение долгого времени г-н де Шаландр, благодаря своей любезности, предоставлял ему драгоценное и верное убежище в этом замке От-Мот, куда он приходил укрываться в критические минуты, в то время, как его шайка рассеивалась по окрестности в надежных местах. Там же складывалась добыча после удачных предприятий, и г-н де Шаландр отвозил ее потом в Париж, где сплавлял ее разными способами, если только операция не поручалась ему, Брежу. С этой целью он принимал вымышленные фамилии и искусно гримировался под различных лиц, за которые он себя выдавал: то под честного купца, всецело занятого своей торговлей, то под кутящего дворянина, завсегдатая игорных домов и любителя наслаждений. Хотя он был необычайно искусен по части этих превращений, он все же видел, что скоро им будет положен конец. За ним была установлена тщательная слежка, и при последнем свидании с г-ном де Шаландр, тот предупредил его об этом. Париж делался опасным для них, как для одного, так и для другого. Их сообществу угрожала опасность. Г-н лейтенант полиции вероятно кой о чем уже проведал. Г-н де Шаландр, приняв это к сведению, счел благоразумным скрыться,

что следовало бы сделать также и ему, но Голландия не соблазняла его, и он продолжал игру, рассчитывая на отвагу, проявляемую им при осуществлении своих планов, и ловкость, с которою он сбивал с толку своих преследователей. Сейчас дело принимало дурной оборот, окружающая местность была так основательно ограблена, что все единодушно потребовали самых суровых мер, и губернатор провинции решил во что бы то ни стало положить конец этим дерзким выступлениям, которые терроризировали местное население и являлись настоящим вызовом королевской власти. С этого момента его преследовали по пятам, и ему приходилось пускаться в ход всю свою изобретательность и всю свою отвагу, чтобы ускользнуть из расставленных ему ловушек. Может быть, еще несколько раз ему удастся благополучно вывернуться, но сеть кругом него все стягивалась, и давно пора было разорвать ее петли, если он не хотел запутаться в ней.

В самом деле, благодаря своему знакомству с местностью и осведомителям, которых он держал, ему удастся еще сбивать с толку драгун г-на Шазо, но, находясь под постоянной угрозой, шайка его не могла отважиться ни на одно крупное предприятие. Кроме того, стали наблюдаться случаи дезертирства. Не далее, как сегодня вечером, разве не исчез

куда то Забулдыга, оставив свой мушкет? Завтра дезертирует еще ктонибудь. Приходилось, значит, последовать примеру г-на де Шаландр, но Голландия внушала ему отвращение, и он чувствовал, что ему препятствует искать в ней убежище непонятная сила, в которой сочетались вкус к приключениям, жажда грабежа и какое то колебание, природу которого он не умел определить, но которое затрудняло ему принять решение. Уже не раз мысли эти мучили его; и чтобы прогнать их, он прибегал к бутылке. Сегодня вечером они возвращались к нему с особенной настойчивостью, и он ясно сознавал необходимость принять решение. Перспектива попасться в руки драгун г-на де Шазо мало улыбалась ему, ибо дыба и колесо несколько его не прельщали. Нужно было внимательно обдумать положение дела. В данный момент От-Мот являлся еще для него достаточной защитой. Было мало вероятия, чтобы его стали искать там, и чтобы драгуны вновь нанесли туда визит, ибо вряд ли кто мог бы подумать, что у него хватит дерзости укрыться в самом обычном своем убежище после того, как это убежище утратило всю свою силу и всю свою тайну. Его будут искать где угодно, но только не здесь, и у него хватит времени довести до конца странное приключение, которое привело его сюда.

Он встал и направился к двери в комнату, где спала м-ль де Фреваль, затем возвратился и стал расхаживать взад и вперед. Иногда он останавливался и опрокидывал стакан вина или водки.

Конечно, у него было много любовниц всякого сорта и всякого общественного положения, и любовь являлась одним из наиболее увлекавших его занятий. Разве не женщинам был он обязан тем, чем стал? Они определили направление его жизни. Ради женщины он впервые поставил на зеленое поле луидор, ради женщины была впервые пролита им кровь. Ради женщин он хотел, чтобы карманы его были полны золота и драгоценностей, ради них он играл и играл нечисто; ради них он искал на большой дороге средств удовлетворить их капризы. Они запускали его руку во взломанные сундуки и шкафы. Ради них он проводил ночи в засаде, вскакивал на лошадей, перелезал через ограды, перепрыгивал через рвы, разламывал ворота, слышал свист пуль подле ушей, познал страхи переряживанья, превратности случая. Ради них он дезертировал, воровал, убивал. Ради женщины он выступал на подмостках, получал щелчки по носу и палочные удары. Ах, как он любил их! Любил и в нарядной обстановке будуара и на голой кровати! Ради них он жил и ради них

умрет, может быть, на дыбе, он, офицер и дворянин, он, Жан-Франсуа-Дюкордаль, известный под именем кавалера де Бреж и атамана Столикого!

Новый стакан вина воскресил в нем другие образы. Он увидел себя корнетом стрелкового, ее величества, полка, красивым мальчиком, сыном почтенного отца и благородной матери, но носящим в слишком горячей своей крови преждевременный любовный пламень. Увидел свои первые любовные похождения, проказы пылкого и расточительного молодого офицера, быстро залезшего в долги, очень щедрого и большого любителя наслаждений. Увидел то гарнизонное утро, когда, ради прекрасных глаз, он сразился на поединке с соперником, которого смертельным ударом шпаги поверг к своим ногам. После этого досадного приключения пришлось дезертировать, скрываться под вымышленной фамилией, изворачиваться. Он познал нужду, затем нищету, и в один прекрасный день стал комедьянтом Брюнеттой. Он увидел подмости, свечи, закулисную любовь, всю эту исполненную превратностей жизнь, в которой человек утрачивает мало по малу свою щекотливость и разборчивость, в которой нужда к деньгам толкает на самые худшие преступления. Тогда то он и начал пытаться добывать при помощи игры недостававшие ему средства. Он очень нуждался

в них, ибо жадностью и расточительностью отличалась женщина, которую он любил тогда со всем юношеским пылом, любил безумной любовью! Разве не приходилось располагать возможностью оспаривать у богатых поклонников эту женщину, которую он обожал неистово, потому что находил в ней все трепеты страсти, все извращения порока? Ах, какие уроки преподала она ему, и как прекрасно усвоил он их! Какие зверские инстинкты разбудила она в нем! И он вновь переживал бессильную ярость и жгучую ревность, испытанные им в те моменты, когда она жертвовала им ради какого нибудь богатого откупщика или состоятельного иностранца, чтобы затем вновь возвратиться к нему, с большим остервенением, чем когда либо, бросавшемуся в эти продажные и вероломные объятия. Он чувствовал, что кулаки его сжимаются от гнева, и зубы скрежещут от бешенства при одном воспоминании об этом, при одном произнесении имени Манетты Бергатти, всегда готовой отдаться тому, кто наиболее щедро ей заплатит. Чтобы забыть ее, он вступал в другие любовные связи, но неизменно возвращался к ней, снося признания Бергатти в ее увлечениях, мерзостях и изменах. Да и этих ужасных признаний ему приходилось добиваться от нее ценою золота и будучи иногда свидетелем или соучастником ее веро-

ломства. Разве не подле этой Манетты Бергатти он познакомился с г-ном де Шаландр, своим злым гением, своим наставником, своим повелителем, этим Шаландром, алчным и развратным, который делился с ним деньгами, выигранными в карты, который воровал у него наворованное им, который потешался над его падениями, радуясь всему, что унижает человека и толкает на самые грязные проделки, и получая от этого зрелища гнусное удовольствие?

А разве не по наущению г-на де Шаландр он дошел до собирания подати на большой дороге и до вооруженного разбоя? Кто свел его с этим Куафаром, теперь удалившимся от дел и ведущим в Эспиньолах, у г-на де Вердло, мирную и спокойную жизнь, — Куафаром, который помог ему набрать его шайку и обзавестись в окрестностях необходимыми осведомителями. И разве г-н де Шаландр, отчислявший в свою пользу десятину от его подвигов, не тратил ее на оплату ночей Бергатти, — Бергатти, о которой он все время думал, несмотря на множество женщин, прошедших через его объятия, несмотря на приход к нему, вследствие неожиданного стечения обстоятельств, влекомой какой то таинственной силой, манимой каким то странным колдовством, этой отважной, смелой и развязной девушки, которую он мельком видел всего

два раза, и которая стремглав примчалась, верхом на лошади, пренебрегнув всеми опасностями, с замирающим сердцем и покорным телом, чтобы он, Жан Франсуа Дюкордаль, главарь разбойничьей шайки, человек, находящийся вне закона, затравленный как дикий зверь, вкусил наслаждения от ее свежей юности и ее сладостной красоты?

Он перестал расхаживать и снова принялся размышлять. Нужно было разбудить эту уснувшую девушку, одеть ее, спуститься в конюшню, оседлать лошадей и постараться как можно скорее добраться до Парижа. Лишь там можно будет чувствовать себя в сравнительной безопасности, и лишь оттуда удобнее всего бежать в Голландию или в швейцарские Кантоны. Да, но разбитая усталостью, отягченная сном, она не сможет держаться в седле. В таком случае, покинуть ее, бежать одному! При этой мысли перед ним вновь предстал образ юного тела, только что мельком виденного им, нежной кожи, лица, и образ этот вдруг наполнил его любовным жаром. Он испытывал к этой молоденькой девушке то же неукротимое желание, которое некогда возбуждала у него Бергатти своею мощной и тиранической зрелостью. Тело этой девушки необыкновенно отчетливо вызывало в его памяти тело той женщины. Между ними существовало таинственное сходство, и он ощущал

к Анне-Клавдии то же яростное влечение, которое делало его некогда рабом Бергатти. Нет, он не станет будить ее, он не покинет От-Мот! Здесь вкусит он свежего плода юности, который фортуна, в последний раз щедрая, послала ему. Он даже облизался, словно он уже вкушал наслаждение. Со сладострастной улыбкой он повернул голову к приоткрытой двери, затем, отодвинув в сторону рюмки и бутылки, стоявшие на столе, он положил на их место свои часы и пистолеты, сел в кресло, вытянул ноги и закрыл глаза.

IV

Она лежала обнаженная на большой кровати. Глубокая тишина наполняла просторную комнату. Свет свечей отражался в зеркалах и слабо озарял стершуюся позолоту панелей. Было поздно, ибо свечи догорали. Простыни в беспорядке свешивались с постели на паркет, а одна из подушек скатилась к ножкам кресла, на которое были брошены серый камзол с красными обшлагами, широкий коричневый плащ, белье и маленькая треуголка с золотыми галунами. Одна из свечей затрещала. Анна-Клавдия сделала легкое движение. Она не чувствовала больше подле себя тела, которое сначала навалилось на нее терзающей и животной тяжестью, а затем лежало вытянувшись рядом с нею. Она была одна в тишине обширной комнаты, простерши на кровати истерзанную свою наготу. Она не видела больше жадно склоненного над нею лица, в котором старалась подглядеть, сквозь опущенные ресницы, лик любви. Она была одна, усталая и нагая...

Теперь она знала, и она вздрогнула всем своим телом, всем этим телом, на котором лежало, навалившись, другое тело, которое чужие руки хватали, щупали, ласкали, ласкали с любопытством, грубо, яростно, с наслаждением. Чужие объятия сжимали его, чужие руки скользили по нем. Жадные губы прижимались к ее грудям, спускаясь и вновь поднимаясь, прилипали к ее губам и сливались с ними.

В тесных объятиях, под тяжестью и в соприкосновении с этой силой и этим желанием, плоть ее задрожала, затрепетала, и покорная, и возмущенная, и замирающая, и напряженная, и что то жестокое и грубое завладевало ею, увлекая ее в водоворот. Она чувствовала, как горячая волна крови хлынула у нее от сердца к вискам, затем она низвергалась куда то в глубину, пока то же лицо не склонялось снова над ее лицом, те же любопытные, горячие руки не ласкали снова ее тело, это тело, теперь неподвижное и усталое, вытянувшееся на одинокой постели, откуда свешивались измятые простыни, и где, среди тишины, она, казалось, все еще слышит у своего уха горячее дыхание, прерывистые слова, жгучие и циничные, слова, которые хрипло бормотал ей в любовном экстазе человек, чье волосатое и зверское прикосновение она знала теперь, с истинным лицом

которого она была теперь знакома, и который был теперь господином ее тела и ее жизни.

Вдруг он снова предстал перед нею таким, каким она видела его впервые, во время нападения на карету, при свете факелов, обороняющимся от драгун, в пылу схватки, когда она ни на минуту не спускала с него глаз. Этот образ сменился другим, образом всадника, приехавшего в Эспиньоли, волнующего и таинственного, но обворожительного, с изысканными манерами светского человека. Она вновь пережила памятную ночь ожидания, босоногая, в вестибюле, ту томительную ночь, которая была уже ночью любви, когда она поняла, что последует за этим человеком на край света, даже если бы он обагрил себя в эту ночь кровью бедного г-на де Вердло. Какое ей было дело до того, что рука, приказавшая положить в ее комнате кинжал и написавшая таинственную записку, воровала и убивала? Эта рука навсегда утвердилась в ее сердце. С того вечера она не принадлежала больше себе. Она принадлежала атаману и решила отправиться к нему. Но куда? Она закалила свое тело, научилась ездить верхом, обращаться с оружием, ожидая надлежащего момента, чутко прислушиваясь, когда же ей будет подан знак. Затем, однажды, посетивший Эспиньоли г-н де ла Миньер

сообщил о возвращении его, о том, что он был здесь, совсем близко. Случай представлялся, нужно было отправляться, и она отправилась. Инстинкт ее лошади помог ей найти его в этой подозрительной харчевне, среди пьянствующих бандитов, в табачном дыму и винном запахе. Как он был прекрасен, как он был силен среди этих скотов! Однако, он был не совсем таким, как она воображала себе, не был джентльменом, отваживавшимся на самые рискованные предприятия, о котором она мечтала. Эти люди с рожами висельников, эта харчевня, служившая разбойничьим притоном, грубая фамильярность, сближавшая его с его товарищами, лишала его обаяния. Однако, она не отступила, она подписала договор кровью этого Кокильона, хотевшего занести на нее руку. Она тоже была убийцей и позволила увлечь себя ночью в этот пустынный замок, где она погрузилась в глубокий сон, и где лежала теперь, нагая, на растерзанной постели, игрушка наслаждения, падшая женщина, любовница убийцы и вора!

И взял он ее, как вор. Прокрался исподтишка, словно зверь, в то время, как она спала. Он наслаждался ею, не промолвив ни одного ласкового и нежного слова, не как влюбленный, но как господин, тешащийся игрушкой, которую случай предоставил в его

распоряжение. В человеке, который облапил ее и ранил, что оставалось от героя, к которому она пришла, влекомая инстинктом плоти и желанием сердца? Чем для него была она? Теплой, гибкой, покорной, живой вещью, которую трогают, привлекают и отталкивают, с которой не нужно церемониться, которую не нужно любить, к которой возвращаются, когда вновь охватывает желание; в самом деле, он сейчас возвратится к ней, чтобы заставить ее снова почувствовать ее рабство. И она продолжала лежать, неподвижная и обнаженная, и горячие слезы катились по ее пылающим щекам.

Он, действительно, стоял подле нее; он успел уже одеться и смотрел на нее с насмешливым видом:

— Ну, красавица моя, как твое мнение насчет того, чтобы встать и немножко закусить? Уже поздно, старуха приготовила нам поужинать и вытащила несколько бутылочек знатного вина. Одевайся ка. Ты найдешь рядом все, что тебе нужно. Затем придется удирать. Мы не можем оставаться здесь. Это кончилось бы плохо, и теперь, когда я отведал тебя, мне было бы досадно лишиться этого удовольствия. Мы отправимся прокатиться. Нравится это тебе, галантный кавалер? В таком случае, поторопись привести себя в порядок. Ты найдешь меня за столом, и мы по-

смотрим, так же ли хорошо ты ведешь себя там, как и в постели!

Анна-Клавдия, действительно, нашла его за столом. Она была очень бледна. Он посмотрел на нее и залпом выпил большой стакан водки. Выражение лица у него было жесткое и злое, брови нахмурены:

— Ах, чорт! Какая физиономия! Ты знаешь ведь, что я не люблю жеманниц и недотрог! Садись ка и пей.

Она взяла рюмку дрожащей рукой. Он злобно расхохотался:

— Ах, вот оно что! Я внушаю тебе страх? Уж не думала ли ты, направляясь ко мне, найти любовника, который будет отвешивать тебе поклоны и говорить любезности? Когда желают этого, не бегут в дебри, чтобы броситься в волчью пасть, овечка моя. Остаются у себя дома, под крылышком доброго дяди, в ожидании искателей руки. Но у нас, видите ли, огонь горел в крови, когда мы жили у старичка, и мы мечтали о любви! Надеюсь, по крайней мере, что он никогда не волочил за тобой, старый дуралей? В противном случае, я обрежу ему уши. Но довольно! Чорт с ним! Ты красива, это главное, и из тебя можно сделать кой что. О, совсем не то, что ты думаешь! Конец смелым предприятиям, засадам, нападениям на кареты и прочим проказам! Времена трудные, и ремесло разбой-

ника становится слишком рискованным. Я предпочитаю путешествовать. И вот, красивая женщина очень способствует тому, чтобы всюду был оказан хороший прием, лишь бы только она была любезна. Тебя научат быть любезной, сердечко мое! Не опускай глазки, пей скорей!

Он осушил свой стакан и поставил его на стол резким движением. Лицо его багровело. Он продолжал:

— Итак, ты красива, и ты любишь меня! Это все верно, но прелести твои не таковы, чтобы я проводил остаток дней в созерцании их, разиня рот. Нужно дать и другим полюбоваться ими; впрочем, женщины для этого и созданы. На кой дьявол хранить их для себя, когда взял от них то наслаждение, какое можно от них взять? Каждому свой черед, не правда ли, да и сами женщины того же мнения. Много их было у меня, ты знаешь, так вот: лишь одну единственную я хотел бы иметь для себя одного, но как раз этой женщине нравилось принадлежать всем! Ах, как ненавижу я ее, и других тоже ненавижу, ибо они не были ею. Тебя тоже не меньше ненавижу. Что ты пришла делать у меня? Почему, едва только увидя меня, ты стала моей? Я почувствовал это, разговаривая с тобой у дверцы твоей кареты, я понял это, когда вновь встретился с тобой у твоего болвана

дяди и велел передать тебе через Куафара маленькую памятку о моем посещении... Но почему же, однако, тебе так захотелось поцелуев вора? В конце концов, ты не первая, и дурак я, что удивляюсь этому. Да, это забавно, не правда ли, любиться с человеком, который завтра, может быть, будет колесован? Ты купишь место, чтобы присутствовать на этом прекрасном зрелище. Почему ты так бледна? Пей же, пей!

Он схватил ее за руку. Один из подсвечников опрокинулся, и раздался звон разбитой посуды. Опыянение овладевало им, опыянение глубокое, тяжелое, которое содержало в себе другие опыянения, одни давнишние, другие недавние, опыянения, в которых он столько раз черпал отвагу или искал забвения; блуждающие глаза его блестели, лицо пылало. Вдруг он утих и оставался некоторое время безмолвным, затем захохотал:

— Все это пустые разговоры... Напрасно ты не пьешь. Тебе нужно привыкать, вот увидишь. Здорово пили на ужинах у Бергатти, во времена, когда ее делили между собой Шаландр и Шомюзи, толстый Шомюзи... У этой Бергатти чорт сидел в теле. Родную мать она убила бы из за какойнибудь булаки. Ну, а я не люблю убивать, я предпочитаю воровать. Теперь она уже потеряла красоту, Бергатти; она сделалась сводницей и укрыва-

тельницей, но она еще способна на опасные выходы. Это по ее наущению был подколот толстый Шомюзи: она хотела украсть у него брильянт, который он отказывался подарить ей и берег для того, чтобы иметь возможность воспитывать в монастыре девочку, прижитую им от этой потаскухи... Но все это тебе неинтересно, не правда ли? Ах, я знаю, о чем ты думаешь, и чего тебе хотелось бы!.. Тебе хотелось бы, чтобы я целовал твой рот, тебе хотелось бы... Но нет, баста! Любви с меня довольно, женщинами я сыт по горло. Я предпочитаю вино... но что с тобой? Ты больна.

Анна-Клавдия встала, бледная как мертвец. Она закрыла лицо руками. Все ее тело содрогалось. Вдруг она схватила одну из бутылок и принялась пить из горлышка большими глотками.

— Bravo, красавица, за нашу любовь!

Он звонко хлопнул в ладоши, затем попытался поднести стакан к губам, но стакан выпал у него из рук. Вино потекло по его камзолу. Он разразился страшным ругательством:

— Я жажду; напои меня.

Она смотрела на него. С заплетающимся языком, с помутившимся взором, он был пьян, как бывал вероятно пьян когда то на ужинах у Бергатти, сидя между г-ном де Ша-

ландр и г-ном де Шомюзи, в час, когда женщины обнажают свою грудь, а мужчины выставляют напоказ свой цинизм и свою похоть, пьян тяжелым опьянением, опьянением, покрывавшим его лицо багровыми пятнами. Он икнул; слюна потекла у него изо рта. Что оставалось в нем от волнующего ночного гостя, изысканного дворянина, посетившего Эспиньоли, что оставалось от бесстрашного атамана, руководившего нападением на карету, и, жестом и осанкой, внушавшего в харчевне почтение своей полуньяной шайке? Перед нею был только пьяница, грузно сидящий в кресле и глухо повторявший:

— Напой меня, напой меня.

Она поднесла стакан к его губам. Он жадно стал пить, затем поперхнулся и оттолкнул рукою полупустой стакан, ударив Анну-Клавдию по щеке. Получив удар, она шатнулась назад, а он вопил:

— Ступай вон, ты неспособна даже напоить меня. Ты пригодна только для... Я буду отдавать тебя всякому, кто захочет твоего тела... Я тебя...

Язык его заплетался, он сделал усилие, чтобы встать, но, потеряв равновесие, тяжело грохнулся на пол.

Анна-Клавдия смотрела на него. Вытянувшись на спине, он спал. Понемногу лицо его успокаивалось, и какое то подобие красоты

вновь проступало на нем. Напряженные черты его разглаживались. Анна-Клавдия стояла в такой позе долго. Вдруг она вздрогнула. В дверь стучали, затем она приоткрылась, и в отверстие просунулась голова старухи. Анна-Клавдия услышала слова:

— Драгуны!

Старуха исчезла. Анна-Клавдия одно мгновение была в нерешительности и направилась к окну. Она раздвинула занавески и стала прислушиваться. Со двора доносились стук копыт, храп лошадей, отрывистая команда. В лунном свете она увидела блеск касок и сверкание сабель и ружейных дул. От-Мот был окружен. Тогда она возвратилась к телу своего любовника, трупом растянувшегося на паркете. На руках его она представляла себе кандалы, на ногах цепи, на шее железное кольцо. Члены эти будут истерзаны пыточными клещами, а затем лошади разорвут их. Тело это будет предано позорной казни. Нет, человек, которого она любила и ради которого потеряла честь, не погибнет на колесе! Она спасет его от страданий и от позора. Тут она наклонилась, запечатлела поцелуй на его лбу и поразила кинжалом в сердце. Нанеся удар, она закрыла глаза, отшатнулась и прислонилась к деревянной обшивке стен. При этом она едва не упала назад. Под тяжестью ее тела откры-

лась потайная дверь, выходящая на темную лестницу.

Мгновение она оставалась в нерешительности, затем, захлопнув за собою дверь, начала спускаться по ступенькам. Она шла ошущью. Ей казалось, что спуск ее длится бесконечное время, и что она погружается в вечный мрак. Наконец, она почувствовала под ногами гладкую почву и пошла по мощенному плитами коридору. В конце коридора была дверь. Клинком кинжала она вышибла замок. Перед нею тянулась лужайка с несколькими деревьями. К одному из них были привязаны три лошади. Драгуны оставили их здесь, чтобы пешком проникнуть в замок. Анна-Клавдия отвязала одну из этих лошадей, вскочила на нее, пустила галопом и скрылась из виду, в то время как драгуны, с пистолетами в руках, наполняли комнату, где лежало окровавленное тело Жана-Франсуа Дюкордаля, известного под именами кавалера де Бреж и атамана Столикого. И г-н де Шазо, наклонившись над ним, констатировал, что он мертв.

V

Была глухая ночь, и г-н Аркнэн осматривал на конюшне искалеченных лошадей. Мысли г-на Аркнэна были мрачные. В Эспиньолях, в самом деле, творились престранные вещи. Не далее как сегодня утром было обнаружено исчезновение сьера Куафара. Куафар дал тягу, оставив свою комнату пустой, но ушел не с пустыми руками, а унося с собой сбережения м-ль Гоготы Бишлон да в придачу к ним сбережения самого г-на Аркнэна. Понятно, это двойное воровство не оставляло г-на Аркнэна равнодушным, но если пропажа его денег и исчезновение сьера Куафара возмущали его, то в несравненно большей степени он был взволнован бегством м-ль де Фреваль. Что означали этот безрассудный поступок, это непонятное бегство? Чтоб барышня из благородной семьи взяла вдруг и удрала, — это превосходило всякое воображение. Однако, приходилось соглашаться с очевидностью. М-ль де Фреваль тайком ушла из Эспиньолей. Впрочем, Аркнэн должен был признать, что это

бегство было подготовлено давно уже, и сам он разве невольно не содействовал ему, обучив м-ль де Фреваль верховой езде и стрельбе из пистолета, словом, сделав ее способной совершить безумный поступок, план которого был так тщательно рассчитан ею и так смело приведен в исполнение? При этой мысли г-н Аркнэн кусал себе пальцы. Добро бы еще беглянка, отправляясь в путь, не причинила никакой порчи! Но г-н Аркнэн не мог утешиться при виде двух прекрасных лошадей, так жестоко изувеченных, и печально поднимал фонарь, освещая их. Не говоря уже о том, что бедняга г-н де Вердло способен будет заболеть, настолько он был ошеломлен бегством, от которого до сих пор еще не мог опомниться!

Окончив осмотр лошадей, Аркнэн покинул конюшню и переходил двор, направляясь к Гоготе, как вдруг услышал за воротами какой то шум, словно храп лошади. Он подошел к воротам с фонарем в руке, и заметил сквозь щель лошадь без всадника, затем, взглядевшись внимательнее, различил лежащую на земле человеческую фигуру. При виде ее он выругался и начал действовать засовами и задвижками, запиравшими ворота. Они медленно открылись. Аркнэн наклонился. Потом в страхе отшатнулся, воздев руки к небу:

— Господи Иисусе! Это барышня, верней верного...

Анна-Клавдия лежала на земле. Голова ее была обнажена, и тело казалось безжизненным. Платье ее, разорванное в нескольких местах, было испачкано пылью и грязью.

— Барышня, барышня...

Фонарь осветил осунувшееся лицо, глаза были закрыты. Тогда Аркнэн взял кольцо фонаря в зубы, схватил в охапку м-ль де Фреваль и направился к замку. Дойдя до вестибюля, он положил свою ношу на ступеньки и вытер лоб. Затем почесал затылок. Его первым движением было позвать на помощь, закричать, но по пути, заметив, что м-ль де Фреваль была только в обмороке, он передумал. Зачем привлекать внимание садовников, служанок и казачков? Весь этот люд начнет болтать, шуметь, тараторить. Разве не было сказано слугам, что барышня больна и лежит в постели? Важно было не дать огласки ее безрассудной выходке. Бравый Аркнэн чуял тут что то недоброе. Он снова почесал затылок, посмотрел на молодую девушку, попрежнему лежащую без движения, и поспешно направился в комнату Гоготы.

Когда он возвратился вместе с нею, м-ль де Фреваль еще не пришла в себя. Аркнэн взял ее подмышки, Гогота — за ноги, и они перенесли ее таким образом в ее комнату,

где положили на кровать. Гогота раздела ее. На теле м-ль де Февраль не видно было никакого поранения, и только на лице был синяк, да руки были покрыты засохшей кровью. Гогота нашла на ней кинжал, клинок которого был окровавлен. Гогота вымыла ей руки и положила припарку на щеку, затем, с помощью Аркнэна, уложила ее в постель. Лишь в этот момент м-ль де Фреваль открыла глаза. Она испустила вздох, пристально посмотрела на обоих и приложила палец к губам. Затем повернулась к стене, и Гогота с Аркнэном услышали, что она плачет. Удалившись, Аркнэн пошел на двор и увидел там лошадь, на которой приехала м-ль де Фреваль. Отводя лошадь в конюшню, он заметил, что на ней была драгунская сбруя. Все это было очень странно, но Аркнэн в настоящую минуту отказался разбираться в этих загадочных вещах. Другой вопрос занимал его. Нужно было уведомить г-на де Вердло о возвращении барышни. Какой прием окажет он ей? Не лучше ли, пожалуй, подождать до завтра, когда она окончательно придет в себя? Она сумеет объясниться с г-ном де Вердло. Приняв такое решение, Аркнэн отправился спать. Ночью Гогота несколько раз справлялась о положении м-ль де Фреваль. Каждый раз она видела в щелку двери, что та лежит с от-

крытыми глазами. Услышав поутру, что м-ль де Фреваль ходит по комнате, Гогота стала наблюдать за нею в замочную скважину. М-ль де Фреваль стояла перед открытым ею окном. Она держала в руке оружие, найденное при ней. Гогота увидела, как она бросила кинжал в пруд. Сделав это, м-ль де Фреваль закрыла окно и снова легла в постель.

Незадолго до полудня г-ну де Вердо подали письмо от г-на де ла Миньер. Г-н де ла Миньер писал ему, что г-ну де Шазо и его драгунам удалось, на основании сведений, сообщенных ему неким Забудыгой, окружить атамана Столикого в замке От-Мот. Его нашли мертвым, пораженным ударом кинжала в сердце, подле стола, уставленного яствами и бутылками, впрочем пустыми, с лицом, испачканным вином и кровью. Что касается его собутыльника, то он наверное убежал на лошади одного из драгун, так как по возвращении из замка не досчитались одной из трех лошадей, привязанных к дереву. Кроме того, стало известно от разбойников, принадлежавших к той же шайке и захваченных в то время, как они взламывали дверь одного дома в предместьях Бурвуазэна, что какой то таинственный всадник, очень красивый юноша, приехал к атаману в подозрительную харчевню, называвшуюся Маласпз. Г-н де ла Миньер прибавлял, что при-

существование этого очень изящного и очень красивого всадника проливает новый свет на нравы атамана, которые не представляют собой, впрочем, ничего исключительного, так как содомия весьма распространена среди людей того сорта, к которому принадлежал атаман. Своею смертью он был вероятно обязан какому нибудь столкновению на почве ревности. Г-н де ла Миньер выражал огромную радость по поводу этой смерти. Теперь, когда местность очищена от шайки, навонявшей ее, и дороги снова стали безопасными, м-ль де Фреваль будет иметь возможность возобновить свои прогулки верхом, которые ей так нравятся. Он сам воспользуется этой безопасностью и вскоре приедет в Эспиньоли поговорить с г-ном де Вердло об одном очень занимавшем его проекте.

Кроме получения этого письма в тот день не случилось ничего замечательного, если не считать того, что Аркнэн, которому г-н де Вердло сообщил о смерти атамана и любопытных обстоятельствах, сопровождавших ее, стал чесать себе затылок чаще обыкновенного, словно человек, испытывающий жестокое внутреннее замешательство. Что же касается г-на де Вердло, то это письмо не навело его, повидимому, ни на какие размышления и не поразило никакими совпадениями. Он не извлек из него, с виду, по

крайней мере, никаких указаний насчет близкой связи между фактами, которые могли бы, казалось, привлечь его внимание. То обстоятельство, что Гогота с таинственным видом то появлялась, то вновь исчезала, также не производило впечатления на г-на де Вердло, и он не дал ей повода успокоить страшный зуд, который она чувствовала на языке.

Поэтому, при приближении часа ужина, когда Гоготе пришлось отправиться в «старый флигель», чтобы узнать, не нужно ли чегонибудь м-ль де Фреваль, она попрежнему была переполнена своей тайной. Каково же, однако, было ее изумление: м-ль де Фреваль одевалась. Стоя перед зеркалом, она оканчивала свою прическу. Окончив ее, она молча направилась в комнату, которая служила г-ну де Вердло столовой.

Г-н де Вердло довольно меланхолически прогуливался по ней, поглядывая на прибор, отмечавший место отсутствующей, который он не велел убирать. В тот момент, когда г-н де Вердло собирался уже захлопнуть свою табакерку и садиться за стол, дверь отворилась, и в ней показалась Анна-Клавдия де Фреваль. При виде ее г-н де Вердло застыл в такой неподвижности, словно он уже сто лет был мертвецом, и только сухой звук щелкнувшей табакерки свидетельствовал, что

он был жив. Анна-Клавдия медленными шагами направилась к нему; подойдя на привычное расстояние, она сделала г-ну де Вердло свой обычный реверанс, после чего они сели за стол друг против друга и начали обмениваться обычными фразами. Лишь когда Аркнэн хотел налить вина в стакан Анны-Клавдии, она сделала отрицательный знак и стала такой бледной, что, казалось, сейчас упадет в обморок. За исключением этого отказа от вина, она разговаривала и ела, как обыкновенно. Когда ужин был окончен, и они перешли в гостиную, где Аркнэн зажигал свечи, Анна-Клавдия приблизилась к ломберному столу и рассыпала бирюльки по зеленому сукну перед совершенно опешившим г-ном де Вердло, который смотрел, выпуча глаза, как она уверенной рукой извлекала одну за другой, легко и не спеша, маленькие палочки из слоновой кости, хрупкие кусочки которой казались миниатюрной аллегорией разбитого скелета Амура!

ЭПИЛОГ

— Ну, что, дорогой мой, каково твое мнение о моей повести? Признайся, что она красива и, что еще лучше, истинна.

Мы сидели — мой друг Пьер Давэн и я — в комфортабельных креслах его библиотеки. Царила полная тишина, потому что час был поздний, а вечером в городке Вернонсе жизнь замирает. По закрытии двух или трех кафэ и возвращении домой последних прохожих, Вернонс засыпает крепким провинциальным сном. Итак, до нас не доносилось никакого шума, тем более, что окна библиотеки выходили в сад. Они были открыты, и комната была наполнена запахом лета. Давэн наклонился. Он положил в пепельницу окурок своей сигары и продолжал:

— Да, истинна, настолько истинна, что завтра, если угодно, я покажу тебе развалины замка От-Мот и то, что осталось сейчас от Эспиньолей. Мы проедем через Бурвуазэн и можем даже прократиться до Сен-Рарэ. Ты увидишь харчевню Маласиз и Макрэ. Мы

взберемся на Высокий Пригорок и, через Бифонтэн и болото Пурсод, доберемся до Эспиньолей. В другой раз мы поедем к Рэдону, где было совершено нападение на карету. Дорога отведена в сторону и не проходит больше по своему старому направлению, но следы прежней дороги видны до сих пор. Когда нибудь я расскажу тебе, что случилось с этой романической Анной-Клавдией, после того, как она возвратилась из своей эскапады. Но сейчас пора идти спать. Надеюсь, что тебе не приснятся пистолетная и мушкетная стрельба, мужчины в масках и переряженные девушки, засады и верховая езда, удары кинжалом и прочее. Вернонс спокойнейший в мире городок. Он похож немного на тот, что ты описал в Провинциальном Развлечении, только мистически настроенные шоферы не убивают там старичков в золотых очках и в нем не развлекаются на манер твоего странного героя. Засим покойной ночи, старина, и до завтра...

Когда мой друг Пьер Давэн прислал мне извещение о своей свадьбе, я путешествовал по Италии и не мог возвратиться во-время для присутствия на церемонии. Меня не удивило, что Давэн женится. Это уравновешенный и трудолюбивый малый. Он опубликовал интересную брошюру о Женских монастырях XVIII века и статью об интен-

дантском управлении, основанную на очень богатом фактическом материале. Несколько более я был удивлен тем, что он покинул Париж и поселился в Вернонсе, городке с 6.852 жителей; но он писал мне, что его невеста очаровательна, что она сирота и владеет в Вернонсе старинным красивым домом, который ей было бы жаль покинуть, и что он сам очень охотно согласился на такой образ жизни, так как он доставит ему необходимый для его занятий досуг. Он приглашал меня навестить его с его молодой женой в Вернонсе сейчас же после моего возвращения из Италии. Я ответил принятыми в таких случаях поздравлениями и выражением благодарности, но отложил свое посещение на более поздний срок. Мне казалось, что лучше будет не беспокоить моих влюбленных. В первые дни счастья молодая пара эгоистична и чувствует потребность в уединении. Давэн понял это, но уже несколько раз он напоминал мне в письмах мое обещание, так что я решил наконец сдержать его, и вот уже в течение пяти дней гостил у дружеской четы.

Должен признаться, что Пьер Давэн не солгал мне. Жена его прелестна, проста, мила, умна, не провинциалка, и полна настоящего французского очарования! Она ожидала ребенка и была немного томной.

Пьер был по отношению к ней внимателен, галантен и нежен. Дом, такой же приятный, как его хозяева, был старой постройкой начала XVIII века, из красивого камня, с высокими окнами, украшенными гирляндами и маскаронами, которые, вместе с балконами в форме корзиночек, образовывали фасад самого лучшего вкуса. Внутри находилась прекрасная старая мебель, отличные панели, зеркала-трюмо. Подъезд выходил на спокойную улицу, замощенную мелким остроконечным камнем. За домом тянулся сад, обнесенный высокой каменной оградой, с аллеями, обсаженными буксом, грабинами, маленьким бассейном, украшенным раковинами, и несколькими старинными статуями. Все это сохраняло очаровательнейший вид старой Франции. Подобно моим хозяевам и дому, меня пленял также Вернонс. Он расположен на склоне косогора, огибаемого тихой рекой, извилистой и ленивой. В нем есть красивая церковь, несколько общественных зданий, спокойной и благородной архитектуры, живописные улицы, площадка для игр, обсаженная старыми липами, две площади, из которых одна в мольеровском духе, с каменными скамьями и старинными домами. Давэн поддерживал приятные сношения с несколькими семьями, родственными или дружескими семье его жены, род которой был один из самых старых и по-

ченных в округе. Словом, он никоим образом не совершил безрассудства, поселившись в Вернонсе. Он занимался там в настоящий момент изучением местной старины и во время этих занятий попал на след странной истории, рассказанной им мне. В каждом маленьком городе почти всегда хранится какая-нибудь повесть в этом роде, которая передается из уст в уста, и всегда бывает занятно услышать ее, а еще занятнее докопаться до ее «источников».

На другой день утром нас поджидал автомобиль. Давэн сел у руля, а я занял место рядом с ним. Мы отправились. Пьер решил поехать в От-Мот через Рэдон. Этот крюк несколько удлинял наш путь. Вскоре мы были на вершине холма, по которому проходила прежняя дорога. Оттуда отлично было видно место, где произошло нападение на карету, перелески, овраг. Погода была прекрасная, воздух мягкий, пели птицы. Давэн закурил папиросу, и мы снова сели в автомобиль.

— А теперь в путь, в замок От-Мот.

Не доезжая Вернонса, дорога раздваивалась и огибала город; по ту сторону пейзаж довольно резко менял характер. Его приятная мягкость переходила в суровость. Почва становилась мало по малу неровной и холмистой. Мы ехали с хорошей скоростью; затем мы покинули шоссе и свернули на камени-

стый проселок. На одном повороте Давэн застопорил. Тропинка вилась вверх по поросшему кустарником склону. Давэн шел впереди меня. Мы шагали так около четверти часа и добрались наконец до края плато. Оно представляло собою род голой площади за шпалерой деревьев. Остатки стен возвышались на ней, почва была покрыта мусором, среди которого в изобилии произрастали крапива и колючки. От-Мот представлял сейчас только кучу развалин. Было жарко, и солнце пекло старые камни. Вид этого щебня, в достаточной степени меланхолический, не представлял ничего интересного. Немного разочарованный, я хотел бы видеть От-Мот не в таком разрушении. Где была комната с золочеными панелями, в которой Анна-Клавдия де Фреваль стонала от любви и муки в объятиях своего любовника, и та, в которой она нанесла смертельный удар кинжалом атаману Столикому? Где находились потайная лестница и маленькая дверь, через которую она вырвалась на свободу под носом у драгун г-на де Шазо? Ничего из этого больше не существовало. Положительно, от замка От-Мот осталось сейчас одно только название!

Зато Маласиз находился в гораздо лучшем состоянии. Харчевня, которая служила сборным пунктом разбойников, и в которую м-ль

де Фреваль приехала для встречи с их главарем, оставалась почти такой же, как была когда то. Повернувшись спиной к дороге, вдоль которой тянулась ее высокая мрачная стена, посетитель входил в нее все через ту же узкую дверь, порог которой некогда переступила Анна-Клавдия де Фреваль. Большая комната с низким потолком попрежнему являла взору деревянные стены и лавки, истершиеся от долгого употребления. Маласиз сохранял еще свой характер разбойничьего притона, и трактирщик, подававший нам бутылку белого вина, отлично мог бы сойти за Верзилу-Бенуа, Курносого, Забудыгу или Кокильона. Впрочем, это был честнейший человек, и не его вина, что его харчевня имела вид мрачный и подозрительный. Кушанья вряд ли были там аппетитными, так что Пьер Давэн предложил мне отправиться позавтракать в Бурвуазэн.

Бурвуазэн показался мне большим местечком, не представляющим никакого интереса, но кухня Гостиницы Красного Льва вполне стоила сделанной нами остановки. За великолепным омлетом с почками, отбивными котлетами и чудесным шоколадным суфле мы немножко позабыли о разбойничьих похождениях атамана Столикого и эскападе м-ль Анны-Клавдии де Фреваль. Масса воспоминаний юности нахлынула на нас, и мы

с удовольствием перебирали их. Мы продолжали обмениваться ими и в автомобиле в то время, как он катил по направлению к Высокому Пригорку. Там тоже, как и в От-Моте, нам пришлось всходить пешком, но мы были вознаграждены за потраченные усилия. Вид, открывавшийся оттуда, был действительно прекрасный: перелески, возделанные поля, широкая равнина. Вдали блестело болото Пурсод. Давэн указал мне точку на горизонте:

— Эспиньоли...

К ним попрежнему нужно было подъезжать по аллее, обсаженной деревьями, которая у Гранжет отделялась от дороги на Вернонс. Однако большие ворота и часть каменной ограды повалились, так что теперь посетитель входил прямо во двор. Направо, службы, переделанные в ферму, попрежнему были обитаемы. Домашняя птица рылась в навозе. Лошадь, запряженная в тележку, постукивала копытом. Показалась женщина с ведрами в руках. В глубине двора возвышался замок или вернее его остов, ибо крыша его исчезла, а внутренние стены обвалились. Среди обломков можно было однако различить первые ступеньки большой лестницы. Сюда сложил Аркнэн безжизненное тело м-ль де Фреваль. Что касается садов, то от них не оставалось и следа; на месте их было картофельное поле.

Я повернулся к Давэну:

— Кому принадлежат Эспиньоли?

При этом вопросе Пьер Давэн напустил на себя то, что я охотно назвал бы: вид чичероне. Я почувствовал, что сейчас начнутся обещанные разъяснения по поводу истории м-ль де Фреваль.

— Эспиньоли принадлежат маркизу де Морамбер. Морамберы выкупили их по возвращении из эмиграции, но после этого выкупа тут не было вбито ни одного гвоздя и ни разу не прошлась кисть маляра, и вот перед тобой результат такого способа сохранения старины. Лет тридцать тому назад крыша была сорвана ураганом, и это было началом конца. Что касается теперешнего маркиза, то на него нечего надеяться! Эспиньоли обречены.

Давэн безнадежно махнул рукой по направлению к шаткому фасаду, затем прибавил:

— Старый флигель сохранился лучше.

Это была правда. За исключением рухнувшей в пруд угловой башни, «старый флигель» остался почти нетронутым и был, пожалуй, даже пригоден для жилья. Комнаты стояли пустые, окна без стекол, паркеты прогнили, деревянная обшивка стен сорвана, но легко было отыскать комнату Гоготы Бишлон и ту, что занимала м-ль де Фреваль.

Войдя в эту последнюю, Пьер Давэн схватил меня под руку:

— Вот здесь, в этих четырех стенах, закончилась повесть, которую я тебе рассказал... По смерти г-на де Вердло Анна-Клавдия де Фреваль унаследовала замок и земли эспиньольского поместья. Из всего замка, наглухо заколоченного, она выбрала себе для жилья одну эту комнату, затворилась в ней и никогда из нее не выходила. В ней то и нашли ее вернонские санкюлоты. Они пришли целой гурьбой, вооруженные пиками, в красных колпаках и одушевленные самой безукоризненной гражданственностью. Чтобы удостовериться в том, что старая барышня де Фреваль (в 1793 году ей было больше семидесяти лет) была доброй патриоткой, эти господа решили заставить ее чокнуться с ними. При виде вина, наполнявшего поднесенный ей бокал, она побледнела и с отвращением оттолкнула его. Один из грубиянов, окружавших ее, завопил: «Так как гражданка не желает республиканского вина, то пусть она напьется воды вот из этого пруда!» После этого они схватили ее, приволокли к открытому окну, раскачали и швырнули в пруд. Она сразу же пошла ко дну. Сделав это, ребята приступили к грабежу замка. Все, что находилось в нем, было разбито, растащено, раскидано. До сих пор я еще покупаю

иногда предметы, происходящие из этого замка, ибо ничто не пропадает бесследно; этим принципом должен руководиться всякий коллекционер и всякий историк. Так, я нашел у одного крестьянина письма маркизы де Морамбер к г-ну де Вердло, которые я читал тебе. Что касается основного события повести, то оно рассказано в бумагах г-на де ла Миньер, семья которого находилась в родстве с предками моей жены, и который узнал ее вероятно от Аркнэна и Гоготы Бишлон. Аркнэн, мне кажется, отлично догадался о характере эскапады м-ль де Фреваль. Что касается г-на де Шомюзи, то я попросил собрать о нем справки в Париже, откуда и получил желательные сведения так же, как и сведения относительно Манетты Бергатти, которая была любовницей атамана Столикого, а также Шомюзи, и матью Анны - Клавдии, — обстоятельство, которое прольет свет на множество вещей, если только для этого недостаточно простого соображения, что женщины суть женщины, и что все безумства в них. Автор Грешницы не станет возражать мне.

Пьер Давэн помолчал некоторое время, затем продолжал:

— В конце концов, мне кажется, что все это не так уж необыкновенно. Повесть Анны-Клавдии де Фреваль не является разве ва-

риантом повести Психеи, разве не является она повестью, увы! всех душ, устремляющихся в поиски за любовью, и ее эскапада разве не является вечным похождением всех страстных сердец? Капля масла заменена в ней каплей крови. Но я не скажу этого в присутствии моей жены; она выцарапает мне глаза...

И он прибавил со смехом:

— Она немного ревнует меня к моей разбойнице...

День вечерел; большая стрекоза летала по комнате. В молчании слышался сухой и вибрирующий шум ее крыльев. Я подошел к окну и в последний раз взглянул на поверхность пруда, где покоилась, в мирной глубине, дочь Люка-Франсуа де Шомюзи и Манетты Бергатти, Анна-Клавдия, известная под фамилией м-ль де Фреваль.

К О Н Е Ц

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АСАДЕМІА»

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Пер. с франц. под общ. ред. М. Кузмина, А. А. Смирнова
и Фед. Сологуба. Рис. Н. Акимова.

	ЦЕНА
I. Яшмовая трость.— Рассказы. Пер. М. Волошина.	1 р. 30 к.
II. Дважды любимая.— Роман. Пер. Фед. Сологуба. 2-ое издание.	2 „ 20 „
III. Необыкновенные любовники.— Рассказы. Пер. Вс. Рождественского и А. А. Смирнова	1 „ — „
IV. По прихоти короля.— Роман. Пер. М. Кузмина.	1 „ 40 „
V. Полночная свадьба.— Роман. Пер. А. Смирнова	1 „ 40 „
VI. Каникулы скромного молодого человека.— Роман. Пер. О. Брошниковой.	1 „ — „
VII. Встречи г-на де Бр-о.— Роман. Пер. М. Кузмина.	1 „ 50 „
VIII. Живое прошло.— Роман. Пер. М. Кузмина.	1 „ 60 „
IX. Страх любви.— Роман. Пер. А. Чеботаревской	1 „ 40 „
X. Оттенки времени.— Рассказы. Пер. О. Брошников- ской.	1 „ 60 „
XI. Первая страсть.— Роман. Пер. Брониславы Рунт.	1 „ 60 „
XII. Амфисбена.— Роман. Пер. М. Кузмина	2 „ — „
XIII. Лаковый поднос.— Рассказы. Пер. А. А. Смирнова	1 „ 30 „
XIV. Ромэнна Мирмо.— Роман. Пер. М. Лозинского.	1 „ 60 „
XV. Героические мечтания Тито Баси.— Роман. Пер. В. А. Кржевского	1 „ 10 „
XVI. Загадочные истории.— Рассказы. Пер. Вс. Рожде- ственского и А. А. Смирнова	1 „ 30 „
XVII. Грешница.— Роман. Пер. М. Лозинского	1 „ 60 „
XVIII. Провинциальное развлечение.— Роман. Перевод А. Франковского	1 „ 40 „
XIX. Эснапада. Роман. Пер. А. Франковского	1 „ 30 „

Цена каждого тома в переплете на 15 коп. дороже.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазины «АСАДЕМІА»

ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского, 40. Телеф. 138-98.

МОСКВА, Тверская, 29. Тел. 5-45-13.

Цена 1 р. 40 к.

130